

И. И. ХЕМНИЦЕР

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА

М. ГОРЬКИМ

Большая серия

Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И. И. ХЕМНИЦЕР

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ

Вступительная статья Н. Л. Степанова

Составление Л. Е. Бобровой

Подготовка текста и примечания Л. Е. Бобровой и В. Э. Вацуро

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД · 1963

Р 1
Х 37

И. И. Хемницер (1745—1784) — крупнейший русский поэт-баснописец второй половины XVIII века. Идейная глубина, сатирическая заостренность и демократизм басен Хемницера делают его одним из виднейших предшественников Крылова. Настоящее издание, наиболее полное из существующих, знакомит читателя с басенным творчеством Хемницера, а также с его сатирами и лирикой и дает, таким образом, представление о широте и многообразии его творческой деятельности. В сборнике впервые публикуется ряд неизданных произведений Хемницера.

ИВАН ХЕМНИЦЕР

Среди русских баснописцев наряду с Крыловым обычно называется имя Хемницера. Белинский, не склонный к щедрым похвалам по адресу писателей XVIII века, очень точно определил место Хемницера в истории русской литературы: «Хемницер, Богданович и Капнист, — писал он, — . . .принадлежат... к второму периоду русской литературы: их язык чище, и книжный реторический педантизм заметен у них менее, чем у писателей ломоносовской школы. Хемницер важнее остальных двух в истории русской литературы: он был первым баснописцем русским (ибо притчи Сумарокова едва ли заслуживают упоминовения), и между его баснями есть несколько истинно прекрасных и по языку, и по стиху, и по наивному остроумию».[1] Отмечая важную роль Хемницера в создании русской национальной басни, Белинский справедливо указывал, что Крылов «много обязан» своему предшественнику.[2]

Басни Хемницера обладали той доходчивостью, той художественной выразительностью, которые обеспечили им широкую популярность. Достаточно сказать, что до середины XIX века вышло 35 изданий басен Хемницера. Многие стихи из них перешли в пословицы.

1

Иван Иванович Хемницер родился 5 января (ст. ст.) 1745 года в Енотаевской крепости Астраханской губернии на Волге. Отец и мать его были по национальности немцы. Иоганн Хемницер в молодости переселился в Россию и поступил на службу в качестве

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7. М., изд. АН СССР, 1955, стр. 119.

[2] Там же, стр. 442.

военного штаб-лекаря. Нелегко пришлось поначалу чужеземцу в России, да еще на ее дальней, полудикой окраине. Ему привелось немало постранствовать по калмыцким степям, пока он с семьей не поселился в Астрахани. В этих странствиях трудно было учить и воспитывать детей. Отец сам взялся за обучение сына: выучил его немецкому и латинскому языкам и начальным правилам арифметики. По переезде в Астрахань он отдал сына в ученье местному пастору, и шестилетний мальчик сразу попал в трудный «синтаксический класс». Будущий баснописец оказался весьма тихим и усидчивым ребенком, больше всего любившим сидеть за книгой и заниматься уроками. Отец приискал ему и учителя русского языка, который научил мальчика чтению и письму, а инженерный офицер — арифметике и геометрии.

В 1755 году отец Хемницера перебрался с семьей в Петербург. Там он поместил сына к преподавателю латинского языка при врачебном училище, с тем чтобы подготовить его к медицинскому поприщу. В биографическом очерке «Жизнь сочинителя», написанном, по-видимому, другом Хемницера писателем В. В. Капнистом, рассказывается: «Отец его, выехавший из Саксонии, провел всю жизнь свою в нашей службе и наконец был надзирателем Санкт-петербургского сухопутного госпиталя. Он сделался известным как знаниями в лечебной науке, так добротою души и отличным бескорыстием, ибо, находясь около пятидесяти лет в различных должностях, не имел он к пропитанию себя в дряхлой старости ничего, кроме жалованья, и жене своей, теперь еще живущей, оставил совершенную нищету».[1]

Обстановка, в которой воспитывался Хемницер, была очень скромной. Жалованья отца едва хватало на насущные расходы даже при всей немецкой аккуратности, царившей в доме. Неудивительно поэтому, что подросток не соблазнился перспективой медицинской карьеры и в тринадцать лет покинул отчий дом. Скрыв свой возраст, он поступил добровольцем в солдаты пехотного Нотебургского (Шлиссельбуржского) полка.

Как сообщает автор биографического очерка, молодой Хемницер отличался не только серьезными знаниями, но и «простосердечием» и «бескорыстием»: «Одаренный острым понятием и памятью, предуспел он скоро в языках и науках, в общежитии необходимых; рожденный с добрым сердцем, легко заимствовал он от родителей своих коренные добродетели, наипаче: простосердечие, воздержность, бескорыстие и горячность в дружбе; а наконец, с

---

[1] «Басни и сказки И. И. Хемницера». СПб., 1799, стр. VII—VIII.

такими расположениями пущенный в самых молодых летах на свою волю в свет, которого опасности живо ему изображаемы были, изострил он всегдашнею осторожностию наблюдательный ум, причины и действия вещей испытующий, которому обязаны мы большею частию басен и сказок его, одной токмо природе подражающих».[1]

На военной службе Хемницер пробыл целых двенадцать лет. Благодаря своей добросовестности он дослужился до сержантского чина, а в 1766 году был произведен в поручики. Будущий баснописец принимал участие в войне с Пруссией, находясь на адъютантских должностях. В его военном аттестате в графе «Где был ь походе и у дела против неприятеля, на какое время?» отмечено: «В 1759 году в Померании, Брандебургии, Шлезии и Саксонии, а на баталии не бывал».

Военная служба, походы и в особенности пребывание в солдатской среде оказались важной жизненной школой для юноши. Однако военная карьера не удовлетворила будущего писателя, так же как и занятия медицинскими науками, от которых он сбежал на войну. «Увидя, как сам часто сказывал, — свидетельствует его биограф, — что из анатомической залы попал он на обширный хирургический театр»,[2] вскоре по окончании войны, в 1769 году, Хемницер при первой же возможности выходит в отставку. Научные интересы влекут его к минералогии и горному делу. Он поступает на службу в Горное училище, начальником которого был М. Ф. Соймонов, принявший в нем дружеское участие.

Следом занятий Хемницера геологией и минералогией остались его перевод книги И. Лемана «Кобальтословие» (1778) и участие в редактировании переводов книг «О драгоценных камнях» Брикмана (1779) и «Минералогическое известие о Саксонском рудном кряже» (1780).

К началу 70-х годов относится, видимо, и знакомство Хемницера с Н. А. Львовым, родственником М. Ф. Соймонова. Поэт, художник, архитектор, Н. А. Львов был человеком великосветского круга, обладал широкими знакомствами и связями. Как и В. В. Капнист, Львов являлся ближайшим другом Г. Р. Державина. Хемницер попадает в этот литературный кружок; вероятно, тогда же создаются и его первые поэтические опыты.

Большое значение для расширения умственного кругозора Хемницера имела его поездка за границу — в Германию, Францию и

---

[1] «Басни и сказки И. И. Хемницера». СПб., 1799, стр. VIII—IX.
[2] Там же, стр. IX—X.

Голландию, куда он отправился в конце 1776 года вместе с Н. А. Львовым, сопровождая больного М. Ф. Соймонова. Через Дрезден, Лейпциг, Франкфурт-на-Майне и Кельн они проехали в Голландию, побывали в Лейдене, Амстердаме и других городах, после чего направились во Францию. Во время путешествия Хемницер вносил в записную книжку свои впечатления.

В Париже он вместе со своими спутниками постоянно посещает театры, видит лучших французских актеров того времени, слушает выдающихся певцов и певиц. Картинные галереи, в особенности произведения Рафаэля, Рубенса, Греза, Версальский парк, Трианон, Марли и другие королевские дворцы и парки с их великолепием и изощренной роскошью произвели неизгладимое впечатление на русского путешественника, который вдобавок имел своим руководителем такого тонкого знатока архитектуры и живописи, как Львов.

Наряду с памятниками искусства и архитектуры, внимание Хемницера привлекли достижения современной техники: «водяная машина» на Сене, доставляющая в Версаль «фонтанные воды», «медальный кабинет», где он смотрел, как «тиснят» медали, в Голландии — «огненная машина» для «поднимания воды».

Любопытные подробности этого путешествия сохранились в заметках Н. А. Львова для биографии Хемницера. Так, Львов рассказывает, что во время пребывания в Париже Хемницер особенно жаждал увидеть Жан-Жака Руссо: «Живучи в Париже целую неделю, ходил он каждое утро стеречь, когда Жан-Жак выдет из дому своего, и, увидев его один раз, мне уже покою не было, что я, живучи с ним в одной комнате, не видал Жан-Жака, по тех пор, покуда наконец, увидя его вместе, уверил я его, что это не Жан-Жак, а учитель графа Строганова, и по возвращении уж только в Спа признался, что это была шутка». [1]

Это благоговейное отношение к Руссо красноречиво характеризует настроения и симпатии Хемницера, воспитанного на идеях просветительской философии. По своим взглядам он был сыном эпохи Просвещения. Руссо, Вольтер и другие философы и писатели-энциклопедисты были ему хорошо известны. В записной книжке Хемницера в перечне книг, данных на прочтение друзьям и знакомым, значатся Вольтер, Руссо, Гольбах, книги научного содержания: «Линнеева система», «Физические письма» Эйлера, «Система природы» Гольбаха, «Металлургия» Ломоносова. Этот список книг свидетельствует о разносторонних научных интересах писателя.

---

[1] Сочинения и письма Хемницера, под ред. Я. Грота. СПб., 1873, стр. 41—42.

В мае 1777 года путешественники снова поехали в Голландию, оттуда через Аахен прибыли в Спа. Здесь Соймонов длительное время лечился минеральными водами, а Львов отправился в Россию. Наконец в октябре 1777 года Хемницер вернулся на родину, в Петербург.

Свидетельством дружеских отношений Хемницера с М. Ф. Соймоновым являются «Стихи на именины М. Ф. Соймонова», датированные 23 мая 1773 года. Стихи эти выдержаны в духе панегириков XVIII века:

Всяк, кто родством к тебе и дружбой прилеплен,
Всяк торжествует днесь и духом восхищен.

Однако, зная нелицемерный характер поэта, можно думать, что отношения его с Соймоновым действительно выходили за границы служебного чинопочитания.

По возвращении в Петербург Хемницер становится одним из деятельных участников литературного кружка, группировавшегося вокруг Н. А. Львова и Г. Р. Державина. В нем задавали тон ближайшие друзья Хемницера — Василий Капнист и Николай Львов. Будущий автор «Оды на рабство» (1783), Василий Васильевич Капнист в это время лишь начинал свою литературную деятельность. Державин, только что вернувшийся из Заволжья, привез свои «Читалагайские оды», написанные еще в традициях ломоносовских од. Он был уже известен в литературных кругах, хотя подлинная слава пришла к нему много позднее. В эти годы его литературная и служебная деятельность лишь начиналась.

Руководящую роль в кружке играл Н. А. Львов. Он был на шесть лет младше Хемницера, но его разносторонние таланты уже успели широко проявиться. Львов осведомлен был не только в различных видах искусства — поэзии, живописи, архитектуре, но и в науке. Он изобрел способ строить дома из битой глины, добывал торф на новгородских болотах, собирал народные песни, переводил с греческого языка Анакреона, писал стихи и пьесы и являлся для друзей постоянным и главным судьей во всех вопросах литературы и искусства.

Тесные дружеские отношения со Львовым, уважение к его уму и талантам высказаны Хемницером в стихотворении на портрет Львова:

Хотел бы я, чтоб ты мне образ свой оставил,
Он точно так умно, как ты глядишь, глядит
И мне о дружестве твоем ко мне твердит.

Но нет, он каждый раз мне только досадит:
Я б говорить его заставил,
Чтоб чувствовать со мной и чувства разделять,
А он молчанием мне будет отвечать.

Взгляды участников дружеского литературного кружка сложились под воздействием событий русской действительности и идей просветительской философии. Только недавно по всей стране прошел шквал крестьянского восстания, возглавленного донским казаком Емельяном Пугачевым. Либеральные «прожекты» и заигрыванья императрицы Екатерины II с французскими философами, прогрессивные положения ее «Наказа» были забыты. Она предстала в качестве «казанской помещицы», всеми средствами утверждая самодержавно-крепостнический «порядок» и руководя наступлением феодально-помещичьей реакции. Деспотический произвол, придворный фаворитизм, расхищение национальных богатств, повальное взяточничество прочно воцарились в государстве, основная масса населения которого находилась на положении рабов.

Участники дружеского кружка отнеслись к этому усилению самодержавного деспотизма с решительным осуждением. Недаром Державин в 1780 году выступил со знаменитой одой «Властителям и судиям», в которой гневно нападал на деспотизм и тиранию:

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Еще решительнее был настроен молодой Капнист, напечатавший в том же 1780 году свою первую сатиру, обличавшую светское лицемерие и раболепство придворной поэзии, а тремя годами позже — «Оду на рабство», в которой он резко выступал как против крепостного рабства, так и против деспотической власти монарха:

Воззрите вы на те народы,
Где рабство тяготит людей,
Где нет любезныя свободы
И раздается звук цепей:
Там к бедству смертные рожденны,
К уничиженью осужденны,
Несчастий полну чашу пьют;
Под игом тяжкия державы
Потоками льют пот кровавый
И зляе смерти жизнь влекут.

Будущий автор «Ябеды» не поскупился здесь на суровые краски в изображении екатерининского царствования и его деспотических порядков. Окончательное введение крепостного рабства на Украине (согласно указу Екатерины) послужило толчком к написанию этой оды, содержавшей программу, навеянную просветителями и энциклопедистами — Вольтером, Руссо, Монтескье, Дидро.

Члены кружка стремились создать национальную литературу, проявляли усиленный интерес к народному творчеству. Н. Львов издал в 1790 году со своим предисловием и нотными обозначениями «Собрание русских народных песен с их голосами». К советам Львова и Капниста со вниманием прислушивался не только Хемницер, но и сам Державин, впоследствии писавший, что с 1779 года он избрал «совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г. Баттё и советами друзей своих Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера...» [1]

Участники дружеского кружка, хотя и следовали во многом принципам классицизма, но в то же время уже далеко отошли от тех правил и норм классицистической поэтики, которыми руководились Ломоносов, Тредиаковский, Сумароков. В традиции классицизма все настойчивее проникали новые веяния, идущие от западноевропейского сентиментализма. Н. А. Львов решительно ратовал за создание национальной поэзии, отстаивал ее народно-национальные формы, сочетая в собственном творчестве поэтику классицизма с художественными принципами сентиментализма. Знакомство с деятельностью Гердера, пропагандировавшего национальную народную поэзию, сказалось и на обращении Львова к народной песне, в его опытах создания народного стиха. Этот интерес к народному, национальному началу отличал и остальных участников кружка.

В противовес рационалистической концепции, лежащей в основе эстетики классицизма, сентиментализм выдвигал «чувствительность», эмоциональную настроенность, переживания «частного» человека, его интимную жизнь. Этот отход от общегосударственных тем, от философско-отвлеченной проблематики и «возвышенных» классических жанров — эпопеи, оды, гимна — особенно наглядно сказался в творческой практике членов дружеского кружка. Лирические стихи и песни Н. Львова, такие «чувствительные» стихи В. Капниста, как «На смерть Юлии», «На смерть друга

---

[1] Г. Р. Державин. Сочинения, под ред. Я. Грота, т. 6. СПб., 1871, стр. 443.

моего», и тематически и стилистически примыкают к сентиментализму.

Однако первые поэтические опыты Хемницера еще не выходят за рамки классицистических канонов. Так, в 1770 году он пишет «Оду на славную победу... при городе Журже», всецело выдержанную в духе классицизма. Проникнутая патриотическим пафосом, но слабая в художественном отношении, эта риторическая ода была первым произведением молодого поэта, появившимся в печати. За ней последовали другие оды и перевод «Письма Барнвеля к Труману» из «героиды» французского поэта Дора, изданный отдельной брошюрой в 1774 году. Тяжеловесные стихи этой «героиды» сопровождались посвящением Н. А. Львову.

Вскоре по приезде из-за границы Хемницеру пришлось выйти в отставку из берг-коллегии в связи с тем, что оттуда ушел его покровитель М. Ф. Соймонов. Для поэта начались тяжелые времена. Человеку, существовавшему лишь на жалованье, оказаться без службы и без заработка было нелегко. С помощью друзей «маркшейдер», ученый минералог Хемницер настойчиво ищет место, обивает пороги знатных и влиятельных лиц. Вероятно, под впечатлением этих унизительных хлопот он пишет сатиру «На худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства». Перед наивным и честным поэтом и ученым предстал замкнутый круг бездушных бюрократов, наглых ворюг и взяточников, в котором нет и не может быть места человеку, не имеющему ни знатного родства, ни богатства. Поэтому таким искренним, непосредственным чувством обиды и негодования проникнута эта сатира, правдиво раскрывающая бедственный и не освещенный другими материалами этап в биографии Хемницера. Это правдивый рассказ о его собственных злоключениях и неудачах, о его столкновениях с надменными и корыстолюбивыми «боярами»:

Уж для меня и то уж скукой мнится быть,
Чтобы по городу поклоны разносить
И, выпуча глаза, пешком или в карете,
Поклоны развозить к боярам на рассвете
И время в суете столь гнусной провожать,
И беспокоиться, досадовать, скучать.
Скучать, когда куды приедешь ты раненько
Или приедешь ты куды уже поздненько,
Иль что ты принужден часов десяток ждать,
Пока боярин твой со сна изволит встать...

В 1779 году Хемницер издал первую книгу своих басен под заголовком «Басни и сказки N... N...», без имени автора. В этом издании были помещены 33 басни. Позднейший биограф Хемницера (И. П. Сахаров) передает, что еще до напечатания этих басен Н. Львов узнал о них и вместе с Капнистом долго уговаривал автора не скрывать от публики сочинений, которыми он должен гордиться. Но баснописец возражал, что слишком явные намеки, содержащиеся в баснях, могут повредить его службе.

В «Санктпетербургском вестнике», издававшемся при непосредственном участии членов державинского кружка, была напечатана хвалебная рецензия на басни Хемницера, написанная, вероятно, Львовым или Капнистом. В ней говорилось: «Хотя мы и имеем некоторые уже сего рода на нашем языке сочинения, но сколь иные из них, кроме С<умарокова>, в сравнении с настоящим посредственны: одни, изобилуя лишь вялым слогом, не довольно в себе того имеют, что должны иметь, а другие, кроме названия, ничего; сие, напротив того, кажется нам, изобилует всем тем, что достоинство и приятность басен и сказок составляет».[1]

В другом выпуске «Санктпетербургского вестника» были помещены стихи, приветствовавшие появление басен неизвестного N... N...:

По языку и мыслям я узнала,
Кто басни новые и сказки сочинял:
Их Истина располагала,
Природа рассказала,
<Хемницер> написал.

Имя Хемницера в печатном тексте было опущено. Стихи принадлежали Марии Алексеевне Дьяковой, той самой, которой Хемницер посвятил свою первую книгу басен.

На стихи Дьяковой Хемницер отвечал любезным мадригалом:

Чувствительно вы похвалили
Того, сударыня, кто басни написал,
Сказав, что автор их природе подражал;
Но больше похвалой своею научили,
Как надобно писать,
Когда хотеть природе подражать.

Это не только светская любезность, но и своего рода принципиальная программа Хемницера.

[1] «Санктпетербургский вестник», 1780, сентябрь, стр. 223.

Сохранилось предание, что Хемницер был увлечен М. А. Дьяковой, умной и красивой девушкой, не зная, что она уже обвенчана с Н. А. Львовым, втайне от родителей и даже друзей, так как ее брак встречал сопротивление со стороны родителей. Лишь несколько лет спустя их семейные узы получили огласку. Хемницер якобы даже сделал предложение Марии Алексеевне, которое, естественно, было отвергнуто. Не исключено поэтому, что отъезд в далекую Смирну на должность консула мог быть связан с личными переживаниями Хемницера, расстроенного полученным отказом. Тем не менее отношение к М. А. Дьяковой и своему лучшему приятелю Н. А. Львову оставалось у него до конца жизни самым дружеским и сердечным.[1]

Чудаковатый, неприспособленный к практической жизни, полностью поглощенный научными и литературными интересами — таким предстает перед нами Хемницер в воспоминаниях и письмах его друзей. В автоэпитафии «Надгробная на меня самого» Хемницер как бы подытоживает свой жизненный путь. Он гордится тем, что путь этот был трудным, но честным, что, идя по нему, он избегал «подлости» и «убегал» знатных и богатых. Достоинство человека, утверждает баснописец, не в чинах и богатстве, а в его высоких духовных и моральных качествах:

Не мни, прохожий, ты читать: «Сей человек
Богат и знатен прожил век».
Нет, этого со мной, прохожий, не бывало,
А всё то от меня далёко убегало,
Затем что сам того иметь я не желал
И подлости всегда и знатных убегал.

В другой эпитафии Хемницер так определил свое положение в обществе, итог своей жизни:

---

[1] Следует отказаться от ничем не обоснованных домыслов, которым в значительной мере посвятил свою статью А. В. Десницкий, изображая Н. А. Львова тайным недругом Хемницера и чуть ли не виновником его смерти. На том основании, что, по преданиям, Хемницер был якобы неравнодушен к М. А. Дьяковой, на которой женился Н. А. Львов, А. В. Десницкий готов приписать Львову и пренебрежительно-недоброжелательное отношение к Хемницеру и умышленное удаление баснописца в далекую Смирну. Никаких фактических данных в пользу своего предположения он привести не смог. (А. В. Десницкий. Крылов и Хемницер. — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 168, ч. 1. Л., 1958.) Между тем сохранившиеся письма Хемницера к Н. А. Львову из Смирны (впрочем, единственное эпистолярное наследие поэта) свидетельствуют о неизменно дружеском отношении его к Н. А. Львову.

Жив честным образом, он весь свой век трудился,
Но умер так же наг, как был, когда родился.

При жизни Хемницера басни его вышли двумя изданиями: в 1779 году и перед отъездом поэта в Смирну, в 1782 году (также анонимно). Выход книги басен отнюдь не облегчил материального положения Хемницера. Литература в те времена не являлась средством заработка. Писать стихи и издавать книги могли лишь люди состоятельные, печатавшие их за свой счет или на средства мецената. Золотая табакерка или бриллиантовый перстень, пожалованный царицей или сиятельным меценатом, — вот награда, на которую в лучшем случае мог рассчитывать литератор. А баснописец, да еще сатирик, нередко предпочитал оставаться «анонимом», как Хемницер, во избежание неприятностей.

После ухода из Горного училища (в 1781 году) вопрос о службе встал перед баснописцем как самая острая необходимость. Однако сколько-нибудь подходящего места не находилось. То ли в этом виноваты были обстоятельства, то ли сам Хемницер с его непрактичностью и нежеланием склоняться в три погибели перед важными вельможами и начальниками, — но положение его становилось безвыходным.

В начале 1782 года друзьям наконец удалось найти для него место. Правда, совершенно чуждое интересам и навыкам писателя, но тем не менее сулившее некоторые выгоды. В турецком городе Смирне царское правительство после побед над Турцией пожелало учредить генеральное консульство, которое способствовало бы развитию торговли с азиатским материком. С помощью связей Н. А. Львова удалось на должность генерального консула определить Хемницера.

Разлука с друзьями и родиной, нездоровый климат Смирны, неприязненное отношение турецкого правительства к России, неподготовленность к подобного рода службе делали для Хемницера новую должность мало привлекательной. Но выхода не было. Призрачная надежда скопить на чужбине скромные средства для помощи семье, по-видимому, решила его судьбу.

По тем временам путь в Смирну был труден и долог. Сначала надо было добраться на лошадях до Херсона, а оттуда, уже морем, ехать до Константинополя. Только в сентябре 1782 года Хемницер прибыл к месту своего назначения. С самого начала пришлось потратить почти все наличные деньги на наем дома для консульства, на подарки, прислугу, а обещанные от казны суммы упорно не приходили. Так что вместо материального благосостояния, ма-

нившего его в Смирну, Хемницер вынужден был хлопотать о присылке ему хотя бы самых скромных средств на расходы. «Ты же знаешь, — писал он Н. Львову, — что я не расточителен. Подарки, янычара и вся визитная история из моих родных денежек шло. Что-то впредь будет, а теперь радости, право, немного».[1]

В далекой Смирне, с ее разноплеменным населением, чуждыми нравами, недружелюбием турецких властей, Хемницер чувствует себя особенно одиноким и бесприютным. В его письмах к Львову звучит порой отчаяние: «Представь, — обращается он к своему другу, — ...когда из християнской, то есть нравственной земли, оставя друзей, родных, отечество, вдруг увидит себя человек посреди неизвестной ему земли, обитаемой, говорят, людьми, которых не находит, один, без друга, без родного; должен вступить в новую и никогда ему известной не бывшую перспективу должности и дел. Скажешь не раз: где я? и что я? скажите мне кто-нибудь! Никто не отвечает. А если какой-нибудь голос где и отдастся, так этот голос такой, от которого больше с дороги сбиться, нежели по настоящей путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнув ни разу, кажется и ты не потребуешь, даром что ты на бумаге превеликий моралист-стоик».[2]

Хемницер честно и рачительно выполнял свои обязанности консула и стремился расширить деловые связи между Россией и Турцией. Со своей всегдашней моральной щепетильностью он отнюдь не использовал те возможности к обогащению, которые давала ему должность. Пребывание Хемницера в Смирне совпало с обострением русско-турецких отношений после присоединения к России Крыма. Положение русского консула в этих условиях становилось небезопасным. В письме от 2 июля 1783 года Хемницер прямо писал Львову в ответ на его беспокойные вопросы: «Не очень у нас смирно, говорят у вас? И у нас то же говорят. Убежища мне искать? Хорошо, если успею. Здесь, между прочим, все, будучи беспокойными слухами заняты, успели меня уже иные турками повесить, другие в части изрубить, и как кому рассудилось».[3] Вдобавок ко всему этому моровая язва, свирепствовавшая в Малой Азии, коснулась и Смирны, что создавало еще более напряженную и мрачную атмосферу.

Неблагоприятный климат Смирны способствовал тяжелой болезни, которая вскоре привела к гибели баснописца. Единственная

---

[1] Сочинения и письма Хемницера. СПб., 1873, стр. 62.
[2] Там же, стр. 78—79.
[3] Там же, стр. 85.

надежда, поддерживавшая в это время Хемницера, — надежда на возвращение в Россию, к друзьям, к литературе. Однако ей не суждено было сбыться.

«Словом, и прямо тебе сказать, — писал он Львову, — кроме отечества и самого Петербурга для меня несть спасения... Теперь потяну еще, пока сможется. Хлеб мой насущный, я знаю, будет очень маленькими ломтями резан, да была бы только душа сытяе...»[1] Это было последнее письмо. «Потянуть» долго Хемницеру не пришлось. 20 марта (ст. ст.) 1784 года он умер. По словам одного из биографов (Д. Бантыш-Каменского), останки Хемницера были привезены в Россию и похоронены в Николаеве. Незадолго до смерти баснописец был избран в члены Российской академии.

После смерти Хемницера его друзья — Н. А. Львов и В. В. Капнист — отобрали в сохранившихся бумагах поэта ряд басен и вместе с уже ранее напечатанными им самим издали их в 1799 году под названием «Басни и сказки И. И. Хемницера, в трех частях».

2

Творчество Хемницера не ограничивалось баснями, которые принесли ему заслуженную известность. Хемницер написал также ряд острых и смелых сатир, едких эпиграмм, весьма важных для понимания его общественных взглядов и творческих принципов, а по своей обличительной силе и художественной завершенности отнюдь не уступающих его басням. Однако сатиры поэта — «На худых судей», «На худое состояние службы», «Сатира на поклоны», «Ода на подьячих», «Сатира о разуме» и другие — не были напечатаны при его жизни и стали известны лишь в 1873 году (когда их впервые опубликовал Я. Грот в своем издании сочинений и писем Хемницера). Естественно, что в это время сатиры могли вызвать лишь исторический интерес. Это, однако, не меняет их большого значения в творческом наследии Хемницера.

Сатиры — жанр весьма важный в литературе XVIII века, узаконенный поэтикой классицизма. Уже основоположник русской поэзии Антиох Кантемир выступал прежде всего как автор сатир («К уму своему» и др.), явившись тем самым зачинателем «сатирического направления», которое столь высоко оценил Белинский как направление, подготовившее появление реализма в русской литературе.

---

[1] Там же, стр. 91—92.

Обличая в своих сатирах современное ему общество, Кантемир проявил большую проницательность в изображении жизни, создав образы широкого социального значения. Важную роль имели сатирические послания и в творчестве крупнейшего представителя русского классицизма — А. П. Сумарокова. Развивая сатирические принципы Кантемира, Сумароков придал своим сатирам еще более злободневно-обличительный характер, гневно осмеивая неправосудие, взяточничество, корыстолюбие и бесчестные проделки подьячих, дворянскую кичливость, увлечение «галломанией». Сумароков облек сатирические послания и в определенную жанровую форму: большая часть его сатир написана шестистопным ямбом с парной рифмой.

Сатирические послания Хемницера, которые он, по предположению Я. К. Грота, начал писать с 1774—1775 годов, не только дополняют наше представление о нем как о баснописце, но имеют и важное самостоятельное значение. В них особенно полно и резко выражена социальная направленность его творчества. Сатиры Хемницера, в которых он выступает продолжателем традиций Кантемира и Сумарокова, рисуют неприглядную картину тогдашнего государства, его чиновничье-бюрократического аппарата, повального казнокрадства, невежества.

Хемницер не посягает на сокрушение всего общественного строя, не представляя себе возможности революционных перемен, но он протестует против вопиющих проявлений зла, против той несправедливости и тех безобразий, которые ежедневно и ежечасно творились на всем протяжении Российского государства под эгидой крепостнической монархии. Уже в первой сатире «На худых судей» Хемницер, предвосхищая сюжет и сатирические мотивы комедии В. Капниста «Ябеда», смело обрушился на одно из главных зол самодержавно-бюрократического режима — взяточничество, в особенности взяточничество в судах.

Сатирик рисует необычайно конкретную и жизненно-типическую картину тогдашних порядков в судах и «приказах»:

А здесь судья и с ним все писчики берут,
И до последнего с судьею все воруют,
И даже сторожа и те с судьей плутуют.
Зайди в такой приказ: во фрунте все стоят
И с челобитчиков лишь взятки драть глядят;
И посторонние, которые случатся,
Так и у тех просить на водку не стыдятся;
Не смеешь ведь в карман и за платком сходить, —

Уж думают тотчас на водку получить;
Как звери алчные, поводят все глазами,
Обстав кругом тебя с готовыми руками,
И, словом, не на суд сей суд — на торг похож.
Кто был в таких судах, конечно, скажет то ж.

Убедительно звучит вывод сатирика о практической невозможности найти правосудие, защиту закона в таком суде:

Скажите, можно ли добра там ожидать,
Где на беспутствах всё пекутся основать?
Когда судья иль плут, или невежа сущий,
И тем или другим к несчастью вас ведущий,
Когда такой судья судити посажен
И быть хранителем законов наречен.

Совершенно очевидно, что в сатире речь идет не об одних только судах. Недаром Хемницер добавляет, что само правительство бессильно бороться с множеством злоупотреблений, встречавшихся буквально на каждом шагу. Подробно перечисляя бесчестные плутни, которые творятся кругом, он приходит к грустному выводу, что одной сатирой горю не поможешь:

Вор прежде воровал и после будет красть, —
Врожденная ничем неистребима страсть.
Сатирствуй на него, его тем не исправишь
И на хороший путь с худого не направишь.
Хоть сколько про него ни станешь говорить,
Он будет всё-таки по-своему творить.

В сатирах и сатирических одах Хемницер значительно чаще, чем Кантемир и Сумароков, обращается к изображению конкретных отрицательных сторон существующего порядка. В отличие от своих предшественников, прежде всего Сумарокова, поэт отказывается от сатирического гротеска, гиперболизма, вразрез с канонами классицизма он расширяет жанровые рамки сатирического послания и «оды», превращая их в своеобразный сатирический «панегирик», иронически «восхваляющий» пороки и недостатки. Кроме того, Хемницер вводит в свои сатиры дидактико-воспитательный элемент, педагогические рассуждения, дополняя бытовые зарисовки, столь характерные для Сумарокова, моральным поучением, основанным на этической и философской оценке явлений.

В сатирах Хемницер смело выступает не только против взяточничества и круговой поруки чиновников и судейских, но и против аристократического чванства и несправедливости общественных отношений, основанных на преимуществах знатности и богатства. Интересна позиция, занятая Хемницером в полемике о сатире «на лица», которая начата была еще Н. И. Новиковым в «Трутне». Новиков настаивал на сатире «личной», обличавшей определенных, конкретных носителей зла. Хемницер считал слабой стороной такой сатиры недостаточную ее обобщенность. В «Письме к г. К<апнисту>, сочинителю Сатиры I», полемизируя с Капнистом, он подчеркивает, что сатира должна быть обращена к типическим явлениям, обобщать их:

Я тоже говорю, что в этом ты не прав.
Ты, вором Вредова в сатире въявь назвав,
Ему назвать других воров чрез то мешаешь
И способов его чрез это всех лишаешь,
Чтоб собственный порок на ближнего сложить
И многих и других с собою обличить...
...Тот, кто сатирою порочных осмехает,
Не называя въявь, число их умножает:
Всяк на свой счет тогда насмешку ту берет,
Кто внутренно себя виновным признает.

Вместе с тем Хемницер прямо высказывает свои опасения за судьбу того сатирика, который борется за правду:

Кто правду говорит — злодеев наживает
И, за порок браня, сам браненым бывает.
Кто, говорят, ему такое право дал,
Чтоб он сатирою своею нас марал?

Одна из лучших сатир Хемницера — «Ода на подьячих» — по сатирической резкости и силе негодования приобретает социально-обобщенный характер, дает широкую картину всего общественного строя. Являясь по форме «одой», «панегириком» подьячим за их плутни и корыстолюбие, на деле сатира осмеивает и подьячих, и всех тех, кто прибегает к ним в своих нечистых проделках:

Когда кто в плутнях обличится,
За кои самый кнут грозит,
С подьячим должно подружиться:
Он плутни в честность превратит;

Он по указам обвиняет
И по указам оправдает:
Что криво — назовет прямым,
Что прямо — назовет кривым.

Таким образом, Хемницер показывает, что в плутнях и взяточничестве подьячих виновато общество, их окружающее, поощряющее их к преступлениям.

В творчестве Хемницера сказались новые идейные веяния его эпохи. Ни происхождением, ни воспитанием он не был связан с дворянско-помещичьим кругом, из которого преимущественно выходили тогдашние писатели. Интеллигент-«разночинец» XVIII века, он являлся одним из ранних представителей возникающих буржуазных отношений.

Занятия точными науками, геологией, физикой способствовали выработке материалистических основ философских воззрений Хемницера. Характерно, что в ряде своих од и размышлений в стихах он обращается к науке, продолжая ломоносовскую традицию, говорит о том круговороте природы, который свидетельствует об относительной ценности вещей, кажущихся богатым и знатным незыблемыми. Так, в рассуждении «О перемене» он заявляет:

Всё подвластно перемене, что на свете сем ни есть:
Знатность, слава и богатство, жизнь, имение и честь,
И на что мы ни взираем,
Перемену примечаем.

Для человека подобного строя мыслей, естественно, неприемлемы были ни религиозно-церковная мораль, ни лицемерное преклонение перед властью и золотом.

Выступая сторонником сословного равенства, Хемницер выдвигал требование установления ценности человека по его личным достоинствам, безотносительно к его сословному положению или чину. Это требование проходит через все его произведения. В наброске сатиры о разуме он писал:

По мненью многих, ум лишь в деньгах состоит.
Другой мнит: «Я умен затем, что чин имею», говорит.
А я так о уме не тако понимаю,
И только то себе я правилом считаю:
Глупец — глупец, хоть будь в парче он золотой,
А кто умен — умен в рогоже и простой.

В сатире «На суету мира», обращенной к Н. А. Львову, Хемницер вновь подробно развивает это требование равенства, уважения к человеку, сурово осуждая привилегии, которые основаны на происхождении и чинах:

Потребны ли чины, богатство и порода,
Чтоб отличить себя от низкого народа?
Мне кажется, благородство не в титлах состоит,
А истинный его в достоинствах вид.
Нередко подлеца находим под звездой,
А благородный дух в одежде лишь простой.

Богатство и знатность чаще всего развращают человека — таков вывод сатирика.

Хемницер отвергает ту социальную механику, которая дает все блага в руки знатных и богатых: «И быть других рабов рабами заставляет».

Правители земель хитростию превзошли
И способ, как людей уловлять, нашли.
Издревле ценными дарами награждали,
Потом уж лентами людей прельщать уж стали.

Хемницер продолжает многие мотивы и принципы сатир Сумарокова, но он демократичнее последнего. Как и в баснях, в сатирах Хемницер прежде всего нападает на знатных и богатых, на привилегированные дворянско-бюрократические верхи.

Наряду с сатирами и баснями заметное место в творческом наследии Хемницера занимают эпиграммы.[1] По большей части они имеют литературно-полемический характер, способствуя тем самым уяснению литературных позиций Хемницера. Таковы эпиграммы на А. С. Хвостова, в которых этот малоизвестный литератор неоднократно зло высмеивается за ограниченность своих литературных взглядов. Хвостов являлся правоверным сторонником классицизма и выступал против «новшеств» поэтов державинского кружка, в том числе и против Хемницера. В особенности интересна и важна для понимания литературных взглядов Хемницера одна из эпиграмм, в которой он нападает на Хвостова за недооценку фонвизинского «Послания к слугам моим» — одного из наиболее смелых образцов сатиры конца XVIII века.

---

[1] См.: Л. Е. Боброва. Сборник И. И. Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи». — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 168, ч. 1. Л., 1958.

Обращение Хемницера к сатирическим жанрам (сатирическим одам, посланиям, эпиграммам) способствовало и его работе как баснописца. Уже в сатирах определились основные объекты его будущих басен, наметились характерные особенности их языка и стиля.

3

В историю русской литературы Хемницер вошел прежде всего как баснописец, как непосредственный предшественник Крылова. В создании русской басни ему принадлежит видная и почетная роль.

Журнал «Сын отечества» в начале XIX века на первое место в перечне лучших русских баснописцев помещает Хемницера: «Русская поэзия весьма богата сочинениями басен или притчей: Хемницер, Дмитриев, Крылов и многие другие смело могут стать наряду с лучшими баснописцами других земель».[1] Популярность басен Хемницера в первой половине XIX века была настолько велика, что даже слава Крылова не заслонила их в глазах читателей этой поры. В развитии русской басни Хемницер явился своего рода переходным звеном от «притч» Сумарокова с их натуралистически-гротескными приемами — к басням Крылова, знаменовавшим победу реалистического начала в басенном жанре.

В баснях Хемницер с особенной полнотой выразил свои взгляды, свои общественные и философские принципы и достиг наибольшего художественного совершенства. В них он выступает прежде всего как просветитель, как последователь энциклопедистов и материалистов XVIII века, обличая и высмеивая пороки и недостатки, порожденные политической и экономической отсталостью России, господством крепостнически-феодальных отношений.

«Мыслящий ум был признан единственным мерилом всех вещей, — писал о просветителях XVIII века Ф. Энгельс. — ...Все существовавшие дотоле государственные и общественные порядки, все унаследованные от прошлого воззрения были отвергнуты как неразумные и свалены в одну кучу. Мир в течение прошедших веков руководился нелепыми предрассудками; лишь теперь его озарил яркий свет разума, и все прошлое заслуживало лишь сострадания и презрения».[2] Хемницер, однако, не заходил так далеко в своих сомнениях по поводу существующих порядков. Но неразумность

---

[1] «Сын отечества», 1817, т. 38, стр. 167.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 14. М. — Л., 1931, стр. 357.

феодально-крепостнического, деспотического строя была ясна и для него.

Политические взгляды Хемницера, его мировоззрение в основном сложились в русле просветительской идеологии. Восставая против несправедливости социального уклада, отвергая деспотический произвол самодержавной власти, критикуя пороки и недостатки современного общества, Хемницер видел выход из всех зол в просвещении и моральном перевоспитании, сохранял веру в просвещенный абсолютизм.

Эта исторически понятная непоследовательность взглядов баснописца сделала возможными разноречивые оценки его идейной позиции в советском литературоведении. Так, например, Г. А. Гуковский в курсе литературы XVIII века отказал басням Хемницера в сатирической направленности, в общественной активности: «...Немногие «вольные» басни лишены все же отчетливой активности; они осуждают, но не воинствуют. И именно отказ от активности — основной тон басен Хемницера. Он не хочет более бороться; он только критик и моралист, смиряющийся перед «силою вещей». Он пишет ряд басен на общеморальные и общебытовые темы. В других баснях он выступает с проповедью прекращения борьбы. Лучше жить в скромной тиши и не дерзать в соседство бурь — такова мораль басни „Дерево"».[1]

Верно отметив слабые стороны мировоззрения Хемницера, Г. А. Гуковский неправомерно распространяет их на все его творчество и судит баснописца судом нашего времени. Конечно, Хемницер был далек от революционного протеста и стоял на позициях просветительства. Но ведь, за исключением Радищева, в XVIII веке никто из писателей дальше этих позиций не пошел. Поэтому упрекать Хемницера в том, что он не был революционером, не исторично. Точно так же несправедливо отказывать басням Хемницера в сатирической направленности. Значительная часть его басен имеет резкий сатирический характер («Побор львиный», «Дележ львиный», «Осел в уборе», «Привилегия», «Лестница» и другие), хотя многие из них, видимо именно в силу их остроты и резкости, сам баснописец не решился опубликовать и они были напечатаны уже после его смерти.

Другая точка зрения была высказана недавно А. В. Десницким, который, отвергая оценку Г. А. Гуковского, стремился представить Хемницера последовательным врагом самодержавия, непри-

---

[1] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 318.

миримым обличителем и сатириком, решительно отрицавшим общественные порядки своего времени. Так, противопоставляя Хемницера Карамзину, как защитнику дворянской умиротворенности, А. В. Десницкий приходит к выводу, что Хемницер боролся за «освобождение» народа совсем на манер Радищева: «У Хемницера не было приверженности Карамзина к традиционно сложившимся дворянским общественным учреждениям, а наоборот, он возлагал надежды на самые большие неожиданности. Если для Карамзина была характерна формула: сначала просвещение, потом освобождение, то у Хемницера отчасти можно усматривать обратное: сначала освобождение, принесенное временем, потом просвещение».[1] Но если «сначала освобождение», то это программа Радищева, если же «освобождение, принесенное временем», то тогда и различие с Карамзиным утрачивается.

В стремлении приписать творчеству Хемницера революционное звучание А. В. Десницкий пытается изобразить баснописца последовательным врагом монархии. Но на самом деле Хемницер не был им. Как и все просветители XVIII века, Хемницер верил, что социальное зло может быть исправлено при помощи закона и «добродетельного» монарха, стоящего над интересами отдельных групп. Поэтому, критикуя дурных царей, деспотизм тиранов, он отнюдь не посягает на самый институт самодержавия. Эту мысль с особенной определенностью Хемницер выразил в басне «Добрый царь», в которой высказал убеждение в том, что не крутые и резкие перемены, а постепенное распространение «просвещения» приведут к порядку и справедливости.

Какой-то царь, приняв правленье,
С ним принял также попеченье
Счастливым сделать свой народ;
И первый шаг его был тот,
Что издал новое законам учрежденье
Законам старым в поправленье;
А чтоб исправнее закон исполнен был,
То старых и судей он новыми сменил.
Законы новые даны народу были
И новые судьи́, чтоб лучше их хранили.
Во всем и вся была отмена хороша,
Когда б не старая в судья́х иных душа.

---

[1] «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 168, ч. 1. Л., 1958, стр. 54.

А тотчас это зло поправить
Царь способов не находил,
Но должен это был
И воспитанию и времени оставить.

Итак, «добрый» и справедливый царь, дарующий народу «новые законы», надежда на «воспитание и время», которые должны помочь исправлению недобросовестных судей и всеобщему благополучию, — такова «программа» Хемницера.

Но, обличая корыстолюбивых вельмож, неправедных судей, взяточников-подьячих, Хемницер понимал, что зло заключается не только в плутнях чиновников, а в устройстве всей общественной системы. Он предлагает «наблюдать порядок», начиная с высших ступеней административной иерархии, поскольку именно здесь определяется направление всего хода вещей. В басне «Лестница», одной из самых смелых и откровенных басен Хемницера, довольно недвусмысленно об этом и сказано:

Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были. —
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

В ряде басен Хемницер смело нападает на тиранию и деспотизм, на жестокость и самодурство властителя. Такие басни, как «Привилегия», «Лев, учредивший совет», «Дележ львиный», «Львово путешествие», «Дионисий и министр его» и другие, — содержат суровое и едкое осуждение злоупотребления верховной властью.

В басне «Привилегия» Хемницер рисует картину всеобщего грабежа и насилия, царящих в условиях деспотического государства:

Какой-то вздумал лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?

Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ да обдирают.

Это жестокое беззаконие, произвол и насилие, оказывается, вызваны были еще более коварным и кровожадным расчетом льва: те из его подданных, которым удастся съесть других, слабых и беззащитных, сами станут жирнее и, таким образом, доставят монарху наиболее питательную и вкусную пищу:

Когда ж, по львову расчисленью,
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.
Тут те, которые жирняе всех казались,
Назад уже не возвращались.

Обличительный, сатирический смысл этой басни настолько смел и широк, что Хемницер сам его испугался и приделал к басне искусственную концовку об «откупщиках», о которых якобы и написана басня.

В басне «Дележ львиный», сюжет которой (восходящий к Лафонтену) был близок просветителям и неоднократно встречался у русских баснописцев XVIII века (А. Сумарокова, В. Майкова, Державина, вплоть до Крылова), показаны произвол и беззаконие, неизбежные при деспотической власти тирана. Лев, который принял условия договора о равном дележе добычи, когда дело доходит до дележа, пользуясь своей силою, захватывает всю добычу сам:

«. . .Еще четверту часть беру себе же я
По праву кто кого сильняе.
А за последнюю лишь только кто примись,
То тут же и простись».

Просветительское понимание общественных противоречий: противопоставление права бесправию, законности — злоупотреблению силой выражено здесь с примерной ясностью и последовательностью.

Не менее резкой сатирой на деспотизм самодержавной власти, сатирой тем более смелой и острой, что она метила в безграничное честолюбие самой государыни Екатерины II, считавшей себя великим

«философом на троне» и претендовавшей на писательские лавры, является басня «Дионисий и министр его». Министр в этой басне пытается сказать тирану Дионисию правду о его стихах. Но честолюбивый тиран сажает дерзкого министра в тюрьму. В этой басне существенно не только осуждение самовлюбленного и жестокого тирана («Слух о делах его и ныне ужасает»), но и восхищение баснописца стойкостью министра, который находит в себе силу не потакать и не льстить тирану.

Басенная сатира Хемницера обращена прежде всего против господствующей бюрократической верхушки. В басне «Лев, учредивший совет» Хемницер зло издевается над тупоумием и бездарностью царских вельмож и приближенных. Лев, учреждающий «совет» из «слонов» и «ослов» (поскольку одних «слонов» не хватило), — это едкая насмешка над всякими якобы «конституционными» учреждениями, вроде сената, которые создавались монархами для прикрытия своего неограниченного произвола. Но Хемницер иронизирует не только над львом, но и над его приспешниками. «Совет» задуман был для того, чтобы «ослы» понабрались ума от «слонов», на деле же оказалось нечто совершенно противоположное:

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

Особо следует остановиться на не печатавшейся при жизни Хемницера басне «Львово путешествие». Эта басня по своему сатирическому замыслу и сюжету предваряет одну из наиболее смелых басен Крылова — «Рыбьи пляски». В ней Хемницер высмеивает и сомнительное «благородство» правителя-льва, проявляющего весьма своеобразную заботу о благополучии своих подданных, и всю бюрократическую систему царящего беззакония и круговой поруки. Его лев считает себя милосердным и благородным правителем потому только, что, сдирая сам кожи с подданных, не дает этого делать своим министрам и правительственным чиновникам:

Один какой-то лев когда-то рассудил
Всё осмотреть свое владенье,
Чтоб видеть свой народ и как они живут.
Лев этот, должно знать, был лучше многих львов —
Не тем чтоб он щадил скотов
И кожи с них не драл. Нет, кто бы ни попался,
Тож спуску не было. Да добрым он считался,

Затем что со зверей хоть сам он кожи драл,
Да обдирать промеж собой не допускал:
Всяк доступ до него имел и защищался.

Хемницер, однако, делает ядовитое замечание по поводу этой царской привилегии:

И впрям, пусть лев один уж будет кожи драть,
Когда беды такой не можно миновать.
Природа, говорят, уж будто так хотела
И со зверей других льву кожи драть велела.

В басне «Пес и львы» Хемницер рисует неприглядную картину жизни господствующих верхов:

Пес видит, что у львов коварна жизнь идет:
Ни дружбы меж собой, ни правды львы не знают,
Друг друга с виду льстят, а внутренно терзают...

Пес убегает от львов и, вернувшись домой, рассказывает:

Нет, наказание достаться жить ко львам,
Где каждый час один другого рад убить,
А вся причина та (когда у львов спросить):
Лев всякий хочет львищем быть.

Это резкое осуждение кровожадных нравов вельможных «львов» баснописец также не решился опубликовать.

Хемницер был не только моралистом, но и сатириком, которого остро волновали социальные проблемы. Среди его басен немало откликов на самые жгучие политические вопросы своего времени. Хорошо знавший по личному опыту, чтó такое война, Хемницер и в своих баснях осуждает войны, подчеркивая, что они не нужны народным массам. В басне «Два льва соседи» (не напечатанной при жизни баснописца) он показывает нелепость войны, затеваемой государями лишь из корыстных и честолюбивых целей:

Два льва, соседи меж собой,
Пошли друг нá друга войной,
За что, про что — никто не знает;
Так им хотелось, говорят.
А сверх того, когда лишь только захотят, —
Как у людских царей, случается, бывает, —
Найдут причину не одну,
Чтоб завести войну.

В результате войны один из львов теряет земли, ему принадлежавшие. При победителе, «за новым львом», жизнь «зверей» не изменилась; лев, проигравший войну, снова через некоторое время отвоевывает прежние владения. Каков же результат для народа? Хемницер прямо говорит, что война бессмысленна, кроме бед и разрушений ничего не приносит:

Какую ж пользу лев тот прежний получил,
Что на другого льва войною он ходил?
Родных своих зверей, воюя, потерял,
А этих для себя не впрок завоевал.
Вот какова война: родное потеряй,
А что завоевал, своим не называй.

Резко выступал баснописец и против религии. Подобно большинству просветителей XVIII века, он был деистом, решительно отрицал религиозные предрассудки и обряды. В басне «Народ и идолы» Хемницер выступил с осуждением «жрецов» и религиозных обрядов, указывая, что они выдуманы были священнослужителями для их корыстных целей:

А чтоб обманывать народ,
Жрецов был первый способ тот,
Что разных идолов народу вымышляли:
Везде, где ни был жрец, и идолы бывали. . .

В басне «Метафизический ученик» Хемницер высмеивает отвлеченное умствование, которое не способно разрешить вопросы, поставленные реальной действительностью. Глупец, изучавший за границей модную метафизическую философию, попадает в яму и, вместо того чтобы оттуда выбраться, предается глубокомысленным философским размышлениям:

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка, ухватись
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись! . .»
— «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Для Хемницера важно соединение теории и практики, отсутствие разрыва между словом и делом, трезвый практический взгляд на вещи.

Писатель-просветитель, Хемницер неизменно разоблачал гонителей и хулителей науки и просвещения. В басне «Медведь-плясун» он рассказывает о той зависти и недоброжелательности, которыми встречают невежды любое новшество. Столь же язвительно высмеивается невежество и в басне «Попугай».

Во многих баснях Хемницера отчетливо выражены настроения и взгляды демократических слоев тогдашнего общества.

При всех своих иллюзиях баснописец ясно видит пропасть, разделяющую мир бедняков и богачей. В басне «Богач и бедняк» Хемницер с гневом и возмущением говорит о власти денег, унижающей достойнейших людей и возводящей подлых и ничтожных «скотов» на положение господ:

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Хемницер неоднократно возвращается к вопросу социального неравенства, несправедливости того общественного порядка, при котором бесчиновные и неимущие труженики обречены на нищету и унижение со стороны богатых и знатных тунеядцев. Эту мысль наиболее последовательно баснописец развивает в басне «Конь верховый», противопоставляя в ней «гордому» «верховому коню» простую труженицу-клячу. Конь важничает и чванится своим убором, тем, что всяк ему «дорогу» уступает, на что скромная рабочая лошадь дает ему справедливую отповедь:

Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

Демократическая мораль этой басни предвосхищает мысль, легшую впоследствии в основу басни Крылова «Листы и корни». Это демократическая позиция, это сатира, острием своим направленная против паразитических верхов, правящих страной, против дворян, помещиков-крепостников, живущих эксплуатацией народных масс. Не будем упрекать Хемницера за недостаточную отчетливость его политической позиции. Во-первых, в басне почти всегда неизбежна известная отвлеченность, широта сатирического адреса, а во-вторых, цензурные опасения заставляли баснописца многое недоговаривать. Просветительские взгляды Хемницера, являясь передовыми и прогрессивными для его времени, были в то же время ограниченны, поскольку все социальные противоречия объяснялись лишь нарушением неизменных законов разума.

Для Хемницера не являлась тайной жестокая несправедливость крепостнических отношений, беспощадная эксплуатация помещиками крепостных крестьян. Не выступая явно против крепостного права, Хемницер тем не менее осудил крепостнические порядки, «волчий» закон помещичьего государства, разорявшего и обрекавшего на нищету основную часть народа. В басне «Волчье рассужденье» он по этому поводу говорит:

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, — сказал, — и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю, —
Зачем бы и ему не так же поступать?»

Слон, волчье слыша рассужденье,
«Я должен, — говорит, — тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк; а пастухово мненье —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных примеры брать —
Не будет наконец с кого и шерсть снимать».

Прозрачный намек на «господ иных», которые готовы со своих крепостных не только остричь шерсть, но и шкуру содрать, — определенно говорит об антикрепостнической направленности этой басни.

Многие басни Хемницера проникнуты пессимистическим настроением. Их смысл сводится к признанию невозможности изменить существующий порядок и поэтому необходимости подчиниться ему.

В басне «Дурак и тень» Хемницер призывает довольствоваться малым, отказаться от попыток поймать несбыточное «счастье»:

«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за ним, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своим желаньем
В исканьи счастия, доволен состояньем,
В котором ты живешь».

Хемницер отнюдь не проповедовал беспрекословной покорности, подчинения злу. Однако самое противопоставление «свободы» и «неволи» приобретало у него абстрактный характер. Такова, например, басня «Воля и неволя», в которой голодный, истощавший волк встречается с сытой собакой, сидящей на привязи. Собака хвастается своей сытной, роскошной жизнью, костями и обильными остатками от хозяйских пиров, которые ей перепадают. Волк увлечен рассказом собаки и готов уже вместе с нею идти к ее хозяевам, но он замечает у нее на шее следы привязи:

«На привязи? — тут волк вскричал. —
Так ты не всё живешь на воле?»
— «Не всё; да полно, что в том нýжды?» — пес сказал.
— «А нýжды столько в том, что не хочу я боле
Ни зá что всех пиров твоих;
Нет, воля мне дороже их,
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
Сказал, и к лесу дай бог ноги.

Однако самое понимание «воли» и здесь весьма абстрактно и лишено конкретного социального наполнения.

Мораль басен Хемницера демократическая и в то же время практически применимая мораль. Баснописец смотрит на явления общественной жизни и на социальные противоречия с позиций человека, уважающего труд, враждебного паразитизму аристократических, дворянских верхов. В традиционный сюжет басни «Лошадь и осел» он вкладывает не только общечеловеческий, но и конкретно-социальный смысл. Спесивая лошадь, не соглашающаяся помочь ослу, несущему на себе непосильную тяжесть, наказана тем, что осел подыхает, а лошади приходится нести весь его груз.

Пороки и недостатки, которые осмеивает и осуждает Хемницер, — это прежде всего пороки представителей высшего, привилегированного круга. В басне «Благодеяние» (сюжет заимствован у

Геллерта) Хемницер показывает всю меру ханжества, лицемерия и скупости богачей. Неожиданно разбогатевшая вдова, которая получила в наследство миллион, всем только и говорит о своем желании помогать бедным. Когда же к ней приходит за милостыней нищий, «благодетельница» предстает в подлинном своем виде:

«Суди бог, — говорит, — кто бедных покидает!»
И нищему большой гнилой сухарь несет.

Положительные идеалы Хемницера отнюдь не сводятся к проповеди одной только «умеренности и аккуратности». Хемницер проповедует мораль трудящегося человека, который прежде всего протестует против того, что блага общества принадлежат тунеядцам. Напомним такую басню Хемницера, как «Пчела и курица». Ее мораль в противопоставлении скромного труда незаметного труженика, приносящего пользу всему обществу, — надменной кичливости аристократической курицы, шумливо восхваляющей свои заслуги. Мораль этой басни предваряет нравоучение знаменитой крыловской басни «Орел и пчела», также противопоставляющей полезный труд пчелы гордыне орла. У Хемницера пчела дает такую отповедь заносчивой курице:

А я, ты думаешь, без дела всё бываю,
Затем что я труды свои не разглашаю.
Нет,
Ошибаешься, мой свет!
А в улей загляни: спор то́тчас наш решится;
Узнаешь, кто из нас поболее трудится.
С цветков же мед <сбираем> мы другим,
А что при нашей мы работе не шумим,
Так ведай ты, что мы не хвастуны родились...

Та же трудовая мораль выражена и в басне «Стрелка часовая». Хвастливая часовая стрелка похваляется тем, что она «стоит домов всех выше», и на этом основании считает, что может относиться с пренебрежением к остальным частям часового механизма. На похвальбу самонадеянной стрелки другие части отвечают:

Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы, собственно, ни во́ что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает.

Этот основной мотив уважения к труду подлинных, хотя и незаметных тружеников знаменовал демократическую тенденцию в мировоззрении и творчестве Хемницера.

В баснях Хемницера уже намечалось утверждение прав «частного», простого человека, рисовался идеал благополучного существования людей среднего сословия. Интересна в этом отношении басня «Два семейства», представляющая пересказ сюжета картины Греза, виденной баснописцем во время пребывания в Париже (правда, басня эта не оригинальна, а представляет собой подражание басне Обера из книги «Contes moraux sur les tableaux de Greuze, par Aubert. Paris, 1761—1763).

В этой басне единение всех членов семьи провозглашается необходимым условием семейного счастья. Баснописец умилен семейным согласием, идиллией, нарисованной в картине Греза:

Семейством сча́стливым представлен муж с женой,
Плывущие с детьми на лодочке одной
Такой рекой,
Где камней и меле́й премножество встречают,
Которы трудности сей жизни представляют...

Идеал умеренности, добродетели, разумного скромного существования, определяемого кодексом благонамеренной буржуазной морали, неоднократно высказывается Хемницером. Он опасается резких, «своевольных» действий и поступков, настаивая на умеренности и послушании. В басне «Дворная собака» Хемницер укоряет дворовую собаку, пытавшуюся уйти от своего хозяина, резюмируя мораль терпения и смирения:

Собаки добрые с двора на двор не рыщут
И от добра добра не ищут.

Подобная проповедь умеренности, довольства малым провозглашена была еще Кантемиром: «Тот в сей жизни лишь блажен, кто малым доволен».

По справедливому замечанию Г. В. Битнер, «сильную сторону творчества Хемницера составляет критическая его струя. Когда же Хемницер пытается показать свой положительный идеал, то выглядит этот идеал очень отвлеченно».[1] Не следует, однако, забывать,

[1] Г. Битнер. Хемницер. — История русской литературы, т. 4. М.—Л., 1937, стр. 479.

что положительный идеал в условиях того времени едва ли мог приобрести конкретно-политическое оформление. Важно другое: что этот идеал у Хемницера в основе своей демократичен.

4

Хемницер выступил со своими баснями в то время, когда басенный жанр в русской литературе получил широкое признание и имел уже солидную традицию. Зачинатели русской литературы — Кантемир и Ломоносов — первыми обратились к этому жанру, имевшему успех у русских читателей. Впоследствии Белинский, говоря о крыловских баснях, указывал: «...Басня оттого имела на Руси такой чрезвычайный успех, что родилась не случайно, а вследствие нашего народного духа, который страх как любит побасенки и применения. Вот самое убедительнейшее доказательство того, что литература непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною!» [1]

Басня являлась наиболее народным, широко доступным и популярным видом литературы. В ней нашло свое выражение то «сатирическое направление», которое в русской литературе XVIII века знаменовало ее реалистические тенденции, ее тесную связь с жизнью. В условиях деспотического гнета самодержавно-крепостнической монархии, сковывавшей прогрессивные устремления русской общественной мысли, басня предоставляла возможность «эзоповским языком» критиковать и осмеивать общественные неполадки, разоблачать несправедливость государственного строя. Поэтому в условиях русской действительности басня из отвлеченно моралистического жанра становилась средством сатирического обличения.

Эту сатирическую направленность басенному жанру придал уже один из крупнейших русских баснописцев XVIII века — А. П. Сумароков, особенно яростно выступавший против чиновничье-бюрократического аппарата — «подьячих», судейских и прочего «крапивного семени». Дворянский просветитель, Сумароков провозгласил принцип сатиры — «издевкой править нрав» — как принцип вмешательства литературы в жизнь, как своего рода общественную «самокритику».

Сумароков первым придал басне национальный, даже народный колорит. Это сказалось не только в его обращении к сюжетам, взя-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М., изд. АН СССР, 1953, стр. 61.

тым из русской жизни, но и прежде всего в сближении басни с народным творчеством — сказкой, притчей, пословицей. Именно из народного творчества черпал баснописец свои краски, словесный материал. Сумароков рассматривал басню под углом зрения классицистической теории «трех штилей», делившей литературу в зависимости от ее содержания на три разряда: «высокий», «средний» и «низкий». Для него басня была «низким», плебейским жанром. Поэтому-то он и считал возможным (и даже должным) прибегать в ней к грубому, «мужицкому» слогу и шутовскому балагурству.

Во «Второй эпистоле о стихотворстве» Сумароков так определил особенности басенного жанра:

Склад басен должен быть шутлив, но благороден,
И низкий в оном дух к простым словам пригоден!

Этот «низкий дух» и «простые слова» придавали басням Сумарокова бурлескный, подчеркнуто натуралистический характер.

Важной заслугой Сумарокова явилось обращение его к «вольному» размеру, сближение басенного стиха с разговорной речью, своеобразным «сказом», что сильно оживило басенный «склад». В большей части своих басен он рисует картины русского «простонародного» быта, широко пользуясь этой «сказовой» крестьянской речью.

Сумароков создал обширную школу своих последователей и учеников в басенном жанре, из которых самым заметным был автор «ирои-комической поэмы» «Елисей» — Василий Майков. Но и для Сумарокова и для его учеников «народность» басни заключалась прежде всего в ее грубости, «просторечии», своеобразном бытовом «натурализме». Изображение же персонажей сводилось к упрощенно-карикатурному выделению и подчеркиванию в них какого-либо «порока», благодаря чему они превращались в комические гротескные маски.

Хемницер не пошел путем Сумарокова. Он отказался от сатирической резкости, гротескности и натуралистической грубости сумароковских басен. Поэтическое кредо Хемницера его друзья удачно определили двустишием, помещенным в качестве эпиграфа к книге его басен, изданной в 1799 году:

В природе, в простоте он истину искал:
Как видел, так ее списал.

Это уже не дидактическая обнаженность поэтики классицизма, а стремление обратиться к жизни, найти новые, «естественные» принципы искусства.

В восьмидесятые годы классицизм переживает кризис. В незыблемых устоях его поэтической системы появляются трещины. Сентиментализм, поэзия чувства, выражающая тенденцию к самоутверждению личности, все шире и настоятельнее проникает в русскую литературу. Лирика Львова и Капниста, ближайших друзей и поэтических наставников Хемницера, тому наиболее яркий пример. Да и басни самого Хемницера во многом нарушают поэтические «правила» классицизма. В них также утверждаются не только новые моральные критерии, но и самая басня из «низкого», гротескного жанра превращается в серьезный дидактический жанр.

Моралистическая поучительность — основная особенность басен Хемницера и вместе с тем их основной художественный недостаток. Отказавшись от натуралистических подробностей басен Сумарокова, от его гротеска, гиперболы, Хемницер ограничил свой запас изобразительных средств и этим несколько обеднил басню. Для него важнее точность выражения мысли, логическая основа басни, чем ее жизненные, бытовые краски.

В своих записях он отмечал: «Нужней всего, чтобы, прежде нежели писать о чем-нибудь начнешь, расположение твое сделано было хорошее. Расположение в сочинении подобно первому начертанию живописной картины: если первое начертание лица дурно, то сколько бы живописец после черт хороших ни положил, лицо все будет не то, которому быть должно: стихи или частные мысли сами собою сколь прекрасны ни будь, при худом расположении все будут дурны».[1] Принцип композиционной организованности, логической ясности и стройности — основной для его басен.

Критик и поэт начала XIX века А. Ф. Мерзляков следующим образом определил место Хемницера в развитии русской басни: «Сумароков нашел их среди простого, низкого народа; Хемницер привел их в город; Дмитриев отворил им двери в просвещенные, образованные общества, отличающиеся вкусом и языком».[2] Таким образом, басни Хемницера, с точки зрения Мерзлякова, занимали место между баснями Сумарокова, «мужицким» родом литературы, и баснями сентименталиста Дмитриева, сделавшего басню изящным, салонным литературным жанром.

«Приглушенность, камерность, уравновешенность отрицания, — писал о баснях Хемницера Г. А. Гуковский, — выродившегося в об-

---

[1] Л. Е. Боброва. Сатиры И. И. Хемницера. — «Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 164, ч. 2. Л., 1957, стр. 87—88.

[2] «Труды Общества любителей русской словесности», ч. 1. М., 1812, стр. 103.

щее недовольство устройством мира и человека, определяет и стилистическую позицию Хемницера. Его басни — не обвинение озлобленного сатирика, как у Сумарокова, а ряд отчеканенных коротких новелл, ясных и законченных по изложению. . . Хемницер пишет разговорным, легким языком; но его «просторечие» — сглаженное, смягченное, очищенное дворянским вкусом; его «народность» условна, хотя все же и просторечие и использование пословиц и т. п. открывали пути хотя бы ограниченному языковому реализму».[1] Следует, однако, оговориться: если в лексике басен Хемницера преобладают элементы разговорного языка, то синтаксический строй их приближается больше к книжной, а не устной речи.

В нормативную поэтику классицизма Хемницер внес новую струю, нарушив строгую иерархию жанров, переступив их традиционные границы.

Стареющий Державин в 1811 году в «эпиграмме» «Суд о басельниках» писал:

Эзоп, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Последнему сказал: ты тонок и умен;
Второму: ты хорош для модных, нежных жен,
С усмешкой первому сжал руку — и ни слова.[2]

Державин называет здесь первым баснописцем Хемницера, отдавая должное Дмитриеву и Крылову, но не считая их достойными наивысшей похвалы Эзопа. Правда, это писалось еще тогда, когда Крылов опубликовал лишь свою первую книгу басен. В этой державинской оценке сказалась, конечно, как личная симпатия поэта, бывшего в дружеских отношениях с Хемницером, так и вкус XVIII века, отнюдь не видевшего недостаток в дидактичности. Ведь и самая басня рассматривалась как жанр дидактический, нравоучительный.

Друзьям Хемницера хотелось представить его в виде «русского Лафонтена». Даже в чертах его внешнего облика, в его характере они настойчиво искали сходство с внешностью и характером великого французского баснописца. Однако Хемницер не очень-то походил на Лафонтена. В его баснях неизменно чувствуется рассудочность, моралистический нажим, в отличие от живых и лукавых сценок Лафонтена. Рассказ его строится по чисто сюжетному принципу,

---

[1] Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. М., 1939, стр. 320.
[2] Г. Р. Державин. Сочинения, т. 3. СПб., 1866, стр. 520.

излагает лишь содержание событий, тогда как у Лафонтена и Крылова он блещет юмором, лукавой насмешливостью, обогащен меткими характеристиками, запоминающимися подробностями.

Образы басенных персонажей у Хемницера не наделены сколько-нибудь реальными чертами, а остаются аллегорическими, условными, лишь иллюстрирующими то или иное моральное положение. Его львы, медведи, волки лишены тех живых, заимствованных у людей свойств, какими они обладают в баснях Крылова, а их поведение подчинено прежде всего логике аллегорического сюжета.

Учителем Хемницера был не Лафонтен, а немецкий философ-моралист и баснописец Христиан Геллерт (1715—1769), типичный представитель немецкого просветительства. В своих философских сочинениях и в «Баснях и рассказах» («Fabeln und Erzählungen», 1746—1747) Геллерт выступал с умеренной критикой существующих общественных отношений, осмеивая феодальные пережитки, дворянскую спесь, ложную ученость. Он не подымается до широкого социального обличения, сосредоточивая свое внимание в основном на нравственно-этических проблемах, проповедуя религиозно-примирительную мораль. Занимательная форма басен и нравоучительных «рассказов» Геллерта сделала их популярными в России, где обе книги его «Басен и рассказов» были переведены на русский язык (в прозе) в конце семидесятых годов XVIII века М. Матинским. [1]

Для немецкой литературы Геллерт баснописец такого же значения, как Лафонтен для французов, а Крылов для русских. В отличие от Лафонтена, Геллерт дидактик. В его баснях большое место занимает нравоучительная часть, да и самые персонажи его басен очень часто произносят наставительные речи. В баснях и «рассказах» Геллерта особенно явственно сказались черты просветительской философии и вместе с тем демократизм третьесословной идеологии. В первую очередь Геллерт пропагандировал отказ от феодальных моральных и правовых норм, сословное равенство. Третьесословная, бюргерская мораль, отрицание феодальных привилегий, проповедь мещанских добродетелей: честности, умеренности, скромности — все это сочеталось в его баснях в единой демократической целеустремленности.

Геллерт был любимым автором Хемницера, близким ему по духу и убеждениям. В ряде своих басен («Конь и осел», «Умирающий отец», «Земля хромоногих и картавых», «Совет стариков», «Бо-

---

[1] Басни и сказки Геллерта. СПб., 1775; 2-е изд. — СПб., 1778.

ярин афинский», «Барон» и многих других) Хемницер пересказывает сюжеты Геллерта. При этом он выступает не как переводчик немецкого баснописца, а как самостоятельный интерпретатор его сюжетных мотивов.

Для баснописца отнюдь не являлось запретным или зазорным использование сюжетов, уже имевшихся в мировой традиции (Эзопа, Федра, Лафонтена и др.). Все дело заключалось в «рассказе», в «применении» сюжета, в его самостоятельной переработке и осмыслении. Поэтому даже такие великие баснописцы, как Лафонтен или Крылов, часто обращались к сюжетам Эзопа или Федра, отнюдь не умаляя этим своего творческого вклада в басенный жанр. Трактовка характеров и образов, искусство словесной живописи — вот что прежде всего ценилось в басне.

Басни Хемницера чаще всего являются подробным рассказом, своего рода новеллой в духе стихотворных повестей-сказок с довольно сложным сюжетом, широко распространенных во французской и немецкой литературе XVIII века. Но подобные «сказки» во французской литературе, начиная со «сказок» Лафонтена, имели игриво-эротический характер, тогда как Геллерт превратил свои «рассказы» в наставительные, нравоучительные истории, моралистические аллегории.

Многие басни Хемницера приближаются к форме именно такого рассказа в стихах, а не к эпиграмматически сжатой форме басни. Вслед за Геллертом он стремится к нравоучительности самой фабулы, а не к живости лаконичной басенной сценки. Аллегорические рассказы Геллерта и Хемницера растянуты, лишены той сюжетной остроты и иронической окраски, которые так важны в баснях Лафонтена или Крылова. Вот, например, басня «Счастливый муж» (у Геллерта «Der glücklich gewordene Ehemann»). Хемницер подробно рассказывает здесь о том, как «детина», «по уши» влюбившийся в красавицу, решил на ней жениться. Не получив ее согласия, он отправился странствовать по свету и по дороге подружился с «бесом», с которым договорился прослужить ему два года с тем, чтобы тот добыл ему эту красавицу в жены. Бес выполняет свое обещание, но «детина» настолько несчастлив в семейной жизни, что готов прослужить у беса еще несколько лет, лишь бы тот избавил его от злой жены. В сущности это фабула рассказа, «шванк», но не басня. В ней недостает стержня, эпиграмматической остроты, лаконичности, рассказ растянулся у Хемницера почти на полсотни стихов (у Геллерта — тридцать). Следует, однако, отметить, что басня Геллерта написана традиционным балладным размером — правильным четырехстопным ямбом, тогда как Хемницер создает

имитацию устного сказа, передает сюжет Геллерта в форме разностопного басенного стиха (шести-, трех- и двухстопного).

Геллерт, в отличие от Эзопа и Лафонтена, в своих «рассказах» выводит не традиционные звериные персонажи — львов, лисиц, медведей, а людей, обращается к сюжетам нравоучительного характера, рассказывая целые сюжетные новеллы. Этот жанр «Erzählungen» — «сказки», рассказа, в котором сюжет поучительно-дидактического характера сохраняет свой прямой смысл, не переходя в условную басенную аллегорию, — Хемницер перенял у Геллерта. «Новеллистичность» «сказок» Хемницера особенно наглядна в таких баснях-новеллах, как «Умирающий отец», «Два соседа», «Два семейства», «Барон», «Счастливый муж», «Счастливое супружество», сюжетные мотивы которых восходят к «Erzählungen» Геллерта.

Во многом идя вслед за Геллертом, Хемницер, однако, часто по-своему передает сюжеты его басен, успешно преодолевая свойственные им отвлеченность и дидактизм. Характерным примером может служить басня Хемницера «Конь верховый», сюжет которой заимствован из басни Геллерта «Der Kutschpferd». В последней басне «драматическая», сюжетная часть насчитывает всего девять строк, тогда как дидактическое заключение, авторская мораль занимает четырнадцать строк. Хемницер полностью отбрасывает нравоучение Геллерта, поскольку «мораль» ясна сама по себе из сюжета басни, но в то же время более чем вдвое расширяет сценку разговора верхового коня с крестьянской лошадью. Благодаря этому басня Хемницера становится значительно живее, конкретнее и выразительнее, чем ее немецкий образец. Можно привести ряд аналогичных примеров, когда Хемницер преодолевает дидактизм своего предшественника, осовременивает свои басни.

Однако персонажи басен Хемницера еще лишены той национальной конкретности и специфичности, которая дает им жизнь и типичность в крыловских баснях. Крестьянин, или богач, или вельможа у Хемницера может быть и русским, и немцем — настолько общими, неопределенными чертами он нарисован. Лишь когда баснописец преодолевает эту отвлеченность и рассудочность, аллегории его басен оживают, приобретают яркие краски и оттенки, намечая уже дорогу к крыловской басне.

Это прежде всего сказывается в обращении к разговорному языку, в меткости речевых характеристик басенных персонажей. Таким живым, разговорным языком, богатым интонационными оттенками, написана, например, басня «Воля и неволя». Речь собаки уже предвещает язык крыловских персонажей:

Нет, то-то жизнь-та как у нас!
Ешь не хочу всего, чего душа желает:
После гостей
Костей, костей,
Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуды девать!
А ласки от господ — уж подлинно сказать!

Для того чтобы показать, насколько далеко ушел Хемницер от таких своих предшественников, как Сумароков или Майков, остановимся на его басне «Друзья», во многом предварившей и по теме и по исполнению крыловскую басню «Крестьянин в беде». Уже одно то, что Хемницер обратился здесь к русской жизни, к бытовому случаю, а не к традиционным сюжетным мотивам, свидетельствует о большом шаге вперед, о попытке сближения литературы с жизнью. Обыденный случай, положенный в основу сюжета, удачно найден в самой действительности, передавая в то же время типическое, широко распространенное явление. Естественность рассказа противостоит гротескности и низкому, нарочито огрубленному «просторечию» басен Сумарокова и его последователей. Рассказ ведется от лица очевидца. Дидактическая тенденция басни выражена в иносказательно-аллегорической форме, «мораль» приоткрывается в эпиграмматическом зачине:

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытав, не звать.

Далее следует самый рассказ, свободный от тяжеловесного сумароковского юмора и гротеска. Хемницер включает в этот рассказ диалог, народную речь:

Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
— «Робята, что же вы стоите?
Поможемте», — один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.

В своих лучших баснях Хемницер преодолевает недостатки, нередко свойственные ему как баснописцу: многословность, вялость

стиха, словесную невыразительность, добиваясь сжатости рассказа и изобразительной силы образов.

Он умеет быть и кратким, не обременяя моралью, найти наглядный пример, нарисовать зримую конкретную картину, которая сама собой уже выражает басенную «мораль». Такова, например, его басня «Обоз», при всей своей краткости передающая глубокий смысл, высмеивающая надутое чванство, важничание, хвастовство, стремление первенствовать при отсутствии права на это.

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

Как находчиво и по-разговорному метко сказано — «барин-воз»! Легкость, ясность самого строения басни и ее аллегорического смысла говорят сами за себя и свидетельствуют о высокой талантливости баснописца.

Самый стих многих басен Хемницера, их разговорная интонация часто преодолевают книжную скованность и приобретают выразительность и разнообразие.

В лучших баснях Хемницер освобождается от своей несколько тяжеловатой рассудочности и дидактики, создавая живые, запоминающиеся картины, проникнутые едким юмором и иронией. Такова одна из его наиболее известных басен «Зеленый осел», восходящая по своему сюжету к басне Геллерта «Der grüne Esel». Однако Хемницер не только по-своему пересказал этот традиционный басенный мотив (ведущий свое происхождение от итальянского баснописца XV века Абстемия), но и придал ему неизмеримо бо́льшую живость, чем Геллерт. Эта живость достигается как бо́льшей конкретностью бытовых деталей, так и самой манерой повествования. Хемницер передает рассказ о «дураке», который выкрасил осла в зеленый цвет и в таком виде повел его по улицам городка на показ любопытным. Рассказывая о сенсации, произведенной этим «чудом», Хемницер рисует живописную картину всеобщего любопытства:

По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,

На кровли вылезают,
Леса, подмостки подставляют:
Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков, и спереди, и сзади забегая.

Здесь уже говорит не автор-дидактик, а рассказчик — свидетель этого необычайного происшествия, с наивным простодушием передающий свое впечатление. У Геллерта это место звучит гораздо суше, как простая констатация фактов:

Die Gassen wimmelten von Millionen Seelen,
Man hebt die Fenster aus, man deckt die Dächer ab;
Denn alles will den grünen Esel sehn,
Und alle konnten doch nicht mit dem Esel gehn.

Уже на третий день «зеленый осел» перестал производить какое-либо впечатление:

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

По ясности и живости изложения, по самому тону «простодушного рассказчика», которым ведется повествование, Хемницер предваряет появление крыловских басен («Слон и моська», например).

П. А. Плетнев в сороковые годы XIX века отмечал, что «простые, легкие формы» хемницеровских басен до сих пор привлекают к ним внимание. «Чуждаясь пестроты и многословия предшественника своего (т. е. Сумарокова. — *Н. С.*), он почти возвратился к единству и краткости древних, которые в баснях никогда не были вполне художниками, а только моралистами. Согласно с характером поэзии внутренней, и стих его обработался только в безыскусственности, к сожалению переходящей иногда в прозаическую холодность и медленность».[1] Этот отзыв Плетнева не только характеризует место, занимаемое Хемницером в развитии русской басни, но и указывает

---

[1] П. Плетнев. Сочинения и переписка, т. 2. СПб., 1885, стр. 36.

на слабые стороны его басен. Хемницер еще робко прибегает к диалогу, речь его персонажей редко отличается специфически индивидуальной манерой, столь характерной для басен Крылова, но сдержанная правильность его языка означала новый этап в развитии русской басни.

Баснописец начала XIX века и теоретик басенного жанра А. Е. Измайлов писал о баснях Хемницера: «Хемницер имеет самое главное и существенное достоинство баснописца-поэта: *простодушие* (la naïveté). Если бы он при своем пленительном простодушии одарен был столь же сильным и пламенным чувством, как Дмитриев; если б владел, подобно ему, животворною кистью поэзии и с таким же тщанием и вкусом обработывал свои стихи, то я не усумнился бы назвать его вторым Лафонтеном. Впрочем, справедливость требует сказать, что Хемницер первый начал у нас писать в стихах настоящим простым слогом в то время, когда язык не был еще очищен и когда не имели понятия о хорошей версификации. Удивительно, как он мог без основательного учения словесности и без образцов на отечественном языке достигнуть совершенства в столь трудном роде стихотворений, каким признается басня, получившая от Лафонтена новую форму. Рассказ у Хемницера бесподобен: нигде почти у него не видно принуждения; кажется, что он писал без всякого труда и невольно забавлял читателей своей простотою; но сия-то мнимая простота (bonhomie) или, правильнее, *простодушие* есть в басне и сказке верх дарования и искусства».[1] То, что нам теперь кажется в стихах Хемницера рассудочным и бледным в языковом отношении, — для его современников и даже для ближайших поколений представлялось образцом простоты и естественности, примером разговорного слога.

В словарном, лексическом отношении язык Хемницера действительно приближается к разговорному, включая нередко и народное «просторечие». Он пользуется такими словами и выражениями, как «оплошать», «оправить», «шел путем-дорогой», «авось», «впрям», «эдак», «ждать-пождать», «встужиться», «взметаться», «чужого не замай», «куды несчастный я поспел», «денег сто рублев», «на стать воронью поступают», «с надсадкою кричит», «талан», «бедокур», «щечили», «ни кола ни двора» и т. п. Однако он избегает нарочито грубых слов крестьянского обихода, которыми так любил уснащать свои басни Сумароков.

Хемницер охотно насыщает свои басни словами с уменьшительными, ласкательными и увеличительными суффиксами, столь

[1] «Благонамеренный», 1818, январь, стр. 126—127.

характерными для народной речи: «возище», «батюшка», «дитятко», «дружок», «молодчик», «сынок» и т. п. Нередко он прибегает к народному словечку «свет», которое так полюбит затем Крылов: «Ну, говорит, узнай, мой свет!», «Ты ошибаешься, мой свет!»

Народный характер придают языку басен и характерные фразеологические обороты: «На ту беду...», «Челнок вам на беду, поверьте мне, я знаю», «Я чаю, что тебя послушать...», «Жить домом, говорят, нельзя без кошки быть» и т. д. Сплошь и рядом Хемницер включает в свои басни подлинные народные пословицы: «Заставь дурака молиться, дурак и лоб разобьет», «Святое место пусто не будет», «Худой мир лучше доброй ссоры», «Многие умеют мягко стлать, да жестко спать», «И от добра добра не ищут».

В свою очередь, многие стихи Хемницера по своему складу напоминают народные пословицы и поговорки: «Кто ползать родился, тому уже не встать», «Чужого не замай, а береги свое», «Иному и в делах лужайка — океан», «Говорят, седло корове не пристало», «Уж легче нет, как дураком прожить».

Однако значительное место в языке Хемницера занимают и книжные, церковнославянские и архаические слова и выражения: «соседы», «войски», «лжа», «прорекатель», «учтивство», «вопиять», «действо», «обстать» и т. п. Встречаются и архаичные грамматические формы: «окончают» (от оканчивать), «охолодел» (вместо «охладел»), «глазя» (вместо «глазея») и др. Все это придает нередко архаический, книжный характер его словарю.

Большой заслугой Хемницера было то, что он преодолел архаическую тяжеловесность басенного слога своих предшественников, а также грубоватое «просторечие» сумароковских басен, создав «средний» стиль, общепонятный и доступный читателям. Однако прийти к разговорной живости и богатству крыловского басенного языка Хемницер еще не смог. Его язык синтаксичсски правилен, его фраза грамматически выверена, но они лишены разговорной, интонационной свободы и разнообразия, его словарь ограничен во многом рамками книжной речи. Самые обороты нередко имеют слишком книжный характер: «В каком-то городе два человека жили, Которы промыслом купцами оба были» («Два купца»). Или: «Бедняк, людей увидя лесть, К богатому неправу честь, К себе неправое презренье, Вступил о том с своим соседом в рассужденье» («Богач и бедняк»). Иногда встречаются весьма тяжеловесные синтаксические конструкции со сложноподчиненными предложениями: «Во Франции, никак, я право позабыл, Из воинов один, который заслужил, Чтоб он пожалован крестом воинским был, Не получив сего, однако, награжденья...» Это отяжеляло язык и стих Хемницера, придавало ему

книжный характер, связывало те живые, разговорные интонации, которые прорывались сквозь эту грамматическую скованность.

В языке басен Хемницера борются и сталкиваются две различные языковые стихии — книжная и разговорно-«просторечная». Он еще не способен создать органическое сочетание этих двух речевых тенденций, закрепить их за определенными персонажами, сплошь и рядом механически соединяя разные языковые сферы и лишая своих героев индивидуальной речевой характеристики.

Достаточно сравнить хемницеровского «Лжеца» с одноименной басней Крылова, чтобы особенно наглядно представить различие в манере рассказа обоих баснописцев.

Хемницер свою басню начинает с нравоучения:

Кто лгать привык, тот лжет в безделице и в деле,
И лжет, душа покуда в теле,
Ложь — рай его, блаженство, свет:
Без лжи лгуну и жизни нет.
Я сам лжеца такого
Знал,
Который никогда не выговорит слова,
Чтобы при том он не солгал.

Далее некий лжец рассказывает историю о том, как якобы в его присутствии сплавляли алмазы и из мелких делали один большой. Это повествование, по сравнению с крыловским, многословно, бледно, лишено живых интонаций, характер лжеца в нем совершенно не показан. Желая проучить лжеца, один из присутствующих уверяет, что он видел алмазы весом не в фунт, как утверждал лжец, а в целый пуд:

«В фунт, кажется, ты говорил?»
— «Так точно, в фунт», — лжец подтвердил.
— «О! это ничего! Теперь уж плавить стали
Алмазы весом в целый пуд;
А в фунтовых алмазах тут
И счет уж потеряли».

Для Хемницера этот диалог — художественное достижение. Но в целом басня остается растянутой, она лишена того непринужденного остроумия, лукавой иронии, богатства разговорных интонаций, которыми отличается одноименная басня Крылова.

В ряде случаев басни Хемницера монологичны, являются авторским повествованием. В своем рассказе Хемницер стремится сохра-

нить разговорную интонацию, но, как правило, она однообразна и монотонна, язык однопланен, напоминает сухой пересказ. Такова, например, басня «Два купца», повествовательная манера которой характерна для Хемницера:

В каком-то городе два человека жили,
Которы промыслом купцами оба были.
Один из них в то только жил,
Что деньги из всего копил;
Другой доход свой в хлеб оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смеялся,
Что он всё хлебом запасался.
Товарищ смех его спокойно принимал
И хлебный свой запас всё больше умножал.

Эту книжную скованность речи, недостаток разговорной свободы и естественности в языке басен Хемницера в свое время подметил Н. Полевой: «Хемницера можно упрекнуть в одном только: у него не было еще того полного русского разгула, той русской беззаботности, в которых так неподражаем Крылов. Хемницер никогда не смеет разговориться, может быть, чтобы не заговориться. На нем приметны местами следы оков классических. В языке своем он как будто хочет казаться человеком comme il faut — церемония, совсем лишняя в басне, — и боится часто употреблять коренные русские речи. . .» [1]

Однако для развития русской басни значение басен Хемницера прежде всего в том сближении литературы и жизни, которое в условиях господства эстетики классицизма было наиболее ощутимо в басенном жанре.

Сатирическая направленность басен Хемницера, защита в них интересов простого труженика, критика феодально-крепостнических порядков определяли эту связь с жизнью, преодолевали условность жанровой традиции и отвлеченное морализирование. В этом основная историческая заслуга Хемницера, проложившего путь к реалистическим и подлинно народным басням Крылова.

Лучшие басни Хемницера своей жизненной мудростью, своим уважением к трудящемуся человеку и высотой своих нравственных требований несомненно приобрели непреходящее значение. Их успех и популярность у читателей на протяжении всего XIX века свидетельствуют, что они выдержали испытание временем.

---

[1] Н. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 1. СПб., 1839, стр. 411—412.

Так, Н. Полевой писал по поводу выхода басен Хемницера в 1837 году: «Хемницер был один из превосходнейших наших поэтов и достоин стать наряду с Крыловым. Его басни должны быть такою же народною книгою, как басни Крылова. Они могут выдержать суд самый строгий, особливо если сообразим, что Хемницер принадлежал еще ко временам ломоносовским».[1]

В нашу советскую эпоху интерес к басенному жанру отнюдь не уменьшился. Творчество Хемницера — одного из первых талантливых мастеров этого жанра — по праву заслуживает внимания самых широких кругов советских читателей.

Н. Степанов

---

[1] Н. Полевой. Очерки русской литературы, ч. 1. СПб., 1839, стр. 405.

БАСНИ И СКАЗКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МИЛОСТИВОЙ ГОСУДАРЫНЕ МАРЬЕ АЛЕКСЕЕВНЕ ДЬЯКОВОЙ

Милостивая государыня!

Лишь только я успел сказать:
«Ну, басенки мои и сказочки, прощайте,
Вас требуют, и мне вас больше не держать,
Ступайте;
Приятелям моим привык я угождать:
Они меня о том не раз уже просили,
Чтоб напечатать вас отдать», —
Все басни с сказками ко мне тут приступили,
И, каждая приняв и голос свой, и вид,
Старик мне первый говорит:
«Помилуй, чтó ты затеваешь,
Что ты без всякой нас защиты отпускаешь!
Ужли ты для того на свет нас жить пустил
И нас, детей своих, лелеял и учил,
Чтоб мы на произвол судьбы теперь остались
И без прибежища скитались?
Не сам ли ты через меня сказал,
Что в море бы одним робятам не пускаться?
А ты теперь и сам что делать с нами стал?»
Бедняк тож к речи тут пристал:
«А я куды гожусь? Как в свет мне показаться?
Ты знаешь, батюшка, довольно, свет каков,
Какое множество развратных в нем умов;
Ты знаешь, сколько в нем на правду негодуют
И как порочные умы об ней толкуют?
А ты ведь, батюшка, когда нас воспитал,

«Ну, дети, правдою живите
И правду говорите», —
Всегда нам толковал.
Так ты нас под ее защитой отпускаешь?
Помилуй, разве ты не знаешь,
Какой по бедности моей мне был прием
В беседе перед богачом?
Чего же доброго теперь мне дожидаться,
Когда мне в свет еще и с правдой показаться?
Нет, ежели ты в свет задумал нас пустить,
Отдай *Дьяковой* нас в покров и защищенье.
Тогда хоть мы от злых услышим поношенье,
Что станем правду говорить,
Но в *ней* не гнев найдем, увидим снисхожденье;
Ее одно в том утешенье,
Один закон, одно ученье,
Чтоб правду слышать и любить.
Она нас иногда от клеветы избавит,
А именем своим тебя и нас прославит
И наших недругов заставит, может быть,
Еще нас и любить.
Хоть в свете истина собой и не терпима,
Так из прекрасных уст всё может быть любима».
— «Как? *ей* представить вас? что вы, с ума сошли?
Подите ж прочь! пошли! пошли!»
Сперва-таки как лад просили, всё просили;
Но вдруг как подняли и плач, и вой такой!
«Ой! батюшка, постой! постой!
Ой! что задумал ты над нашей головой!»
Тут все они свои заслуги протвердили
Без череды и чередой.
Иная басня тут медведем заплясала,
Другая тут свиньей визжала.
Медведь сказал:
«Что, разве ты забыл, как в басне я плясал?»
Свинья свое напоминала
И с прочими туда ж твердит:
«Припомни, как меня в девятой басне били,
Гоняли, мучили, тузили».
Слоны с коровой приступили.
Корова говорит:
«Что, разве даром я под седоком страдала,

За лошадь службу отправляла
И невпопад ступала?
А что я не скакала,
Так я не виновата в том,
Что не родйлася конем».
Слоны свое тут толковали:
«Да мы чем виноваты стали,
Что, новый ты совет затеяв учредить,
С нами,
С слонами,
Скотов с предлинными ушами
За красное сукно изволил посадить?
Иль наши все труды пропали?
Так из чего ж бы нам служить?»
И уши криком мне и воем прожужжали.
Другие было все туда ж еще пристали;
Но я, чтоб как-нибудь скоряй их с шеи сжить,
Стал гнать их от себя, кричать на них, бранить:
«Поди, уродлива станица, отступися!»
Они, *сударыня,* и пуще привяжися.
Я им в рассудок говорить:
«Да как уродов вас *Дьяковой* мне представить?
Иль вкус и красоту *ее* мне оскорбить
И самому себя пред *нею* обесславить?
Ну, кстати ли?» — Они никак не отставать;
Стоят на том, чтоб *Вам* в защиту их отдать:
Хотя бы, говорят, мы *ей* не показались,
Так мы бы именем *ее* покрасовались.
Я всё не смел им обещать,
Как вздорная меня станица ни просила;
Но вдруг, где ни взялась, жена тут приступила,
Котору в сказке я десятой описал;
Тут я, *сударыня,* что делать, уж не знал,
И, чтоб скоряй с ней разойтиться,
Я был уж принужден решиться.
«Да, да, — я ей сказал, —
Так точно, знаю, знаю...
Подите только прочь, я всё вам обещаю...»
Дав слово, должен я сдержать.
Не надобно бы так нескромно обещать;
Но, силу кротости и власть рассудка зная
И вздорную лишь тем исправить уповая,

Подумал я: «Пускай же будет и она
На путь прямой обращена;
Не первая то будет злая
Обезоружена жена...»
Пожалуйте ее, *сударыня,* исправьте;
А мне простите слог простой,
И счастье тем мое составьте:
Позвольте, чтоб *Вам* был покорнейшим слугой,
милостивая государыня,

N. N.

ПИСАТЕЛЬ

Писатель что-то сочинил,
Чем сам он недоволен был.
В способности своей писатель сомневался,
А потому
Ему
И труд свой не казался;
И так он не ласкался
Уж похвалу ту получить,
Котору заслужить
Старался.
В сомненьи сем ему невежда предстает.
Писатель тут на рассужденье
Свой труд невежде подает.
«Пожалуй, — говорит, — скажи свое ты мненье
На это сочиненье».
Судьей невежда стал,
Судил, решил, определял:
Ни в чем не сомневался,
Ничем он не прельщался,
И только что кричал:
«Вот это низко здесь! там то неблагородно!
В том месте темен смысл! тут вовсе нет его!
Вот это с правдою не сходно!
Здесь остроты нет ничего!
Тут должно иначе... получше изъясниться!
А эта речь проста... и... не годится!»

И всё невежда вкось и вкриво толковал.
Что он невежда был, о том писатель знал,
И про себя сказал:
«Теперь надежда есть, что труд мой не пропал».

КОНЬ И ОСЕЛ

Конь, всадником гордясь
И выступкой храбрясь,
Чресчур резвился
И как-то оступился.
На ту беду осел случился
И говорит коню: «Ну, если бы со мной
Грех сделался такой?
Я, ходя целый день, ни разу не споткнуся;
Да полно, я и берегуся».
— «Тебе ли говорить? —
Конь отвечал ослу. — И ты туда ж несешься!
Твоею выступкой ходить —
И вóвек не споткнешься».

УМИРАЮЩИЙ ОТЕЦ

Был отец,
И были у него два сына:
Один сын был умен, другой сын был глупец.
Отцова настает кончина;
И, видя свой конец,
Отец
Тревожится, скучает,
Что сына умного на свете покидает,
А будущей его судьбы не знает,
И говорит ему: «Ах! сын любезный мой,
С какой
Тоской
Я расстаюсь с тобой,
Что умным я тебя на свете покидаю!
И как ты проживешь, не знаю.

Послушай, — продолжал, — тебя я одного
Наследником всего именья оставляю,
А брата твоего
Я от наследства отрешаю:
Оно не нужно для него».
Сын усумнился и не знает,
Как речь отцову рассудить;
Но наконец отцу о брате представляет:
«А брату чем же жить,
Когда мне одному в наследство,
С его обидою, именье получить?»
— «О брате нечего, — сказал отец, — тужить:
Дурак уж верно сыщет средство
Счастливым в свете быть».

ДЕРЕВО

Стояло дерево в долине,
И, на судьбу свою пеняя, говорит,
Зачем оно не на вершине
Какой-нибудь горы стоит;
И то ж да то же всё Зевесу докучает.
Зевес, который всем на свете управляет,
Неудовольствие от дерева внимает
И говорит ему:
«Добро, переменю твое я состоянье,
Ко угожденью твоему».
И дал Вулкану приказанье
Долину в гору пременить;
И так под деревом горою место стало.
Довольным дерево тогда казалось быть,
Что на горе стояло.

Вдруг на леса Зевес за что-то гневен стал,
И в гневе приказал
Всем вéтрам на леса пуститься.
Уж действует свирепых ветров власть:
Колеблются леса, листы столпом крутятся,
Деревья ломятся, валятся,
Всё чувствует свою погибель и напасть;

И дерево теперь, стоявши на вершине,
Трепещет о своей судьбине.
«Счастливы, — говорит, —
Деревья те, которые в долине!
Их буря столько не вредит».
И только это лишь сказало —
Из корня вырванно упало.

Мне кажется, легко из басни сей понять,
Что страшно иногда на высоте стоять.

ПОЖИЛОЙ ГАДАТЕЛЬ

Детина молодой хотел узнать вперед,
Счастливо ль он иль нет
На свете проживет
(О чем нередкий размышляет
И любопытствует узнать),
И для того велел гадателя призвать,
И счастье от него свое узнать желает.

Гадатель был старик и строго честь любил,
Он знал людей и в свете жил,
Детине этому печально отвечает:
«Не много жизнь твоя добра предвозвещает;
Ты к счастью, кажется, на свете не рожден:
Ты честен, друг, да ты ж умен».
Печальный прорекатель!
Какой стоический урок!
Но к счастию, что ты гадатель,
А не пророк!

СКВОРЕЦ И КУКУШКА

Скворец из города на волю улетел,
Который в клетке там сидел.
К нему с вопросами кукушка приступила
И говорила:

«Скажи, пожалуй, мне, что́ слышал ты об нас,
И городу каков наш голос показался?
Я думаю, что ведь не раз
Об этом разговор случался?
О соловье какая речь идет?»
— «На похвалу его и слов недостает».
— «О жаворонке что ж?» — кукушка повторяет.
— «Весь город и его немало похваляет».
— «А о дрозде?»
— «Да хвалят и его, хотя и не везде».
— «Позволишь ли ты мне, — кукушка
продолжала, —
Тебя еще одним вопросом утрудить
И обо мне, что слышал ты, спросить?
Весьма б я знать о том желала:
И я таки певала».
— «А про тебя, когда всю истину сказать,
Нигде ни слова не слыхать».
— «Добро! — кукушка тут сказала. —
Так стану же я всем за это зло платить,
И о себе сама всё буду говорить».

ОБОЗ

Шел некогда обоз;
А в том обозе был такой престрашный воз,
Что перед прочими казался он возами,
Какими кажутся слоны пред комарами.
Не возик и не воз, возище то валит.
Но чем сей барин-воз набит?
Пузырями.

ОТЕЦ И СЫН ЕГО

Отец, имея сына,
Который был уже детина,
«Ну, сын, — он говорит ему, — уж бы пора,
Для твоего добра,
Тебе жениться.

К тому же, дитятко, у нас один ты сын,
Да и во всей семье остался ты один;
Когда не женишься, весь род наш прекратится,
Так и для этого ты должен бы жениться.
Уж я не раз о том говаривал с тобой
И напрямик, и стороной,
А ты мне всё в ответ другое да другое;
Скажи, пожалуй, что такое?
Я, право, говорить о том уже устал».
— «Ох! батюшка, давно и сам я рассуждал,
Что мне пора бы уж жениться;
Да вот я для чего всё не могу решиться:
Ищу, да всё еще примера не найду,
Чтоб жили муж с женой в ладу».

ДВА СОСЕДА

Худой мир лучше доброй ссоры,
Пословица старинна говорит;
И каждый день нам тож примерами твердит,
Как можно не вплетаться в споры;
А если и дойдет нечаянно до них,
Не допуская вдаль, прервать с начала их,
И лучше до суда, хотя ни с чем, мириться,
Как дело выиграть и вовсе просудиться
Иль, споря о гроше, всем домом разориться.

На двор чужой свинья к соседу забрела,
А со двора потом и в сад его зашла
И там бед пропасть накутила:
Гряду изрыла.
Встревожился весь дом,
И в доме беганье, содом:
«Собак, собак сюда!» — домашние кричали.
Из изб все люди побежали
И сви́нью ну травить,
Швырять в нее, гонять и бить.
Со всех сторон на сви́нью напустили,
Поленьями ее, метла́ми, кочергой,

Тот шапкою швырком, другой ее ногой
(Обычай на Руси такой).
Тут лай собак, и визг свиной,
И крик людей, и стук побой
Такую кашу заварили,
Что б и хозяин сам бежал с двора долой;
И люди травлю тем решили,
Что сви́нью наконец убили
(Охотники те люди были).

Соседы в тяжбу меж собой;
Непримиримая между соседов злоба;
Огнем друг на́ друга соседы дышат оба:
Тот просит на того за сад изрытый свой,
Другой, что сви́нью затравили;
И первый говорил:
«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что у меня ты сад изрыл».
Другой же говорил:
«Я жив быть не хочу, чтоб ты не заплатил,
Что сви́нью у меня мою ты затравил».
Хоть виноваты оба были,
Но кстати ль, чтоб они друг другу уступили?
Нет, мысль их не туда;
Во что б ни стало им, хотят искать суда.
И подлинно, суда искали,
Пока все животы судьям перетаскали.

Не стало ни кола у и́стцев, ни двора.
Тогда судьи им говорили:
«Мы дело ваше уж решили:
Для пользы вашей и добра
Мириться вам пора».

ТЕНЬ МУЖНЯ И ХАРОН

Красавицы! ужли вы будете сердиться
За то, что вам теперь хочу я рассказать?
Ведь слава добрых тем никак не уменьшится,
Когда однех худых я стану осуждать.

А право, мочи нет молчать:
Иным мужьям житья от жен своих не стало;
А этак поступать вам, право, не пристало.

Жил муж, жила жена,
И наконец скончались оба;
Да только в разны времена
Им отворились двери гроба.
Жена скончалась наперед,
Потом и муж, прожив не помню сколько лет,
Скончался.

Как с светом здешним он расстался,
То к той реке приходит он,
Где перевозит всех Харон
Тех, кои свет сей оставляют.
А за рекою той, пииты уверяют,
Одна дорога в рай, другая в ад ведет.
Харон тень мужнюю везет,
И как через реку́ они переезжают,
Тень говорит: «Харон, куда моя жена
Тобою перевезена?
В рай или в ад?» — «В рай». — «Можно ль статься?
Меня куда ж везешь?» — «Туда ж, где и она».
— «Ой, нет; так в ад меня! Я в аде рад остаться,
Чтоб с нею вместе лишь не жить».

— «Нет, нет, мне над тобой хотелось подшутить,
Я в ад ее отвез; ей кстати в аде быть
И с дьяволами жить и знаться:
И в свете ведь она
Была прямая сатана».

МУЖИК И КОРОВА

Коня у мужика не стало,
Так он корову оседлал;
А сам о том не рассуждал,

Что, говорят, седло корове не пристало;
И, словом, на корову сел,
Затем что он пешком идти не захотел.

Корова только лишь под седоком шагает,
Скакать не знает.
Седок корову погоняет;
Корова выступкой всё тою же ступает
И только лишь под ним пыхтит.

Седок, имев в руках не хлыстик, а дубину,
Корову понуждал как вялую скотину,
Считая, что она от палки побежит.
Корова пуще лишь пыхтит,
Потеет и кряхтит.
Седок удары утрояет, —
Корова всё шагает,
А рыси, хоть убей,
Так нет у ней.

КАЩЕЙ

Какой-то был кащей и денег тьму имел,
И как он сказывал, то он разбогател
Не криводушно поступая,
Не грабя и не разоряя,
Нет, он божился в том,
Что бог ему послал такой достаток в дом
И что никак он не боится
Противу ближнего в неправде обличиться.
А чтобы господу за милость угодить
И к милосердию и впредь его склонить,
Иль, может быть, и впрям, чтоб совесть успокоить,
Кащею вздумалось для бедных дом построить.

Дом строят и почти достроили его.
Кащей мой, смóтря на него,
Себя не помнит, утешает

И сам с собою рассуждает,
Какую бедным он услугу показал,
Что им пристанище построить приказал.
Так внутренно кащей мой домом веселится,
Как некто из его знакомых проходил,
Кащей знакомому с восторгом говорил:
«Довольно, кажется, здесь бедных поместится?»
— «Конечно, можно тут числу большому жить;
Но всех, однако же, тебе не уместить,
Которых по миру заставил ты ходить».

КРЕСТЬЯНИН С НОШЕЮ

Коль часто служит в пользу нам,
Что мы вредом себе считаем!
Коль часто на судьбу богам
Неправой жалобой скучаем!
Коль часто счастие несчастием зовем
И благо истинно, считая злом, клянем!
Мы вечно умствуем и вечно заблуждаем.

Крестьянин некакий путем-дорогой шел
И ношу на плечах имел,
Которая его так много тяготила,
Что на пути пристановила.
«Провал бы эту ношу взял! —
Крестьянин проворчал. —
Я эту ношу
Сброшу,
И налегке без ноши я пойду,
Добра я этого везде, куда приду,
Найду».
А ноша та была кошель, набитый сеном,
Но мужику она казалась горьким хреном.
Стал наш крестьянин в пень, не знает, что начать,
Однако вздумал отдыхать,
И мыслит: «Отдохнув немного, поплетуся;
Авось-либо дойду,
Хоть с ношею пойду;

Быть так, добро, пущуся».
Пошел крестьянин в путь и ношу взял с собой;
Но надобно здесь знать, что было то зимой,
Когда лишь только реки стали
И снеги льда еще не покрывали.
Лежит крестьянину дорога через лед.
Крестьянин ничего не думавши идет;
Вдруг, поскользнувшись, он свалился,
Однако же упал на ношу без вреда.

Близка была беда!
Крестьянин, верно б ты убился,
Когда бы ношу взять с собою поленился.

ДВА СЕМЕЙСТВА

Уж исстари, не ныне знают,
Что от согласия все вещи возрастают,
А несогласия все вещи разрушают.
Я правду эту вновь примером докажу,
Картины Грёзовы [1] я сказкой расскажу.
Одна счастливую семью изображает,
Другая же семью несчастну представляет.

Семейством сча́стливым представлен муж с женой,
Плывущие с детьми на лодочке одной
Такой рекой,
Где камней и меле́й премножество встречают,
Которы трудности сей жизни представляют.
Согласно муж с женой
Своею лодкой управляя,
От камней, мелей удаляя,
Счастливо к берегу плывут;
Любовь сама в лице, гресть им пособляя,
Их тяжкий облегчает труд;
Спокойно в лодочке их дети почивают;

[1] Нашего века исторический живописец.

Покой и счастие детей
В заботной жизни сей
Труды отцовски награждают.

Другим семейством тож представлен муж с женой,
Плывущие с детьми на лодочке одной
Такою же рекой,
Где камней и мелéй премножество встречают;
Но худо лодка их плывет;
С женой у мужа ладу нет:
Жена весло свое бросает,
Сидит, не помогает,
Ничто их труд не облегчает.
Любовь летит от них и вздорных оставляет;
А мужа одного напрасен тяжкий труд,
И вкриво с лодкою и вкось они плывут;
Покою дети не вкушают
И хлеб друг ý друга с слезами отнимают;
Всё хуже между них час óт часу идет;
В пучину лодку их несет.

ЗЕМЛЯ ХРОМОНОГИХ И КАРТАВЫХ

Не помню, где-то я читал,
Что в старину была землица небольшая,
И мода там была такая,
Которой каждый подражал,
Что не было ни человека,
Который бы, по обычáю века,
Прихрамывая не ходил
И не картавя говорил;
А это всё тогда искусством называлось
И красотой считалось.

Проезжий из земли чужой,
Но не картавый, не хромой,
Приехавши туда, дивится моде той
И говорит: «Возможно ль статься,
Чтоб красоту в том находить —

Хромым ходить
И всё картавя говорить?
Нет, надобно стараться
Такую глупость выводить».
И вздумал было всех учить,
Чтоб так, как надобно, ходить
И чисто говорить.
Однако, как он ни старался,
Всяк при своем обычае остался;
И закричали все: «Тебе ли нас учить?
Что на него смотреть, робята, всё пустое!
Хоть худо ль, хорошо ль умеем мы ходить
И говорить,
Однако не ему уж нас перемудрить;
Да кстати ли теперь поверье отменить
Старинное такое?»

СТРОИТЕЛЬ

Тот, кто дела свои вперед всё отлагает,
Тому строителю себя уподобляет,
Который захотел строение начать,
Стал для него припасы собирать,
И собирает их по всякий день немало.
Построить долго ли? Лишь было бы начало.
Проходит день за днем, за годом год идет,
А всё строенья нет,
Всё до другого дня строитель отлагает.
Вдруг смерть пришла; строитель умирает,
Припасы лишь одни, не зданье оставляет.

СОВЕТ СТАРИКОВ

Детина старика какого-то спросил:
«Чтоб знатным сделаться, за что бы мне
приняться?»
— «По совести признаться, —
Старик детине говорил, —

Я, право, сам не знаю,
Как лучше бы тебе, дружок мой, присудить;
Но если прямо говорить,
Так я вот эдак рассуждаю,
И средства только с два могу тебе открыть,
Как до чинов больших и знатности дойтить,
А больше способов не знаю.

Будь храбр, дружок: иной
Прославился войной;
Всё отложив тогда, спокойство и забаву,
Трудами находить старался честь и славу;
И в самом деле то сыскал,
Чего сыскать желал.
Другой же знанием глубоким,
Не родом знатным и высоким,
Себя на свете отличил:
В судах и при дворе велик и славен был.
Трудами всё приобретают;
Но в том великие лишь души успевают».

— «Всё это хорошо, — детина говорил, —
Но если мне тебе по совести признаться,
Так я никак не вображал,
Что чести и чинов на свете добиваться
Ты б столько трудностей мне разных насказал.
Мне кажется, что ты уж слишком судишь строго;
Полегче бы чего нельзя ли присудить?»
— «Уж легче нет того, как дураком прожить;
А и глупцов чиновных много».

ХОЗЯИН И МЫШИ

Две мыши на один какой-то двор попались,
И вместе на одном дворе они живут;
Но каждой жительства различные достались,
А потому они и разну жизнь ведут:

Одна мышь в житницу попала,
Другая мышь в анбар пустой.

Одна в довольстве обитала,
Не видя нýжды никакой;
Другая ж в бедности живет и всё горюет
И на судьбину негодует,
С богатой видится и с нею говорит,
Но в житницу ее попасть никак не может,
И только тем одним сыта, что рухлядь гложет.
Клянет свою судьбу, хозяина бранит,
И наконец к нему мышь бедна приступила,
Сравнять ее с своей подругою просила.

Хозяин дело так решил,
И мыши говорил,
Котора с жалобой своею приходила:
«Вы обе случаем сюда на двор зашли
И тем же случаем и разну жизнь нашли.
Хозяину мышам не сделать уравненье;
И я скажу тебе:
Анбар и житницу построил я себе
На разное употребленье;
А до мышей мне нýжды нет,
Котора где и как живет».

ЛЖЕЦ

Кто лгать привык, тот лжет в безделице и в деле,
И лжет, душа покуда в теле.
Ложь — рай его, блаженство, свет:
Без лжи лгуну и жизни нет.
Я сам лжеца такого
Знал,
Который никогда не выговорит слова,
Чтобы при том он не солгал.

В то время самое, как опыты те были,
Что могут ли в огне алмазы устоять,
В беседе некакой об этом говорили,

И всяк по-своему об них стал толковать.
Кто говорит: в огне алмазы исчезают,
Что в самом деле было так;
Иные повторяют:
Из них, как из стекла, что хочешь выливают;
И так
И сяк
Об них твердят и рассуждают;
Но что последнее неправда, знает всяк,
Кто химии хотя лишь несколько учился.

Лжец тот, которого я выше описал,
Не вытерпел и тут, солгал:
«Да, — говорит, — да, так; я сам при том случился
(Лишь только что не побожился,
Да полно, он забылся),
Как способ тот нашли,
И до того алмаз искусством довели,
Что как стекло его теперь уж плавить стали.
А эдакий алмаз мне самому казали,
Который с лишком в фунт из мелких был стоплен».

Один в беседе той казался удивлен
И ложь бесстыдную с терпением внимает,
Плечами только пожимает,
Принявши на себя тот вид,
Что будто ложь его он правдою считает.
Спустя дней несколько лжецу он говорит:
«Как, бешь, велик алмаз тебе тогда казали,
Который сплавили? Я, право, позабыл.
В фунт, кажется, ты говорил?»
— «Так точно, в фунт», — лжец подтвердил.
— «О! это ничего! Теперь уж плавить стали
Алмазы весом в целый пуд;
А в фунтовых алмазах тут
И счет уж потеряли».

Лжец видит, что за ложь хотят ему платить,
Уж весу не посмел прибавить
И лжой алмаз побольше сплавить;
Сказал: «Ну, так и быть,
Фунт пуду должен уступить».

БОЯРИН АФИНСКИЙ

Какой-то господин,
Боярин знатный из Афин,
Который в весь свой век ничем не отличился
И никакой другой заслуги не имел,
Окроме той одной, что сладко пил и ел
И завсегда своей породой возносился, —
При всем, однако же, хотел,
Чтоб думали, что он достоинствы имел.

Весьма нередко то бывает:
Чем меньше кто себя достойным примечает
И, право бы, в слуги́ к себе негоден был,
Когда бы родом он боярином не слыл, —
Тем больше требует почтенья и желает.
В том самом городе, где барин этот был,
Какой-то стихотворец жил,
Который пел мужей, делами именитых,
Не титлами пустыми отменитых.
Писателя сего боярин попросил,
Чтоб нечто и в его он славу сочинил.
«Когда, — писателю вельможа говорил, —
Вы что-нибудь мне в славу сочините
И мне ту сделаете честь,
Прославиться и вам тут также случай есть».
В ответ писатель: «Извините,
Я всею бы душой вам в этом услужил,
Но сделать этого никак мне невозможно,
Затем что я зарок такой уж положил,
Чтоб не из подлого ласкательства и ложно
Стихи на похвалу кого-нибудь писать,
Но ими истинны заслуги прославлять».

БАРОН

Жил был скупой богач, и у него один
Был сын.
Отец его скончался;
Наследства миллион молодчику достался,

И захотел сынок, имевши миллион,
Бароном сделаться, — и сделался барон.
Баронство куплено. Теперь задумал он
Быть сверх того еще и знатным господином
И слыть бароном с чином.
Хоть знатных он людей достоинств не имел,
Да он их представлять умел;
И всё сбирался и хотел
Министром быть при кабинете,
Чтоб в царском заседать совете,
Иль славным полководцем быть.
Барон! достоинство за деньги не купить!
Но всё барон не мог решиться,
К чему бы лучше прилепиться,
Где б больше чести доступить:
Министром быть ли добиваться
Иль в полководцы домогаться?
И так в намереньях одних живет барон,
А всё достоинство барона — миллион.
Он удивленье был народов
Толпою гайдуков своих и скороходов;
Доходами его почти весь город жил,
Он в золото себя и слуг всех обложил;
И ежели когда в карете проезжался,
То больше лошадей своих он величался.
Льстецам он покровитель был
И ревностно тому служил,
Кто, ползая пред ним, его о чем просил;
А кто поступки все и вкус его хвалил,
Талантами его бесстыдно восхищался,
Тот верно помещен в число друзей тех был,
Которые на счет баронов ели, пили,
Смеясь в глаза, его хвалили;
И в тот же самый час мешки его щечили,
Как уверяли все его,
Что против глаз таких, какие у него,
И Аргусовы ничего.

Надолго ль моту миллиона?
Ему другого нет закона,
Как только чтоб по воле жить,
Страстям и прихотям служить.

Барон наш перестал уж больше говорить,
Министром, полководцем быть,
И только к роскошам одним лишь прилепился;
Пил, ел и веселился.
А как весь миллион баронов истощился,
То стал опять ничто барон,
Таков, как был и прежде он;
Без денег он от всех оставлен очутился,
И доказал своим житьем
Барон наш правду эту всем,
Что детям только зла родители желают,
Когда лишь им одно богатство оставляют:
Богатство — пагуба и вред
Тому, в ком воспитанья нет.

МЕДВЕДЬ-ПЛЯСУН

Плясать медведя научили
И долго на цепи водили;
Однако как-то он ушел
И в родину назад пришел.
Медведи земляка лишь только что узнали,
Всем пó лесу об нем, что тут он, промичали;
И лес лишь тем наполнен был,
Что всяк друг другу говорил:
«Ведь мишка к нам опять явился!»
Откуда кто пустился,
И к мишке без души медведи все бегут;
Друг перед другом мишку тут
Встречают,
Поздравляют,
Целуют, обнимают;
Не знают с радости, что с мишкою начать,
Чем угостить и как принять.
Где! разве торжество такое,
Какое
Ни рассказать,
Ни описать!
И мишку все кругом обстали;

Потом просить все мишку стали,
Чтоб похожденье он свое им рассказал.
Тут всё, что только мишка знал,
Рассказывать им стал
И между прочим показал,
Как на цепи, бывало, он плясал.
Медведи плясуна искусство все хвалили,
Которы зрителями были,
И каждый силы все свои употреблял,
Чтоб так же проплясать, как и плясун плясал.
Однако все они, хоть сколько ни старались,
И сколько все ни умудрялись,
И сколько ни кривлялись, —
Не только чтоб плясать,
Насилу так, как он, могли на лапы встать;
Иной так со всех ног тут о́ землю хватился,
Когда плясать было пустился;
А мишка, видя то,
И вдвое тут потщился
И зрителей своих поставил всех в ничто.
Тогда на мишку напустили,
И ненависть и злость искусство всё затмили;
На мишку окрик все: «Прочь! прочь отсель сейчас!
Скотина эдака умняй быть хочет нас!»
И всё на мишку нападали,
Нигде проходу не давали,
И столько мишку стали гнать,
Что мишка принужден бежать.

ОРЛЫ

Сначала всяко дело строго
И в строку так идет,
Что и присту́пу нет;
А там, перегодя немного,
Пошло и вкриво всё и вкось,
И о́тчасу всё хуже, хуже,
Покуда наконец хоть брось.

Не знаю, череду ведут ли люди ту же,
Но слово в басне сей
Про птиц, не про людей.

Орлы когда-то все решились
Составить общество правленья меж собой
И сделали устав такой,
Чтоб прочие от них все птицы удалились,
Как недостойные с орлами вместе жить,
Судить,
Рядить
Или в дела орлов входить
И, словом, в обществе одном с орлами быть.
И так живут орлы, храня устав свой строго,
И никакой из птиц к орлам приступу нет.
Прошло не знаю сколько лет,
Однако, помнится, не много,
Вдруг из орлов один свой голос подает,
С другими эдак рассуждает
И вот что предлагает:
«Хоть позволения на то у нас и нет,
Чтоб с нами в обществе другие птицы жили,
Которы б не одной породы с нами были,
Достоинств равных нам,
Орлам,
Отменных не имели,
Летать по-нашему высоко не умели,
На солнце бы смотреть не смели;
Но как соколий нам известен всем полет
И думаю, что нам он пользу принесет,
Так пусть и он при нас живет;
Мне кажется, беды тут нет».
— «И впрям, — орлы на то сказали, —
Его полет...
А сверх того, один сокóл куды нейдет».
И сокола принять позволить приказали.

Потом, спустя еще не знаю сколько лет,
Уж также и сокóл свой голос подает,
Что пользы ястреб тож не мало принесет,
И нужным признает,

Чтобы орлы благоволили
И ястреба принять.
Но тут было орлы сперва поусумнились,
Хотели отказать;
Однако наконец решились,
Чтоб позволенье дать
И ястреба в их общество принять.

Потом и ястреб тож орлам стал представлять,
Что нужны птицы те, другие,
Неведь какие,
Чтоб разну должность отправлять.
Что ж? Сделался приказ от самого правленья,
Чтоб птицам был прием вперед без представленья;
И вышло наконец, что в общество орлов
Уж стали принимать и филинов и сов.

УСМИРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ

Был у отца сын, малый молодой,
Шалун и бедокур такой,
Хоть голову кому так рад сорвать долой.
Какая только где проказа ни случится,
Наш малый завсегда тут первым очутится.
«Что, — говорит отец, — с повесой мне начать?
И чем его унять?»
Однако, чтоб себя стыда и бед избавить,
А в малом жару поубавить,
Он способ с ним еще вот этот предприял:
Как матушка на то любезна ни косилась,
В Америку его на сколько-то послал.

Что ж? чем поездка та решилась?
Ужли смирнее малый стал?
Где! бешеным таким еще и не бывал.
И для того отец и дядя посудили,
Подумали и положили,
Что как пути в нем не видать,
То б в службу малого военную отдать.
Поплакали, погоревали
И наконец его в солдаты записали,

Что в самом деле для него
Полезнее казалося всего.
Хоть люди каковы б военные ни были
И что б про них ни говорили,
Но многих палкой жить они уж научили.
А впрочем, нýжды в этом нет,
Что столько ж иногда умен и тот, кто бьет,
Как тот, кто за вину побои принимает.
Однако малого ничто не пронимает,
И палка даже не берет.

Посылка за отцом, чтоб в полк ему явиться.
«Нет, — говорят, — изволь назад ты сына взять
И сам, как хочешь, с ним возиться,
А нашей мочи уж не стало больше биться».
И велено отцу его назад отдать.
Теперь уж от него добра не ожидать!
Но нет, скорехонько детину проучили:
Еще и месяц не прошел,
Совсем детина присмирел.
Да чем же малого так вдруг переменили?
Ужли в тюрьму отец детину посадил?
Нет, лучше этого его он проучил:
На злой жене женил.

РОБЯТА СВОЕВОЛЬНЫЕ

Кто пожилых людей совет пренебрегает
И пылкой юности страстям одним внимает,
Тот часто со вредом и поздно узнает,
Сколь справедлив людей испытанных совет.

Робята ý моря со стариком гуляли
И как-то на челнок напали,
В который вздумали они и сами сесть,
И в то же старика хотят робята ввесть,
Чтоб с ними пó морю немного прокатиться.
Но старику ли согласиться?
Старик старается и их уговорить
Охоту эту отложить,

Робятам представляя
И живо им изображая,
Что кончится для них забава та бедой.
Робятам нýжды нет, хоть голова долой!
Чем больше их старик уговорить ласкался,
Тем больше на своем поставить всяк старался.
Старик еще их унимать:
«Эй! право, вам несдобровать!
Челнок вам на беду, поверьте мне, я знаю;
Ведь вам же я добра желаю!»
— «Пустое, старичок!
Что слушаться его!» — И сами все в челнок,
И в море наконец из виду удалились.
Тиха была вода тогда, когда пустились;
Но вдруг где ветер ни взялся,
Челнок качает
И по волнам его то вверх, то вниз бросает.
Робята чтоб назад, но ветер не пускает;
Робята чтоб спастись, но уж спастись нельзя:
Челнок вверх дном и всех собою потопляет.

ЛЕВ, УЧРЕДИВШИЙ СОВЕТ

Лев учредил совет какой-то, неизвестно,
И, посадя в совет сочленами слонов,
Большую часть прибавил к ним ослов.
Хотя слонам сидеть с ослами и невместно,
Но лев не мог того числа слонов набрать,
Какому прямо надлежало
В совете этом заседать.
Ну, что ж? пускай числа всего бы недостало,
Ведь это б не мешало
Дела производить.
Нет, как же? а устав ужли переступить?
Хоть будь глупцы судьи, лишь счетом бы их стало.
А сверх того, как лев совет сей учреждал,
Он вот как полагал
И льстился:

Ужли и впрям, что ум слонов
На ум не наведет ослов?

Однако, как совет открылся,
Дела совсем другим порядком потекли:
Ослы слонов с ума свели.

ПУСТОМЕЛЯ

Из первых шалунов молодчик,
Великий вертопрах, болтун и враль господчик,
Который только в то и жил,
Что вести собирал и вести разносил,
Которые его весь разум занимали
И только лгать,
Молоть, болтать
Беспрестанно заставляли,
А рассуждать о чем никак не допускали;
Который умных всех глупцами называл
Иль сделать их такими всех желал;
Который в то одно старался,
Чтоб людям голову вскружить
Враньем своим бесить
И скуку наводить,
И всех до смерти был готов заговорить.

Такой молодчик вдруг к писателю примчался
И с попыхов к нему бежит,
А сам уж издали кричит:
«Так! всё за книгами! и всё уединенны!
И всё от света удаленны!
И всё бы вам читать!
И всё бы вам писать!
И я таки не понимаю,
Как, полно, никогда вас скука не возьмет!»

— «Я этого не примечаю, —
Писатель отвечал, — один ли я иль нет,
Когда за книгами сижу я в размышленьи;
Но чувствую, что я теперь в уединеньи».

КОНЬ ВЕРХОВЫЙ

Верховый гордый конь, увидя клячу в поле
В работе под сохой
И в неге не такой,
И не в уборе, и не в холе,
Какую гордый конь у барина имел,
С пренебрежением на клячу посмотрел,
Пред клячею крестьянскою бодрился
И хвастал, чванился, и тем и сем хвалился.
«Что? — говорит он кляче той. —
Бывал ли на тебе убор когда такой,
Каков убор ты видишь мой?
И знаешь ли, меня как всякий почитает?
Всяк, кто мне встретится, дорогу уступает,
Всяк обо мне твердит и всякий похваляет.
Тебя же кто на свете знает?»
Несносна кляче спесь коня.
«Пошел, хвастун! — ему на это отвечает. —
Оставь с покоем ты меня.
Тебе ль со мной считаться
И мною насмехаться?
Не так бы хвастать ты умел,
Когда бы ты овса моих трудов не ел».

ОСЕЛ-НЕВЕЖА

Навстречу конь ослу попался,
Где путь весьма тесненек был.
Конь от осла почтенья дожидался
И хочет, чтоб ему дорогу уступил;
Однако, как осел учтивству не учился
И был так груб, как груб родился,
Он прямо на коня идет.
Конь вежливо ослу: «Дружок, посторонися,
Чтоб как-нибудь нам разойтися,
Иль дай пройти мне наперед».
Однако же осел невежей выступает,
Коню проходу не дает.

Конь, видя это, сам дорогу уступает,
Сказав: «Добро, изволь ты первый проходить.
Я не намерен прав твоих тебя лишить
И сам тобою быть».

СЧАСТЛИВЫЙ МУЖ

Детина по уши в красавицу влюбился,
И наконец, во что б ни стало то, решился
Иметь ее женой.
Недаром столько он красавицей пленился:
Красавицы еще не видано такой.
Да полно, вот беды какие:
Обыкновенно уж красавицы такие,
Что каждый, думаю, узнал,
Кто в этом случае бывал:
Чем более их обожают,
Тем более они суровыми бывают.

Детина этот то ж уж очень испытал:
Три года по своей красавице вздыхал,
Стенал, страдал,
Терзался, рвался и крушился,
Однако же не мог никак ее склонить,
Чтобы любовь к себе взаимну получить.
Что ж? С грусти наконец он странствовать пустился,
И для красавицы — что может зляе быть?—
В дороге с бесом подружился
И письменно договорился
Во услужении его два года жить,
Чтобы красавицу в жену лишь получить.
У беса тотчас всё с детиною решилось:
Рукописанье бес берет,
И слово честное детине бес дает;
А что обещано, и делом совершилось.
Хоть бес обыкновенно лжет,
Однако тут сдержал что сказано им было;
И время трех недель еще не проходило,
Как для детины день счастливый наступил:

Красавицу свою в жену он получил.
Но что ж? — И двух недель с женой не проживает,
Уж беса в помощь призывает.
«Ах! — говорит ему. — Не ведаешь всего
Ты горя моего:
Два года я тебе служить ведь обещался,
Когда красавицы тобой я домогался;
Но нет, избавь меня ты от нее, избавь,
А к услужению хоть год еще прибавь».
Но бес той просьбы не внимает;
А молодой
Вдобавок черту год, вдобавок и другой,
И к году год еще к услугам прибавляет.
«Хоть тяжко, — говорит, — у черта быть слугой,
Однако легче всё, чем с злою жить женой».

БОГАЧ И БЕДНЯК

Сей свет таков, что кто богат,
Тот каждому и друг и брат,
Хоть не имей заслуг, ни чина
И будь скотина;
И кто бы ни был ты таков,
Хоть родом будь из конюхов,
Детина будешь как детина;
А бедный, будь хоть из князей,
Хоть разум ангельский имей
И все достоинства достойнейших людей, —
Того почтенья не дождется,
Какое богачу всегда уж воздается.

Бедняк в какой-то дом пришел,
Который ум и чин с заслугами имел;
Но бедняка никто не только что не встретил,
Ниже́ никто и не приметил,
Иль, может быть, никто приметить не хотел.
Бедняк наш то к тому, то к этому подходит,
Со всеми разговор и так и сяк заводит,
Но каждый бедняку в ответ
Короткое иль *да,* иль *нет.*

Приветствия ни в ком бедняк наш не находит;
С учтивством подойдет, а с горестью отходит.

Потом,
За бедняком,
Богач приехал в тот же дом,
И не имел богач сей ни заслуг, ни чина,
И был прямая он скотина.
Что ж? богачу сказать нельзя какой прием!
Все встали перед богачом,
Всяк богача с почтением встречает,
Всяк стул и место уступает,
И под руки его берут;
То тут, то там его сажают;
Поклоны чуть ему земные не кладут,
И меры нет как величают.

Бедняк, людей увидя лесть,
К богатому неправу честь,
К себе неправое презренье,
Вступил о том с своим соседом в рассужденье.
«Возможно ль, — говорит ему, —
Что так людей богатство ослепляет!
Достоинствы того, кто беден, помрачает,
А кто богат, того пороки прикрывает.
Куды как это огорчает!»
— «Дивишься ты чему! —
Другой на это отвечает. —
Достоинств ведь взаймы не ищут никогда,
А денег завсегда».

ДВОРНАЯ СОБАКА

Жила у барина собака на дворе
В таком довольстве и добре,
В каком, бывало, жил чернец в монастыре;
Всего же боле,
Что жить могла на воле.

Сосед, который в дом к боярину ходил,
Собаку эту полюбил,
Да как достать ее, не знает:

Просить боярина об ней он не хотел,
Украсть ее — бездельством счел.
«Нет, надобно, — он рассуждает, —
Скромнее поступить
И тонким образом собаку ту сманить».
Бездельство тонкое бездельством не считает.
И всякий раз, когда, бывало, ни придет,
Речь о собаке заведет,
При ней самой ее как можно выхваляет,
А барину пенять начнет,
Что содержание ей у него худое:
«Нет, у меня житье ей было б не такое;
Иного я куска и сам бы есть не стал,
Да этой бы собаке дал,
Всегда бы спать с собою клал.
А у тебя она лишь кости подбирает
И как случится спит».

Всё, что сосед ни говорит,
Собака правдою считает
И думает: «Что? может быть, и впрям
Еще мне лучше будет там,
Хоть хорошо и здесь... отведать бы пуститься;
А худо — и назад ведь можно воротиться».
Подумала, да и с двора долой,
К соседу прямо прибежала.
Живет дней несколько, и месяц, и другой;
Не только что куска того не получала,
Которого, сосед сказал,
Не съел бы сам, а ей бы дал, —
И костью с нýждою случится
Собаке в праздник поживиться.
Спать — хуже прежнего спала;
А сверх того еще привязана была.
И поделом: зачем сбежала?
Вперед, собака, знай, когда еще не знала,
Что многие умеют мягко стлать,
Да жестко спать.
Собаки добрые с двора на двор не рыщут
И от добра добра не ищут.

ВЕЛИКАН И КАРЛИКИ

Купались карлики. К ним великан пришел,
Который тож хотел
Купаться.
Да видит, для него река
В том месте, где они купаются, мелка.
Их спрашивать и добиваться:
Не знают ли, где глубина?
«Поди туда, — ему сказали, —
Вот там она».
И место указали.
Однако же река
Для великана всё мелка,
Чтобы купаться.
Еще у них он добиваться.
«Ну, — говорят, — так там такая глубина,
Что не найдешь и дна!
Мы через это место плыли».
Но всё, где карлики и дна не находили,
Вброд переходит великан.

Иному и в делах лужайка — океан.

ВОЛЧЬЕ РАССУЖДЕНЬЕ

Увидя волк, что шерсть пастух с овец стрижет,
«Мне мудрено, — сказал, — и я не понимаю,
Зачем пастух совсем с них кожу не дерет?
Я, например, так я всю кожу с них сдираю,
И то ж в иных дворах господских примечаю, —
Зачем бы и ему не так же поступать?»

Слон, волчье слыша рассужденье,
«Я должен, — говорит, — тебе на то сказать:
Ты судишь так, как волк; а пастухово мненье —
Овец своих не убивать.
С тебя, да и с господ иных примеры брать —
Не будет наконец с кого и шерсть снимать».

ЖЕЛАНИЕ КАЩЕЯ

«Вот эту б тысячу мне только докопить,
А там уж стану я довольствуяся жить», —
Сказал кащей, давно уж тысячи имея.

Сбылось желание кащея,
Что тысячу он докопил;
Однако же кащей всё недоволен был.
«Нет, тысячу еще; а ту когда достану,
Я, право, более желать уже не стану».
Увидим. Тысячу и эту он достал,
Однако слова не сдержал
И тысячу еще желает;
Но уж последнюю, в том точно уверяет.

Теперь он правду говорил:
Сегодни тысячу и эту докопил,
А завтре умер он; и всё его именье
Досталося по нем другим на расточенье.

Когда б кащей иной,
Доход приумножая свой,
Еще сегодни догадался
И пользоваться им старался!

ПАУК И МУХИ

«Постой, — паук сказал, —
Я чаю, я нашел причину,
Зачем еще большой я мухи не поймал,
А попадается всё мелочь; дай раскину
Пошире паутину,
Авось-либо тогда поймаю и больших».
Раскинув, нажидает их;
Всё мелочь попадает:
Большая муха налетит —
Прорвется и сама, и паутину мчит.

А это и с людьми бывает,
Что маленьким, куда
Ни обернись, беда.

Вор, например, большой, хоть в краже попадется,
Выходит прав из-под суда,
А маленький наказан остается.

ЧЕРВИ

Прекрасным садом кто-то шел
И в нем гнездо червей нашел.
А черви гадина такая
В саду, как язва моровая;
Как недругов таких
Найти и не напасть на них?
Не вытерпишь никак, чтоб саду не вредили.
И тот, кто пó саду ходил,
Взяв палку, их гнездо разрыл.
Лишь только их разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Как будто бы войной против нее пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тем всё кучу разрывала.

Сатирой тронь дурных писцов —
Не оберешься бранных слов.

ПРИВЯЗАННАЯ СОБАКА

В неволе неутешно быть;
Как не стараться
Свободу получить?
Да надобно за всё подумав приниматься,
Чтобы беды большой от малой не нажить.

Собака привязи избавиться хотела
И привязь стала было рвать;
Не рвется привязь; грызть ее — и переела.
Но тою ж привязью опять,
Которой связанны концы короче стали,
Короче прежнего собаку привязали.

ХИТРЕЦ

Когда-то в Лондоне хитрец один сыскался,
Который публике в листочках обещался,
Что в узенький кувшин он весь, каков он есть,
С руками
И с ногами
В такой-то день намерен влезть.
При чем кувшину он рисунок прилагает,
Почтенных зрителей покорно приглашает
За вход по стольку-то платить;
Начало ровно в шесть часов имеет быть.

Пошли по городу листы. «Ба! что такое?
В кувшин залезть? Что он, с ума сошел? Пустое!
Где это слыхано? Да и дурак поймет,
Что способу тут нет,
Хоть как ни стал бы он ломаться.
Однако, чтобы посмеяться,
Пойдем и поглядим, что это за чудак».

Уж с черпью взапуски кареты поскакали;
И едучи купец с милордом доказали,
Что нет физической возможности никак
Ему в кувшине уместиться.
«Положим, — говорит
Купеческа жена, — что это он смудрит
И как-нибудь в кувшин втеснится;
Да вот что мудрено: как в шейку-то пролезть?
Однако же пора: уж бéз четверти шесть.
Эй, кучер, погоняй!» — Полгорода, собравшись,
Почти без памяти на тот кувшин глядит,
Который хитреца великого вместит.
«Что ж? скоро ли? — один другому говорит. —
Пора бы уж начать». Кто палкою стучит,
Кто топает ногой. Но, долго дожидавшись,
Узнали, что хитрец и с деньгами пропал.

Каких, подумаешь, обманов не бывает!
Тот тем, другой другим обманщик промышляет.
Вот я у нас такого знал,
Который о себе в народе насказал,

Что может видеться с духáми,
Всем их показывать и с ними говорить,
Болезни все лечить
Одними порошками.
И собирались тож к нему смотреть духов,
И порошки его в болезнях принимали;
Однако же духов, как слышно, не видали;
А от чудесных порошков
Скоряе, нежели от прочих, умирали.

СОЛОВЕЙ И ВОРОНЫ

Кто как ни говори, что будто нет страстей
В животных и других, какие меж людей,
А зависть в них бывает,
И, может быть, людской еще не уступает.

Свист соловья каков, известно без того,
Чтобы хвалить его.
Что ж? Вздумай на него воронья чернь озлиться
Из зависти, что он, когда бы петь ни стал,
Всех голосом своим прельщал.
«Нам должно, — говорят друг другу, — согласиться,
Чтоб соловью не дать уж больше отличиться,
Всем вместе с ним запеть, когда он петь начнет,
То голос весь его за нашим пропадет;
А если он и тут над нами верх возьмет,
Так будем сказывать, что дурно он поет,
Всем тем, которые ни стали б им прельщаться.
Что, долго ли ему и впрям торжествовать,
А нам с стыдом пред ним, воронам, оставаться?»
И только соловей свистать —
Воронье стадо ну кричать!
Но голос соловья не только не терялся, —
Приятнее еще по роще раздавался.
Другой бы голос, может быть...
Да голос соловья хотели заглушить!

Теперь хотел бы я спросить,
Кого с воронами поставить здесь в сравненье?
Мое бы мненье,

К ним сочинителей негодных применить,
Которые на стать воронью поступают,
Когда на авторов хороших нападают
И клеветой хотят их славу помрачить.

ОПЛОШАЛАЯ ЛИСИЦА

Лисица много нор с отнорками имеет,
И как о том один ученый разумеет,
Так это для того: когда пришла беда,
Что надобно бежать, так было бы куда.

Одна какая-то лисица оплошала,
Так что с отнорками норы не прокопала:
Казалось ей, норы довольно и глухой.
Я думаю, что лень была тому виной,
А лень частехонько бывает нам бедой.
Охотники в норе лисицу ту застали;
Куда? нет выходу! и в ней ее поймали.

Когда с лисицы вдруг о людях говорить,
        Как впрям того не похвалить,
Кто с осторожностью и в службе поступает,
Что наперед себя местами запасает?
Стал новый командир из места выживать, —
        Другое есть, куда пристать;
        Хоть, впрочем, иногда случится,
Где штатский чин сидел, военный очутится;
Да дело здесь о том: когда пришла беда,
Что надобно бежать, так было бы куда.

ПТИЧНИК И ПТИЧКА

        Все полководцы утверждают,
Что хитростью подчас и силу побеждают.
А это точно так. Пришедши птичник в лес,
Гнездо на дереве увидел и полез,

Чтоб вынуть молодых. Лишь только мать успела
Увидеть птичника, то, чтоб спасти детей,
Тотча́с долой с гнезда слетела
И притвориться так умела,
Как будто чуть жива; а птичник тут за ней,
Покинувши гнездо, гоняться,
С тем, что когда поймает мать,
Детей уж после доставать.

Лишь птичник станет приближаться,
Она вперед всё да вперед;
То кой-как пробежит немного, то вспорхнет.
Так птичника она манила всё, манила
И от гнезда его всё дале отводила,
Пока он от нее отстал;
А дерева с гнездом уж больше не сыскал.

ДОМОВОЙ

Пусть люди бы житья друг другу не давали,
Да уж и черти тож людей тревожить стали.

Хозяин, говорят, один какой-то был,
Которому от домового
Покою не было в том доме, где он жил:
Что ночь, то домовой пугать его ходил.

Хозяин, чтоб спастись несчастия такого,
Всё делал, что он мог: и ладаном курил,
Молитву от духо́в творил,
Себя и весь свой дом крестами оградил;
Ни двери, ни окна хозяин не оставил,
Чтоб мело́м крестика от черта не поставил;
Но ни молитвой, ни крестом
Он от нечистого не мог освободиться.

Случилось стихотворцу в дом
К хозяину переселиться.
Хозяин рад, что есть с кем скуку разделить;
И чтоб ему смеляе быть,

Когда нечистый появится,
Зовет его к себе с ним вечер проводить.
Потом просил его, чтоб сделать одолженье
Из собственных стихов прочесть бы сочиненье.
И стихотворец, в угожденье,
Одну из слезных драм хозяину читал
(Однако имя ей комедии давал),
Которою хотя хозяин не прельщался,
Да сочинитель сам, однако, восхищался.

Нечистый дух, как час настал,
Хозяину хоть показался,
Но и явления не выждав одного,
По коже подрало его
И стало не видать. Хозяин догадался,
Что домовой чего-то невзлюбил;
Другого вечера дождавшись, посылает,
Чтоб посидеть опять к нему писатель был,
Которого опять читать он заставляет;
И он читает.
Нечистый только лишь придет —
И тем же часом пропадет.

«Постой же, — рассуждал хозяин сам с собою, —
Теперь я слажу с сатаною,
Не станешь более ты в дом ко мне ходить».

На третью ночь один хозяин наш остался.
Как скоро полночь стало бить,
Нечистый тут. Но чуть лишь только показался,
«Эй, малый, поскоряй! — хозяин закричал. —
Чтоб стихотворец ту комедию прислал,
Которую он мне читал».
Услыша это, дух нечистый испугался,
Рукою замахал,
Чтобы слуга остался;
И, словом, домовой
Пропал, и в этот дом уж больше ни ногой.

Вот если бы стихов негодных не писали,
Которые мы так браним,

Каким бы способом другим
Чертей мы избавляться стали?
Теперь хоть тысячи бесо́в и домовых
К нам в домы станут появляться,
Есть чем от них
Обороняться.

СЛЕПЦЫ

Шло несколько слепцов, как все слепые ходят,
Когда их зрячие не водят:
Почти что шаг пройдут —
Споткнутся или упадут.

Прохожий, чтоб слепцам не столько спотыкаться,
Дает им палку опираться.
Взяв палку, передом один слепец пошел,
А за собой других повел.
Пошли, друг за́ друга держались,
И меньше прежнего при палке спотыкались.

Вдруг спор между слепцов зашел:
Вожатым каждый быть хотел;
И спор еще другой о палке затевают:
Какого дерева почесть ее — не знают.
Кто говорит,
Что палка та кленова;
Другой твердит:
Дубова.
И ощупью слепцы хотят о том судить,
Что́ должно зрячему глазами различить.
Слепцы не могут согласиться,
И всё сильняе спор о палке становится.
Из спора в спор слепцы, потом до бранных слов
Уже доходит меж слепцов,
А там и в драку меж собою,
И палкою друг друга тою,
Котора им дана была, чтоб их водить,
Немилосердо бить.
Но всё не думают друг другу уступить,

Хоть умереть, готовы драться,
А в споре не поддаться.
И до того не унялись,
Пока насмерть передрались.

Вот так слепцам во вред служило,
Что в пользу их дано им было.
А этаких слепцов,
От ересей и спорных слов,
Которые они рассеяли в законы,
На свете не одни погибли миллионы.

ДРУЗЬЯ

Давно я знал, и вновь опять я научился,
Чтоб другом никого, не испытав, не звать.

Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой! батюшки, тону! тону! ой! помогите!»
— «Робята, что же вы стоите?
Поможемте», — один другому говорил,
Кто вместе с мужиком в одном обозе был.
«Поможем», — каждый подтвердил.
Но к возу между тем никто не подходил.
А должно знать, что все одной деревни были,
Друзьями меж собою слыли,
Не раз за братское здоровье вместе пили;
А сверх того между собой,
Для утверждения их дружбы круговой,
Крестами даже поменялись.
Друг друга братом всяк зовет,
А братний воз ко дну идет.
По счастью мужика, сторонние сбежались
И вытащили воз на лед.

ЗАПАДНЯ И ПТИЧКА

Задумал птичник птиц ловить
И западню ловить их выставляет,
Поклав в нее всего довольно есть и пить.
А чтобы птиц еще верняе приманить,
Обман к обману прибавляет
И птичку в западню сажает,
Которую он изловил,
Когда тот самый он обман употребил,
Чтоб птичка, в клетке распевая,
Другим приманкою была
И, голосом своим прельщая,
Подруг своих в тюрьму, как на добро, звала.

Одна из птичек налетела
И к западне, на голос птички той,
Подсела.
Заглядывает к ней со стороны, с другой;
Но вдруг, подумавши с собой,
«Нет, — говорит, — хоть сколько ты
ни пой,
Сомнителен мне голос твой:
Неспроста здесь и ты, да и запас такой.
Я, правда, целый день не ела,
Однако в тесноту такую не пойду,
А в поле полечу: там корм сама найду,
Какой я и всегда, хоть с ну́ждою, имела.
А здесь готовое дают и есть и пить,
Да тесно жить».

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КОНЬ

Был конь у барина, каких бывает мало:
Не конь, а клад,
Как говорят.
Скупого барина такого не бывало,
И только одного коня он и держал,

Который в доме всю работу исправлял,
Какую бы и трем исправить впору было.

Конь сколько мог служил; но время наступило,
Что больше уж невмочь пришло ему служить.
И по-прямому б надлежало
Из благодарности коня по смерть кормить;
Но чувства в барине такого не бывало.
Конь в тягость стал ему; он шлет его продать.
Но дряхлого коня кто станет покупать?
Ведут его назад. «Ну, не хочу я боле, —
Хозяин, осердясь, стал людям говорить, —
Беспрокого коня кормить.
Сгоните в поле;
Пускай за службу сам он кормится на воле».
И бедного коня велел с двора согнать.
Такое ли коню за службу воздаянье
Возможно было ожидать!
В наш век хозяин пропитанье
Стыдился бы коню не дать.

ЗЕЛЕНЫЙ ОСЕЛ

Какой-то с умысла дурак,
Взяв одного осла, его раскрасил так,
Что стан зеленый дал, а ноги голубые.
Повел осла казать по улицам дурак;
И старики, и молодые,
И малый, и большой,
Где ни взялись, кричат: «Ахти! осел какой!
Сам зелен весь, как чиж, а ноги голубые!
О чем слыхо́м доселе не слыхать!
Нет, — город весь кричит, — нет, чудеса такие
Достойно вечности предать,
Чтоб даже внуки наши знали,
Какие редкости в наш славный век бывали».
По улицам смотреть зеленого осла
Кипит народу без числа;
А по домам окошки откупают,
На кровли вылезают,

Леса, подмостки подставляют:
Всем видеть хочется осла, когда пойдет,
А всем идти с ослом дороги столько нет;
И давка круг осла сказать нельзя какая:
Друг друга всяк толкает, жмет,
С боков, и спереди, и сзади забегая.

Что ж? Два дни первые гонялся за ослом
Без памяти народ в каретах и пешком.
Больные про болезнь свою позабывали,
Когда зеленого осла им вспоминали;
И няньки с мамками, робят чтоб укачать,
Кота уж полно припевать, —
Осла зеленого робятам припевали.

На третий день осла по улицам ведут;
Смотреть осла уже и с места не встают,
И сколько все об нем сперва ни говорили,
Теперь совсем об нем забыли.

Какую глупость ни затей,
Как скоро лишь нова, чернь без ума от ней.
Напрасно стал бы кто стараться
Глупцов на разум наводить, —
Ему же будут насмехаться.
А лучше времени глупцов препоручить,
Чтобы на путь прямой попали;
Хоть сколько бы они противиться ни стали,
Оно умеет их учить.

СОЛОВЕЙ И ЧИЖ

Был дом,
Где под окном
И чиж и соловей висели
И пели.

Лишь только соловей, бывало, запоет,
Сын маленький отцу проходу не дает,

Всё птичку показать к нему он приступает,
    Которая так хорошо поет.

Отец, обеих сняв, мальчишке подает.
        «Ну, — говорит, — узнай, мой свет,
Которая тебя так много забавляет?»
Тотчас на чижика мальчишка указал:
        «Вот, батюшка, она», — сказал,
И всячески чижа мальчишка выхваляет:
«Какие перушки! Куды как он пригож!
Затем ведь у него и голос так хорош!»

        Вот как мальчишка рассуждает.
        Да полно, и в житействе тож
О людях многие по виду заключают:
    Кто наряжен богато и пригож,
        Того и умным почитают.

ЛОШАДЬ С ВОЗОМ

Когда б приманчивость людьми не управляла,
        К чему б тогда годился свет?
Куда б и не идти, теперь иной идет:
            Приманчивость ведет.
    А эта мысль мне вот с чего припала:
Я видел, лошадь воз с каменьями везет,
        И очень лошадь уж пристала.
        Воз сена впереди идет;
        То, чтоб до сена ей добраться,
Она, хоть через мочь, везти и надседаться,
        И так вперед всё шла да шла,
Пока воз с камнями до места довезла.

ПОПУГАЙ

        У барина был попугай,
        Который как-то внезначай
            От барина из дому
            В окошко залетел
            К крестьянину простому;

И только прилететь успел,
Заговорил, что разумел.

Нередко чернь, когда чего не понимает,
За дьявольщину почитает.
Мужик словесных птиц не видывал таких
И слышать не слыхал об них,
Счел, что влетела в дом духо́в нечистых сила.
Жена его тотча́с молитву сотворила,
И как на выдумки хитряй его была
(Так как и вообще считают,
Что будто жены все хитряй мужей бывают),
Скоряй горшок где ни взяла
И попугая им накрыла;
А сверх того
Крестом его,
Чтоб крепче он сидел, накрывши, заградила.
«Сиди же», — говорит.
И попугай мой под горшком сидит.

Меж тем взыскались попугая.
Людей везде, куда лишь можно, рассылая,
Сыскали как-то след. Пришли и под горшком
Нашли его чуть-чуть живого.

На это что сказать иного?
Беда попасть с умом
К невежде в дом.

ЛОШАДЬ И ОСЕЛ

Добро, которое мы делаем другим,
Добром же служит нам самим,
И в ну́жде надобно друг другу
Всегда оказывать услугу.

Случилось лошади в дороге быть с ослом;
И лошадь шла порожняком,
А на осле поклажи столько было,
Что бедного совсем под нею задавило.

«Нет мочи, — говорит, — я, право, упаду,
До места не дойду».
И просит лошадь он, чтоб сделать одолженье
Хоть часть поклажи снять с него.
«Тебе не стоит ничего,
А мне б ты сделала большое облегченье», —
Он лошади сказал.
«Вот, чтоб я с ношею ослиною таскалась!» —
Сказавши лошадь, отказалась.

Осел потуда шел, пока под ношей пал.
И лошадь тут узнала,
Что ношу разделить напрасно отказала,
Когда ее одна
С ослиной кожей несть была принуждена.

ДВА КУПЦА

Кащей, ты дурно поступаешь,
Когда лишь в то живешь, что деньги собираешь
И первым их своим блаженством почитаешь.
Ну, если час такой найдет,
Что деньги есть, да хлеба нет?
Вот ты мне смехом отвечаешь,
Да смех твой, может быть, пройдет,
Дай только рассказать мне нечто наперед.

В каком-то городе два человека жили,
Которы промыслом купцами оба были.
Один из них в то только жил,
Что деньги из всего копил;
Другой доход свой в хлеб оборотить старался.
Богатый деньгами товарищу смеялся,
Что он всё хлебом запасался.
Товарищ смех его спокойно принимал
И хлебный свой запас всё больше умножал.

Вдруг войско к городу с осадой подступило,
С осадой наконец и голод наступил.

Теперь, что у кого запасу, к счастью, было,
Тот тем в сей крайности и жил.
Богатый деньгами кащей без хлеба был,
Купить его ко всем по городу метался,
За хлеб один кащей все деньги отдает,
Однако же никто и денег не берет:
Что в деньгах, если хлеба нет!

Товарищ лишь один прибежищем остался.
Кащей в числе других несчастных первый был,
Который хлеба попросил
У самого того, кому он насмехался,
Что тот всё хлебом запасался.
Товарищ и его питал,
И прочих жителей от голода спасал.

Как город взяли,
Всех жителей живых застали,
А у кащея всё богатство обобрали.
«Ну, что? — ему тогда товарищ говорил. —
Где золото твое, и где бы сам ты был,
Когда б я хлеба не копил?»

СЧАСТЛИВОЕ СУПРУЖЕСТВО

Вот говорят, примеров нет,
Чтоб муж в ладу с женою жили
И даже и по смерть друг друга бы любили.
Ой! здешний свет!
Привыкнув клеветать, чего уж не взнесет!
Не стыдно ли всклепать напраслину такую?
Впредь не поверю в том я больше никому
И слух такой сочту лишь за молву пустую.
Я сам свидетелем тому,
Что и согласие в супружествах бывает,
И тот, кто этому не верит, согрешает.
А вас, клеветников, чтоб нáвек устыдить,
Я буду вам пример живой здесь говорить.

Послушайте. Чего б жена ни пожелала,
Муж исполнять всё то за свято почитал;

А и жена, чего б и муж ни пожелал,
Равно без женского упрямства исполняла.
Одною ласкою и просьбою одной,
Как с стороны, так и с другой,
Взаимной воле угождали
И ссоры никогда между собой не знали.
Что нравилося ей, то нравилось ему;
Когда ж бывало что противно одному,
Противно было то равно и для другого,
И я не видывал согласия такого,
Какое было между их.

Как до венца еще невеста и жених
Стараются, чтоб их пороки скрыты были,
Так точно и они всегда,
Став мужем и женой, взаимно их таили,
Чтоб в доме не было досады никогда.

Последний поцелуй, когда уж умирали,
Так страстен был, как тот, когда их обвенчали;
И, словом, жили до конца,
Как в первый день живут, пришедши от венца.

«А сколько лет их веку было?»
Да сколько лет? С неделю и всего;
А без того
На сказку б походило.

СТРЯПЧИЙ И ВОРЫ

Какой-то стряпчий был всем стряпчим образец,
Такой делец,
Что стряпческими он ухватками своими
Пред всеми стряпчими другими
Взяв первенство, к себе всех йстцев приманил;
И, словом, так проворен был,
Что часто им и тот оправдан оставался,

Который сам суду в вине своей признался
И суд которого на казнь уж осудил.

В покраже двух воров поймали,
И должно по суду воров за то казнить;
А это воры знали.
Однако как они о стряпчем тож слыхали,
Что, если за кого возьмется он ходить,
Бояться нечего, то стряпчего сыскали,
Сулят ему, что за душей,
Из краденых и денег и вещей,
Лишь только б их оправить,
А пуще бы всего от смерти их избавить.
Ведь тяжко умирать, как есть кому чем жить!

Надеясь от воров подарки получить,
Стал стряпчий за воров ходить,
И выходил, что их на волю отпустили,
Всех вообще судей заставя разуметь,
Что их напрасно обвинили:
Вот каково старателя иметь!

Как скоро их освободили,
В дом стряпчего снесли они, что посулили,
Благодарят
И впредь дарить его сулят.

Как это всё происходило,
Что стряпчий от воров подарки принимал
И с ними в радости на счет их пировал,
Уж на дворе не рано было;
И стал гостей он унимать
Остаться переночевать;
А гости будто бы сперва не соглашались,
Однако ночевать остались.

Лишь только в доме улеглись,
За промысл гости принялись:
Не только что свои подарки воротили,
Еще и стряпчего пожитки расщечили,

Потом до сонного дошли и самого
И в барышах ему бока отколотили,
Оставя чуть живым его.

Кто плутнями живет и плутням потакает,
От них и погибает.

ДВА БОГАЧА

Два были богача, и оба в тяжбе были;
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто может всё подробно знать?
К тому же толк иным делам приказным дать
Не так-то чтоб легко. Иные говорили,
Что спор их из куска земли;
Другие,
Что будто бы долги какие
Прапрадедов своих друг на́ друга начли.

Таким-то и тягаться,
Которым кошелек поможет оправдаться
И у судей закон и совесть откупить;
А недостаточные знают:
Без денег, как на торг, в суд незачем ходить.
Приказной формою дела их в суд вступают,
И каждой стороне их стряпчие ласкают,
Что в пользу дело окончают.
Проходит год, другой, и близь десятка лет,
Конца, однако, делу нет.
Ужли судьи их сговорились
Так долго дело не решить?
Вот то́тчас клеветать и на суде́й взносить,
И думать, что они из взятков согласились...
Как будто бы нельзя другим причинам быть,
Что дело тихо шло. Ну, как тут поспешить?
С год, говорят, по нем в одних архивах рылись.

В том самом городе, где спор происходил,
Какой-то живописец был,
Который написал на богачей картину
Так, что нагими их он в ней изобразил

И выставил в народ. Все спрашивать причину,
Весь город толковать и говорить об них,
И только что речей о богачах нагих.
Дошло о том до богачей самих.
Пошли смотреть картину
И видят: дело так. Тронуло это их:
Неудивительно. Готовы уж прошенье
На живописца подавать,
Чтобы бесчестие взыскать,
И, в тяжбе будучи, другую начинать.
«Как, — говорят, — снести такое поношенье!»
Пошли его спросить, однако, наперед.
«Пожалуй, — говорят, — скажи, что за причина,
Что в поруганье нам написана картина
И выставлена в свет?
Что, разве ты, мой друг, сочел нас дураками,
Чтоб насмехаться так над нами?»
«Нет, — живописец им сказал, —
Не с тем картину я писал,
Чтоб мне над вами насмехаться;
А только вам хотел картиною сказать,
Чего вам должно ожидать,
Когда еще вы станете тягаться».

СТРЕКОЗА

Всё лето стрекоза в то только и жила,
Что пела;
А как зима пришла,
Так хлеба ничего в запасе не имела.
И просит муравья: «Помилуй, муравей,
Не дай пропасть мне в крайности моей:
Нет хлеба ни зерна, и как мне быть, не знаю.
Не можешь ли меня хоть чем-нибудь ссудить,
Чтоб уж хоть кое-как до лета мне дожить?
А лето как придет, я, право, обещаю
Тебе всё вдвое заплатить».

— «Да как же целое ты лето
Ничем не запаслась?» — ей муравей на это.
— «Так, виновата в том; да что уж, не взыщи·

Я запастися всё хотела,
Да лето целое пропела».
— «Пропела? Хорошо! поди ж теперь свищи».
Но это только в поученье
Ей муравей сказал,
А сам на прокормленье
Из жалости ей хлеба дал.

ДИОНИСИЙ И МИНИСТР ЕГО

Изволь, пожалуй, отвечать
Так, чтоб и не солгать,
И правду не сказать.

О Дионисии, я чаю, всякий знает,
Известно всем, каков он был.
Слух о делах его и ныне ужасает;
А каково ж тому, кто при тиране жил?
И я не рад, что я об нем заговорил.
Не знаю, как бы поскоряе,
Сказав об нем, что понужняе,
Оставить мне его.

Раз у министра своего
Потребовал он мненье,
Когда какое-то, не помню, сочиненье
В стихах дурных он написал,
Да с тем, чтоб он ему всю истину сказал.
Министр привык всегда без лести изъясняться,
И сам тиран его за правду почитал
И часто за нее прощал.
«Стихи, — он отвечал тирану, — не годятся».
Но тут не мог тиран от злости удержаться:
Под караул отдать министра приказал;
Сам переделал сочиненье.

Спустя дней несколько министра он призвал,
Чтоб вновь его услышать мненье.
Министр ему теперь никак не отвечал,

А к караульному, который тут случился,
Оборотился
И говорит ему: «Я должен отвечать,
Так поведи меня под караул опять».

ЛЕСТНИЦА

Всё надобно стараться
С потребной стороны за дело приниматься;
А если иначе, всё будет без пути.

Хозяин некакий стал лестницу мести;
Да начал, не умея взяться,
С ступеней нижних месть. Хоть с нижней сор сметет,
А с верхней сор опять на нижнюю спадет.
«Не бестолков ли ты? — ему тут говорили,
Которые при этом были. —
Кто снизу лестницу метет?»

На что бы походило,
Когда б в правлении, в каком бы то ни было,
Не с вышних степеней, а с нижних начинать
Порядок наблюдать?

БЛАГОДЕЯНИЕ

Весьма похвально поступает,
Кто бедным помогает;
И лучше самому хоть с ну́ждою прожить,
Чтоб бедным уделить.

Смирена так разбогатела,
Что чистым золотом вдруг миллион имела.
Достаток сей
Достался по духовной ей.
«Ну, — говорит, — теперь ничто не помешает
Мне в ну́жде бедным помогать.

Есть чем, хвала творцу за благодать!
Пускай лишь только пожелает
Кто помощи моей».

Лишь только молвила — и нищий у дверей.
«Подайте милостину!» — просит,
И просьбу с жалостью такою произносит,
Что всяк бы тронут был. Смирена, меры нет,
Что чувствует и как за нищего страдает.
«Суди бог, — говорит, — кто бедных покидает!»
И нищему большой гнилой сухарь несет.

ДЕЛЕЖ ЛЬВИНЫЙ

Осел с овцой, с коровой и с козой
Когда-то в пайщики вступили
И льва с собою пригласили
На договор такой,
Что если зверь какой
На чьей-нибудь земле, случится, попадется
И зверя этого удастся изловить,
То б в случае таком добычу разделить
По равной части всем, кому что доведется.
Случись,
Олень к козе в тенета попадись.
Тотча́с друг другу повестили,
И вместе все оленя задушили.

Дошло до дележа. Лев то́тчас говорит:
«Одна тут часть моя и мне принадлежит
Затем, что договор такой мы положили».
— «Об этом слова нет!» — «Другая часть моя,
Затем что я
Львом называюсь
И первым между вас считаюсь».
— «Пускай и то!» — «И третья часть моя
По праву кто кого храбряе.
Еще четверту часть беру себе же я
По праву кто кого сильняе.
А за последнюю лишь только кто примись,
То тут же и простись».

ВОЛЯ И НЕВОЛЯ

Волк, долго не имев поживы никакой,
Был тощ, худой
Такой,
Что кости лишь одни да кожа.
И волку этому случись
С собакою сойтись,
Которая была собой росла, пригожа,
Жирна,
Дородна и сильна.
Волк рад бы всей душой с собакою схватиться
И ею поживиться,
Да полно, для того не смел,
Что не по нем была собака
И не по нем была бы драка.
И так со стороны учтивой подошел,
Лисой к ней начал подбиваться,
Ее дородству удивляться
И всячески ее хвалить.

«Не стоит ничего тебе таким же быть, —
Собака говорит, — как скоро согласишься
Идти со мною в город жить.
Ты будешь весь иной и так переродишься,
Что сам себе не надивишься.
Что ваша жизнь и впрям? Скитайся всё, рыщи
И с горем пополам поесть чего ищи;
А даром и куском не думай поживиться:
Всё с бою должно взять;
А это на какую стать!
Куды такая жизнь годится?
Ведь посмотреть, так в чем душа-та, право, в вас?
Не евши целы дни, вы все как испитые,
Поджарые, худые.
Нет, то-то жизнь-та как у нас!
Ешь не хочу всего, чего душа желает:
После гостей
Костей, костей,

Остатков от стола, так столько их бывает,
Что некуды девать!
А ласки от господ — уж подлинно сказать!»

Растаял волк, услыша весть такую,
И даже слезы на глазах
От размышления о будущих пирах.
«А должность отправлять за это мне какую?» —
Спросил собаку волк. — «Что? должность? ничего! —
Вот только лишь всего,
Чтоб не пускать на двор чужого никого,
К хозяину ласкаться
И около людей домашних увиваться».

Волк, слыша это всё, не шел бы, а летел;
И лес ему так омерзел,
Что про него уж он и думать не хотел,
И всех волков себя счастливее считает.

Вдруг на собаке он дорогой примечает,
Что с шеи шерсть у ней сошла.
«А это что такое,
Что шея у тебя гола?»
— «Так, это ничего, пустое».
— «Однако нет, скажи». — «Так, право ничего.
Я чаю,
Это оттого,
Когда я иногда на привязи бываю».
— «На привязи? — тут волк вскричал. —
Так ты не всё живешь на воле?»
— «Не всё; да полно, что в том ну́жды?» — пес сказал.
— «А ну́жды столько в том, что не хочу я боле
Ни за́ что всех пиров твоих;
Нет, воля мне дороже их,
А к ней на привязи, я знаю, нет дороги!» —
Сказал, и к лесу дай бог ноги.

ОСЕЛ, ПРИГЛАШЕННЫЙ НА ОХОТУ

Собравшись лев зверей ловить,
Осла в числе своих придворных приглашает,
Чтоб на охоту с ним сходить.
Осел дивится и не знает,
Как милость эту рассудить,
Затем что этого родясь с ним не случалось.
И сглупа показалось
Ему,
Что милость льва к нему
Такая
Его особу уважая.
«Вот, — говорит, —
Вся мелочь при дворе меня пренебрегает,
Бранит
И обижает;
А сам и царь,
Мой государь,
Сподобил милости, не погнушавшись мною;
Так, знать, чего-нибудь я стою.
И не дурак ли я, что всё я уступал?
Нет, полно уступать!» — сказал.

Как член суда иной, что в члены он попал,
Судейскую осанку принимает,
Возносится и всех ни за́ что почитает,
И что ни делает, и что ни говорит,
Всегда и всякому, что член он, подтвердит;
И ежели кого другого не поймает,
Хотя на улице к робятам рад пристать
И им, что членом он, сказать.
В письме к родным своим не может удержаться,
Чтоб членом каждый раз ему не подписаться;
И, словом, весь он член, и в доме от людей
Все член по нем до лошадей.

Так точно и осел мой начал возноситься,
Не знает, как ему ступить;
Сам бодрости своей не рад. Чему-то быть!
Не всякому ослу случится
Льва на охоту проводить.

Да чем-то это всё решится?
Осла лев на охоту брать...
Чтоб с царской милостью ослу не горевать.

Зверей, которых затравили,
Всех на осла взвалили,
И с головы до ног всего
Обвесили его.

Тогда осел узнал, что взят он на охоту
Не в уважение к нему, а на работу.

ПРАЗДНИК ДЕРЕВЕНСКИЙ

Мы в прихотях своих того не разбираем,
Во вред ли, в пользу ли нам то, чего желаем.

Стал праздник годовой в деревне наступать;
Кто празднику не рад? Крестьяне дожидаться,
Всем тем, что надобно на праздник, запасаться
И с радости вперед уже располагать,
Как погулять,
Попировать,
Самим как в гости побывать
И как гостей к себе созвать.

Настал их праздник, и настало
Ненастье с праздником, какого не бывало,
Так что ни вон из изб. А правду всю сказать,
Так для народа
Тогда и погулять,
Как хороша погода.
А тут и дождь, и снег, и град,
Грязь по колени.
Крестьяне в жалобу и в пени;
Никто и празднику не рад,
И к богу вёдра приступили
(Язычники крестьяне были):
«Помилуй, — говорят, — во весь мы круглый год
Покою часу не имеем:

То пашем мы, то жнем, то сеем,
Когда не на себя, так на своих господ.
Неделя нам в году, чтобы повеселиться,
И та вот прахом вся пошла.
Погода до того всё хороша была;
Теперь на улицу не можно появиться».

— «Неблагодарные! — бог вёдра им сказал. —
Не знаете, чего хотите.
Вперед судьбу вы не гневите.
К спасенью вашему я вам ненастье дал;
Хлеб на полях у вас совсем уж пропадал;
Зной выжигал его, а червь его съедал».

СТАДНИК

Какой-то стадник шел
И стадо при себе коней с ослами вел.
Кони́ как должно выступают;
Ослы шагают не шагают;
Всё понуканья ждут.
Однако же и тут
Не много стадник успевает:
Осел ленивый скот, об этом всякий знает,
Так понукать его не много помогает.
И стадник погонял ослов сперва пешком,
Но наконец, устав, сел погонять верхом:
То пустится за тем, то за другим ослом;
Того, другого понукает;
Но столько же верхом, как пешим, успевает;
И выбился и сам из сил,
И лошадей пристановил.

Так часто господин с дурным слугою бьется,
А за негодного и добрым достается.

ВОИН

Во Франции, никак, я, право, позабыл,
Из воинов один, который заслужил,
Чтоб он пожалован крестом воинским был,
Не получил сего, однако, награжденья,
Хоть часто кавалером стал
Кто от сраженья
Не раз бежал;
Да чрез друзей чего иной не получал?
Прямая иногда заслуга не заслуга,
Когда предстателем кто не имеет друга.

Достойный воин сей свою обиду сносит
И награждения приличного не просит.
Увидев воина, герой
Другой,
Который, с ним служа, не раз при том случался,
Как с неприятелем, бывало, тот сражался
И побеждал его: «Возможно ль, — говорил, —
Что ты еще креста не получил,
Когда уж двадцать раз его ты заслужил?
Я, право, в просьбу бы вступил:
Авось-либо тебе его и дать прикажут».
— «Нет, — отвечал другой, — пускай мне лучше скажут,
За что креста я не прошу,
А нежели за что я крест ношу».

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

МУРАВЕЙ И ЗЕРНО

Готовя муравей запас, нашел зерно
Промежду мелкими одно,
Зерно весьма, весьма большое.
Не муравью бы с ним, казалось, совладать,
Да нет, дай муравью зерно большое взять.
«Зерно, — он думает, — такое
Одно на целую мне зиму может стать»,
И потащил зерно большое.
Дорога вверх стены с запасом этим шла:
Ну муравей тащить, трудиться
И вдоль стены с зерном лепиться;
Вдруг тягость всё перемогла
И муравья с стены и с грузом сорвала,
И в сторону зерно, а муравей — в другую.

Не трогая струну людскую,
Мне только муравью хотелось бы сказать,
Чтоб свыше сил не подымать.

ЛЕНИВЫЕ И РЕТИВЫЕ КОНИ

В одних повозках шли ретивые кони́,
В других — ленивые. Пришед к горе они,
Ленивые ни с места! стали.
А ведь в дороге не стоять,
Так должно что-нибудь начать.

Побившись, способа другого не сыскали,
Чтоб помощь этому подать,
Как лошадей ленивых
Вон выпрячь из возов и впрячь коней ретивых.
Повозку только лишь взвезут,
Другую их взвезти опять перепрягут.
Да что ж? Когда кормить обоз остановили,
Всех на одну траву на тот же луг пустили.

Я сам в себе, случившись тут,
Подумал: вот житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тот же корм, какой ленивому дают.

КУРЫ И ГАЛКА

Хозяин курам корму дать
Стал крохи хлеба им кидать.
Крох этих поклевать
И галка захотела,
Да той отваги не имела,
Чтоб подойти к крохáм. Когда ж и подойдет, —
Кидая их, рукой хозяин лишь взмахнет,
Всё галка прочь да прочь, и крох как нет,
как нет;
А куры между тем, как робости не знали,
Клевали крохи да клевали.

Во многих случаях на свете так идет,
Что счастие иной отвагой получает,
И смелый там найдет,
Где робкий потеряет.

РЕДАКЦИЯ КАПНИСТА

КУРЫ И ГОЛУБКА

Какой-то мальчик птиц любил,
Дворовых, всяких без разбору,
И крошками кормил.

Басни и Сказки,
часть III   X

Куры и галка 1

Хозяин курам корму дать
Стал крохи хлеба им кидать
Крохи эти подклевать
И галка ~~подлетела~~ захотела,
Да ~~боится~~ той не отваги
чтоб ~~к~~ подойти к крохам. Когда ж
и подойдет
Кидая их ~~рукой~~ хозяин лишь взмахнет
Все галка прочь да прочь, ~~и ...~~ и крохи не ...;
А Куры между тем, как робости не знали,
Клевали крохи да клевали.

Во многих случаях на свете так идет
что щастие иной отвагой получает
и смелой ~~...~~ там найдет где робкой потеряет.

~~начать так надо~~
учася галка быть
чужим добротам ~~...~~ надо
~~...~~ бесств[...] ... надобно ...
и ... ... быть

Лишь голос даст ко сбору,
То куры тут как тут,
Отвсюду набегут.
Голубка тоже прилетела
И крошек поклевать хотела,
Да той отваги не имела,
Чтоб подойтить к крохáм. Хоть к ним и подойдет, —
Бросая мальчик корм, рукою лишь взмахнет,
Голубка прочь да прочь, и крох как нет, как нет;
А куры между тем с отвагой наступали,
Клевали крохи да клевали.

На свете часто так идет,
Что счастия иной отвагой доступает;
И смелый там найдет,
Где робкий потеряет.

НЕВЕЖЕСТВО И СКУПОСТЬ

От зла и одного чего не отродится!
Что ж, если вместе их и более случится?

Невежда, и притом скупой,
По милости судьбы слепой,
Нашел в земле одну старинную стату́ю,
Такую,
Что, говорят, теперь не сделают такой
Работы мастерской.
Тотчас невежество и скупость вобразили
В стату́е этой вещь, в которой деньги скрыли,
И, чтобы вынуть их, такую вещь разбил,
Которой, может быть, цены не находили
Тогда, когда ее художник сотворил.

ИМЕНИЕ И ССОРА

Невесть разбойники, невесть князьки какие,
Да только люди не простые,
И счетом двое их всего
(То есть, вот этих только двое,

А их число совсем другое),
С своими войсками соседа своего
Сложились выгнать вон из кровного владенья
И разделить потом промеж собой его.
Ну как отступишься бессорно от именья,
Да от имения родного своего?
Где между частных спор случится о именьи,
Там можно способы через судей найти
Коё-как ссору развести;
Но в этом ссорном положеньи,
Где всяк считался сам большой,
Чем тут решить, как не войной?
Пошла война; людей без счету побивали,
Так что со стороны смотреть и те устали,
Которые войной и грабежом живут.
А должно знать, что тут
Нимало не на стать поэм происходило,
Где войски за себя богов пускают в бой,
Как скоро только лишь сраженье наступило;
Здесь каждый сам дрался, без помощи чужой,
И вот зачем людей так много побивали.
И для того иной желал,
Чтоб уж хоть правый проиграл,
Лишь только б драться перестали.
«Да что? — тут некто рассуждал. —
Хоть ссориться втроем уймутся, —
Став двое, из того ж именья подерутся».

РЕДАКЦИЯ КАПНИСТА

ИМЕНИЕ И ССОРА

Невесть разбойники, невесть мурзы какие,
Да только люди не простые,
И двое их всего
(То есть вот этих только двое,
А их число совсем другое),
Сложились с шайкой их соседа своего
Вон выгнать из владенья
И разделить между собой его.

Где между частных спор случится о разделе,
Там можно способы через людей найти
Кое-как ссору развести;
А в этом спорном деле,
Где всяк считался сам большой,
Чем спор решить, как не войной?
Пошла война: дрались; без счету побивали.
Но как лишь бьющихся число,
Не спорящихся, уменьшали,
То что войну пресечь могло?
Иные уж желали,
Что хоть бы правый проиграл,
Лишь только б драться перестали.
«Да что? — тут некто рассуждал. —
Хоть двое третьего теперь и одолеют,
За то ж имение вдвоем войну затеют».

ДОБРЫЙ ЦАРЬ

Какой-то царь, приняв правленье,
С ним принял также попеченье
Счастливым сделать свой народ;
И первый шаг его был тот,
Что издал новое законам учрежденье
Законам старым в поправленье;
А чтоб исправнее закон исполнен был,
То старых и судей он новыми сменил.
Законы новые даны народу были
И новые судьи́, чтоб лучше их хранили.
Во всем и вся была отмена хороша,
Когда б не старая в судья́х иных душа.
А тотчас это зло поправить
Царь способов не находил,
Но должен это был
И воспитанию и времени оставить.

ДОМ

Был дом, хотя и не большой,
Однако же такой,
Что выгод не недоставало:
Жить можно было в нем.
Да кто когда доволен чем?
Любимое людское слово: «мало»,
То есть, когда не дать,
Но взять.
А слова этого хозяин тож держался:
Всё тесен дом ему казался,
Каких пристроек он к нему ни прибавлял.
Дом наконец не дом, а целый город стал.
Чем дом обширнее, тем более смотренья,
Чтоб не дошел до разоренья.
Сперва таки его хозяин содержал,
Но после собственных ни глаз, ни иждивенья,
Чтоб дом исправно содержать,
Не стало боле доставать;
Ведь самому не разделиться,
Чтоб всё успеть обнять собой,
А на присмотр чужой нет хуже положиться:
Чужой не видит глаз того, что видит свой.
Дом всё ветшае становится:
В том месте починят, в другом,
А в десяти местах валится.

Пусть это дом, —
А сколько государств, которые упали,
Когда безмерное пространство получали?
И я бы на совет такой
Весьма охотно согласился:
Что лучше дом иметь исправный небольшой,
А нежели дворец, который развалился.

ЛИСИЦА И СОРОКА

«Давно уже тебя мне хочется спросить:
Что таки ты весь день изволишь говорить? —
С сорокой свидевшись, лисица ей сказала. —

Я чаю, что тебя послушать рассуждать —
Есть подлинно что перенять».
— «Всё, что я говорю, — сорока отвечала, —
Относится к тому, чтоб, истину вещей
Открыв, других наставить в ней;
И я большим моим стараньем в том успела,
Что я, кого бы ни взяла,
Пред всеми прочими найти ее умела,
С летучей мыши до орла».

— «Большое б, — говорит лисица, — одолженье
Твое услышать наставленье,
Когда бы ты не в труд сочла».

Как на кафедре врач глубокоизученный,
И знаньем, и своей особой зараженный,
Когда готовится преподавать урок,
Сперва вперед и взад кафедры пошагает,
С осанкой в носовой свой шелковый платок
Утрется и потом уж слово начинает, —
Так точно, на суку сорока находясь
И поучение давать расположась,
Сперва вперед и взад с осанкой выступала
И справа нос об сук и слева подчищала.
Потом, приняв лица ученейшего вид, —
«Я рада всем служить, что знаю, — говорит. —
Я не люблю своим таиться дарованьем:
Пусть пользуются все открытым мне познаньем.
Не так ли? Ты ведь у себя
Четыре всё ноги считала?
Но не четыре их! Хоть странно для тебя,
Однако должно знать: чего б я ни сказала,
Без доказательства еще не оставляла.
Послушай, и сама признаешься тогда.
Приметила ли ты когда:
Как скоро ступишь ты, нога твоя в движеньи?
Когда же ты стоишь в покойном положеньи,
То и нога твоя покоится тогда?
Да полно, этим я не всё еще сказала,
А слушай, что теперь я стану говорить,
Чего большим трудом недавно я узнала:

Всегда, когда тебе случается ходить,
То ты не и́наче как по земле ступаешь.
Приметь же ты свой хвост, и ты тогда
узнаешь,
Что всякий раз, когда нога твоя шагнет,
За нею тож и хвост подастся твой вперед;
И как нога твоя то тут, то там бывает,
Точнехонько и хвост твой так же выступает,
Когда на ловлю кур изволишь ты ходить.
Из этого теперь выходит заключенье,
Что хвост твой пятою ногою должен быть.
И вот, сударыня, на ваше предложенье
Вам с доказательством решенье».

Как, право, веселит, что даже меж скотов
Способности больших умов,
Дающих всем вещам и толк и объясненье!
Мне это важное сороки рассужденье
Лисица рассказав заподлинно сама,
Примолвила при том от хитрости ума:
«Чем меньше сведущи скоты и чем глупяе,
Тем в доказательствах сильняе».

УСЛУГА

Во всяком случае незнание — беда.
Считаешь иногда:
На что мне этому учиться?
Когда-то до меня о том еще дойдет? —
Дойдет ли, или нет, —
Всё то, что знаешь, пригодится.
А ежели чего случится и не знать,
Так лучше уж не приниматься,
Чем после со стыдом остаться.

Как некто, думая услугу показать,
В саду взялся́ траву пустую вырывать;
Однако, в травах толк не зная,
Противную совсем услугу показал:
Негодную траву за годную считая,
Ту оставлял в саду, а эту вырывал,

ПЕРЕПЕЛКА С ДЕТЬМИ И КРЕСТЬЯНИН

Прилежность и труды в делах употребя,
Надежда лучшая к успеху на себя.

Все знают,
Что перепелки гнезды вьют,
Когда хлеба еще далёко не цветут,
А не тогда, когда почти уж поспевают;
То есть порой
Такой,
Когда весна лишь наступает
И вдвое всё, что есть, любиться заставляет
Да думать, как дружка найти,
Чтоб род и племя вновь с дружком произвести.
Одна, не знаю как, однако опоздала,
Так что гнезда себе порою не свила,
А стала вить, когда пора почти прошла
И в поле рожь уж поспевала.
Однако молодых
Кое-как вывела своих;
Да только что летать не сможат.
И детям говорит:
«Ох, дети! эта рожь нам не добром грозит:
Того и жди, что нас отсюда потревожат;
Однако слушайте: я стану отлетать
Вам корму промышлять,
А вы смотрите:
Хозяин этой ржи как станет приходить,
Так, что ни будет говорить,
Всё до последнего мне слова расскажите».
Пришедши днем одним хозяин между тем,
Как перепелка отлетела,
«А! рожь-та, — говорит, — совсем,
Как вижу я, уже поспела.
Пойти было друзьям, приятелям сказать,
Чтоб с светом помогли мне эту рожь пожать».
И! тут, помилуй бог, какая
Тревога сделалась промеж перепелят!
«Ах, матушка! ахти! — кричат. —
Друзей, приятелей сбирая,
Рожь хочет с светом вдруг пожать».

— «И! — говорит им мать. —
Пустое! нечего бояться.
Мы можем, где мы есть, с покоем оставаться.
Вот вам, поешьте между тем
И спите эту ночь, не думав ни о чем,
Да только завтра тож смотрите,
Что ни услышите, мне всё перескажите».

Пришед хозяин, ждать-пождать; нет никого!
«Вот, — говорит, — до одного
Все обещались быть, а сами не бывали.
Надейся! Ну, пойти ж родню свою собрать,
Чтоб завтра поутру пришли и рожь пожали».
Тревога меж перепелят
Где пуще прежнего! — «Родне своей, — кричат, —
Родне, он сказывал, сбираться!»
— «Всё нечего еще бояться, —
Сказала мать, — когда лишь только и всего».

Пришел хозяин так, как приходил и прежде,
Да видит, и родни нет также никого.
«Нет, — говорит, — в пустой, как вижу, я надежде!
Впредь верить ни родне не стану, ни друзьям.
До своего добра никто таков, как сам.
Знать, завтра поутру с семьею приниматься
Хлеб этот помаленьку сжать».
— «Ну, дети! — тут сказала мать. —
Теперь уж нечего нам больше дожидаться».
Тут кто поршком,
Кто кувырком
Ну поскоряе убираться.

ПРИВИЛЕГИЯ

Какой-то вздумал лев указ публиковать,
Что звери могут все вперед, без опасенья,
Кто только смог с кого, душить и обдирать.
Что лучше быть могло такого позволенья
Для тех, которые дерут и без того?

Привилегия X 11

Был лев [одних] [настать] как львы и все твердят
что хуже всех зверей он голосом на служенье
так врал как никто и все другие львы твердят
льву с тем, когда то раздумался

<u>указом позволенье дать</u>

Какой-то вздумал лев указ публиковать
~~которым позволенье дать~~
что звери могут все впредь без позволенья
кто только свой без слова душевно подкрепить.
что лучше быть не может таково позволенья
для тех которые твердят и в нем что
чтоб указ.. ~~[illegible]~~
об стол, ~~говоря, чтоб указ~~ знали
его два раза не читали ~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
уж то-то было пиршество!
и кому кто мог свой голос
поскрывавши знай указ да подпевать.
Душой, душой потешь ту
что их читали
не поступят.
Лисице мудрено однако показалось
что позволение такое состоялось
~~Зверям указом вол. дать.~~
~~[illegible]~~
~~[illegible]~~
и в рассужденьи сам и всех потом
и ~~[illegible]~~ его величество спросила
как спрашивают львов / не прямо, а так
~~[illegible]~~ как спрашивают львов
По какой-то на-то кода знаменье слова
все хитростью и все обиняками
все сладкими придворными словами
не будет ли его величеству во вред
что всем власть такую получили?
Но сколько хитрости в ней тонки были
лев ей на то нет
хоть все знает для льва
E Как льва что спросить лисица говорила
не так чтоб прямо, нет, как льва о том спросила
спрашивают львов

Об этом чтоб указе знали,
Его два раза не читали.
Уж то-то было пиршество!
И кожу, кто лишь мог с кого,
Похваливают знай указ да обдирают.
Душ, душ погибло тут,
Что их считают, не сочтут!
Лисице мудрено, однако, показалось,
Что позволение такое состоялось:
Зверям указом волю дать
Повольно меж собой друг с друга кожи драть!
Весьма сомнительным лисица находила
И в рассуждении самой, и всех скотов.
«Повыведать бы льва!» — лисица говорила
И львиное его величество спросила,
Не так чтоб прямо, нет, — как спрашивают львов,
По-лисьи, на весы кладя значенье слов,
Всё хитростью, обиняками,
Всё гладкими придворными словами:
«Не будет ли его величеству во вред,
Что звери власть такую получили?»
Но сколько хитрости ее ни тонки были,
Лев ей, однако же, на то ни да, ни нет.
Когда ж, по львову расчисленью,
Указ уж действие свое довольно взял,
По высочайшему тогда соизволенью
Лев всем зверям к себе явиться указал.

Тут те, которые жирняе всех казались,
Назад уже не возвращались.
«Вот я чего хотел, — лисице лев сказал, —
Когда о вольности указ такой я дал.
Чем жир мне по клочкам сбирать с зверей трудиться,
Я лучше дам ему скопиться.
Султан ведь также позволяет
Пашам с народа частно драть,
А сам уж кучами потом с пашей сдирает;
Так я и рассудил пример с султана взять».
Хотела было тут лисица в возраженье
Сказать свое об этом мненье

И изъясниться льву о следствии худом,
Да вобразила то, что говорит со львом...

А мне хотелось бы, признаться,
Здесь об откупщиках словцо одно сказать,
Что также и они в число пашей годятся;
Да также думаю по-лисьи промолчать.

ПОБОР ЛЬВИНЫЙ

В числе поборов тех, других,
Не помню, право, я, за множеством, каких,
Определенных льву с звериного народа
(Так, как бы, например, крестьянский наш народ
Дает оброки на господ),
И масло также шло для львина обихода.
А этот так же сбор, как всякий и другой,
Имел приказ особый свой,
Особых и зверей, которых выбирали,
Чтоб должность сборщиков при сборе отправляли.
Велик ли сбор тот был, не удалось узнать,
А сборщиков не мало было!
Да речь и не о том; мне хочется сказать
То, что́ при сборе том и как происходило.
Большая часть из них, его передавая,
Катала в лапах наперед;
А масло ведь к сухому льнет,
Так, следственно, его не мало
К звериным лапам приставало;
И, царским пользуясь добром,
Огромный масла ком стал маленьким комком.
Однако как промеж скотами,
Как и людскими тож душами,
Не все бездельники, а знающие честь
И совестные души есть,
То эти в лапах ком не только не катали,
Но сверх того еще их в воду опускали,
Чтоб масло передать по совести своей.

Ну, если бы честных зверей
При сборе этом не сыскалось,
То сколько б масла льву досталось?

Не знаю, так ли я на вкус людей судил?
Я льву, на жалобу об этом, говорил:
«Где сборы,
Там и воры;
И дело это таково:
Чем больше сборщиков, тем больше воровство».

СЛЕПОЙ ЛЕВ

Был лев слепой; а быть и знатному слепым
Дурное, право, состоянье.
Давай хоть не давай лев подданным своим
О чем какое приказанье,
Иль правду в том
Или в другом
Не думай лев узнать: обманут был кругом.
Я сам не раз бывал при том,
Когда, пришедши, льву лисица репортует,
Что львов запасный двор находится у ней
Во всей сохранности своей,
А первая с двора запасного ворует,
Да и другим дает с собою воровать,
Чтоб только ей не помешать.
Волк тож, бывало, льву наскажет,
Когда он наловить зверей ему прикажет,
Что лов сегодня был дурной
И только лишь ему попался зверь худой;
А жирных между тем зверей себе оставит
И, чтоб поверил лев, свидетелей поставит.
И словом, всяк, кому по должности дойдет
Льву донести о чем, — что хочет, то налжет,
И, кроме воровства и лжи, не жди другого
От малого и до большого.

Слепого льва легко обманывать зверям,
Так, как по разуму слепых господ слугам.

СТРЕЛКА ЧАСОВАЯ

Когда-то стрелка часовая
На башне городской,
Свои достоинства счисляя,
Расхвасталась собой,
И, прочим часовым частям в пренебреженье,
«Не должно ль, — говорит, — ко мне иметь почтенье?
Всему я городу служу как бы в закон;
Всё, что ни делают, по мне располагают:
По мне работают, по мне и отдыхают;
По мне съезжаются в суды и выезжают;
По мне чрез колокольный звон
К молитве даже созывают;
И словом, только час я нужный покажу,
Так точно будто прикажу.
Да я ж стою домов всех выше,
Так что весь город подо мной;
Всем видима и всё я вижу под собой.
А вы что значите? Кто видит вас?» — «Постой;
Нельзя ли как-нибудь потише,
И слово дать
И нам сказать? —
Другие части отвечали. —
Знай, если бы не мы тобою управляли,
Тебя бы, собственно, ни вó что не считали.
Ты хвастаешь собой,
Как часто хвастает и человек иной,
Который за себя работать заставляет,
А там себя других трудами величает».

ОСЕЛ В УБОРЕ

Одень невежду
В богатую одежду, —
Не сладишь с ним тогда.
В наряде и ослы по спеси господа.
По случаю, не помню по какому,
Но разумеется, что не в лице посла,
Отправил лев осла

К соседу своему и другу, льву другому,
Какие-то, никак, ему подарки снесть:
Посольство отправлять у льва лисица есть.
Но хоть подарки снесть осла употребили,
Однако как посла богато нарядили,
Хотя б турецкого султана ослепить
И мир или войну заставить объявить.
Не вспомнился осел в уборе, взбеленился:
Лягается и всех толкает, давит, бьет;
Дороги ни встречны́м, ни поперечным нет;
Ни откупщик еще так много не гордился,
Сам лев с зверьми не так сурово обходился.
Ослов поступок сей
Против достойнейших осла других зверей
Стал наконец им не в терпенье.
Пришли и на осла льву подали прошенье,
Все грубости ему ословы рассказав.
Лев, просьбу каждого подробно разобрав, —
Не так, как львы с зверьми иные поступают,
Что их и на глаза к себе не допускают,
А суд и дело их любимцы отправляют, —
И так как лев зверей обиду всю узнал,
И видя, отчего осел так поступает,
Осла призвав, ему сказал,
Чтоб о себе, что он осел, не забывал:
«Твое достоинство и чин определяет
Один убор твой
Золотой,
Других достоинство ума их отличает».
И наказать осла, лев снять убор велел;
А как осел других достоинств не имел,
То без убора стал опять простой осел.

ЛЕВ-СВАТ

Лев, сказывали мне, любовницу имел
(Ведь занимаются любовными делами
Не только меж людьми, но также меж скотами),
И жар к любовнице его охолодел.
А для того он тож (как люди поступают,

Что за другого с рук любовницу сживают,
Когда соскучится им всё одну любить)
Хотел красавицу, но не бесчестно, сжить:
Он барса пестрого хотел на ней женить.
Но как он ни старался,
Жених замеченный никак не поддавался,
Да лев бы только приказал, —
Любить указ ведь не дается;
А в случаях таких политика ведется
И у зверей,
Как у людей.
К тому же дело щекотливо
Любовницу себе в жены́ такую взять,
Котору ищет сам любовник с рук отдать.
А потому ничуть не диво,
Что жениха не мог невесте он сыскать.
Но свадьбы не хотел уж больше отлагать;
Без всех чинов осла он прямо избирает:
«Послушай, — говорит, — назначил я тебя
Любовницы моей супругом.
Возьми ее ты за себя,
А я за то тебя
Пожалую в чины, и будешь ты мне другом».
Осла, не как других, раздумье не берет:
Осел в бесчестье не зазорен,
На предложенье льва осел тотча́с сговорен,
Сказав: «Хоть чести мне в женитьбе этой нет,
Как говорит и судит свет,
Да милость львиную она мне обещает.
К тому и меж людьми то ж самое бывает».

ПЧЕЛА И КУРИЦА

С пчелою курица затеяла считаться
И говорит пчеле: «Ну, подлинно, пчела,
Что в праздности одной ты век свой изжила;
Тебе бы тем лишь заниматься,
Чтоб на цветки с цветков летать
И только мед с них собирать.
Да полно, и о чем ином тебе стараться?

Довольно, что лишь мы не в праздности живем
И в день по яицу хозяину несем».
— «Не смейся, курица, — пчела на то сказала. —
Ты думаешь, чтоб я тебе в том подражала,
Когда ты, встав с гнезда, с надсадою кричишь,
Что ты яйцо снесла, и всем о том твердишь.
А я, ты думаешь, без дела всё бываю,
Затем что я труды свои не разглашаю.
Нет,
Ошибаешься, мой свет!
А в улей загляни: спор то́тчас наш решится;
Узнаешь, кто из нас поболее трудится.
С цветков же мед <сбираем> мы другим,
А что при нашей мы работе не шумим,
Так ведай ты, что мы не хвастуны родились;
А тот, кто хочет рассуждать,
В чем мы трудами отличились,
Учиться должен вкус в сота́х распознавать.
К тому ж природа нас и жалом наградила
И как употреблять его нас научила,
Чтоб им наказывать несносных хвастунов
И пустословцев тех, глупцов,
Которы о делах так вредно рассуждают,
А сами их не понимают.
Так полно, курица, болтать,
Чтоб жала моего тебе не испытать».

Пренебрегатели поэзии, внемлите,
Которые ее злословием язвите:
Примером притча вам здесь может послужить.
Поэзия пчелой смиренной будет слыть,
И вот примера вам начало;
А курицы пусть здесь хулитель примет вид,
И притча вам тогда всю правду говорит.
Хулитель! можно ли, что будто бы нимало
В поэзии наук, ни пользы не бывало?
Уймись, хулитель, ты в злословии, постой;
Ты пользу тем сами́м уж видишь над собой,
Что притча истину лицом изображает,
Котору без лица глупец не понимает.

ВДОВА

Нет, полно больше согрешать
И говорить, что жен таких нельзя сыскать,
Которые б мужей сердечно не любили
И после смерти бы их тóтчас не забыли.
Я сам, признаться, в том грешил
И легкомыслия порок на жен взносил;
Но ныне сам готов за женщин я вступиться
И в верности к мужьям за них хоть побожиться.
Жена, лишась супруга,
«Лишилась, — вопиет, — тебя я, мила друга,
И полно мне самой на свете больше жить!»
Жена терзаться, плакать, рваться,
Жена ни спать, ни есть, ни пить,
Жена на то идет, себя чтоб уходить.
Что ей ни говорят и как ни унимают,
Что в утешение ее ни представляют,
Ответ жены лишь тот: «Жестокие, мне ль жить,
Мне ль жить, лишася друга мила?
Нет, жизнь моя — его осталася могила!»
А этим всем ее отчаянным словам
Свидетель точный был я сам.
Вот мужа как жена любила!
Ну, это подлинно не знаю, как почтить.
Возможно ль быть,
Чтоб мужа мертвого так горячо любить?
Везут покойника к могиле хоронить
И опускают уж в могилу.
Жена туда же, к другу милу,
Всей силою за ним бросается в могилу.
Ужли б и впрям зарыть себя она дала? —
Нет, так бы замужем чрез месяц не была.

ЧУЖАЯ БЕДА

Ужли чужой беде не должно помогать?
Мужик воз сена вез на рынок продавать.
Случился косогор: воз набок повалился.

Мужик ну воз приподымать,
И очень долго с возом бился.
Да видит, одному ему не совладать.
Прохожих в помощь призывает,
Того, другого умоляет.
Тот мимо и другой,
Всяк про себя ворчит: «Да что-ста, воз не мой,
Чужой!»

Услуга никогда в потерю не бывает.

РЕДАКЦИЯ КАПНИСТА

ЧУЖАЯ БЕДА

Ужель чужой беде не должно помогать?

Мужик вез сено продавать;
Случился косогор: воз набок повалился.
Мужик ну воз приподымать,
И очень долго с возом бился,
Да видит, одному ему не совладать.
Проезжего к себе на помощь призывает.
«Вот черт на косогор занес», —
Проезжий отвечает
И мимо погоняет.
Мужик вздохнул и, все напрягши силы, воз
Кое́-как приподняв, с крутой горы спускает.
Спустил; ан видит: тут с саньми во рву лежит
Проезжий, что ему дать помощь отказался
И мимо вскачь промчался.
Теперь же мужику: «Ой! помоги!» — кричит.
Мужик спокойно проезжает:
«Знать, враг
Занес в овраг, —
Проезжему он отвечает. —
Ты мне не захотел помочь,
Лежи ж и сам теперь. Прощай, брат! Добра ночь!»

РЕЗЧИК И СТАТУЯ

Художник некакий, резчи́к,
В художестве своем и славен и велик,
Задумал вырезать стату́ю
Такую,
Которая б могла ходить
И говорить
И с виду человеком быть.
Резчи́к стату́ю начинает,
Всё мастерство свое резчи́к истощевает:
Стату́я движется, стату́я говорит
И человеческий во всем имеет вид;
Но всё стату́я та не человек — машина:
Стату́я действует, коль действует пружина;
Стату́е нравственной души недостает.

Искусством чувств не дашь, когда природных нет.

БУКВЫ

Чтобы ученых отучить
В словах пустых искать и тайну находить,
Которую они, по их речам, находят
И в толки глупые свои других заводят,
Царь у себя земли одной
Их шуткой осмеял такой:
Под городом одним развалины стояли,
Остатки башен городских,
А около обломки их,
Землей засыпаны, лежали.
На сих обломках царь, ученым в искушенье,
Иссечь по букве приказал;
Потом те буквы на решенье
За редкость по своим ученым разослал.
«Посмотрим, — царь сказал, —
Какое выведут ученые значенье.
Уж то-то толки тут
Пойдут!»
И подлинно, пошли. Хлопочут, разбирают,
Чтоб тайный смысл найти словам.

Рассылка букв по всем ученым и землям;
Все академии к решенью приглашают,
Записки древностей, архивы разбирают;
Газеты даже все о буквах говорят;
Робята все об них и старики твердят;
Но мрачность древности никто не проницает.
Царь наконец, хотев их глупость обличить,
Всем приказал к себе своим ученым быть
И заданные сам им буквы объясняет.
Весь смысл неразрешимых слов
Был тот: здесь водопой ослов.

МЕТАФИЗИЧЕСКИЙ УЧЕНИК

Отец один слыхал,
Что зá море детей учиться посылают
И что вобще того, кто зá морем бывал,
От небывалого отменно почитают,
Затем что с *знанием* таких людей считают;
И, смóтря на других, он сына тож послать
Учиться за море решился.
Он от людей любил не отставать,
Затем что был богат. Сын сколько-то учился,
Да сколько ни был глуп, глупяе возвратился.
Попался к школьным он вралям,
Неистолкуемым дающим толк вещам;
И словом, малого век дураком пустили.
Бывало, глупости он попросту болтал,
Теперь ученостью он толковать их стал.
Бывало, лишь глупцы его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали;
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
«Сыскать начало всех начал»,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, вдруг он в яме очутился.
Отец, встревоженный, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Домашнюю свою премудрость извести;

~~Поучений~~ 20 метафизической учений

отцев одних слыхали

что за море ездити учатся поверивши

и что вообще то всё что за морем бывали

от небывалого отнюдь похваливши

Затем что с знанием таких людей считаете

и, смотря надругни он сына тож пускать

учиться за море решился

он от людей любых не отставать

Затем что был богат сын сколько учился

(сколько ни был глуп)

За ~~стольких не был глупцов~~ глупее возвратился

(на руки он) (отпет)

Попался в школьным ~~он~~ врагам

(с ума же рады)

которые ~~людей не рады~~ водили

неизъясненным давая толки вещам

Попался /на руки он/ в школьных отпет врагам

неизъясненным давущим толки вещам

~~Тогда~~ и малова не научили

а на весь дураком пустили

и словом малова весь дураком пустили

бывало глупости он по старому болтал

теперь учёностью он толковать их стал

бывало лишь глупцы его не понимали

а ныне разумные и умные не стали

Дом, город и весь свет дураком его сказали

В метафизической беседуя с родителями

(старинных ...)

о заданном одном ~~ее глубоком~~ предложении

/что в начале/ весьма начало всех начал

когда за сказана оно думой водносилось

дорогой и единим в друге аль в яме очутился.

А думный между тем детина,
В той яме сидя, размышлял,
Какая быть могла падения причина?
«Что оступился я, — ученый заключал, —
Причиною землетрясенье;
А в яму скорое произвело стремленье
С землей и с ямою семи планет сношенье».

Отец с веревкой прибежал.
«Вот, — говорит, — тебе веревка, ухватись.
Я потащу тебя; да крепко же держись.
Не оборвись!..»
— «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед:
Веревка вещь какая?»

Отец, вопрос его дурацкий оставляя,
«Веревка вещь, — сказал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
— «На это б выдумать орудие другое,
А это слишком уж простое».
— «Да время надобно, — отец ему на то. —
А это, благо, уж готово».
— «А время что?»
— «А время вещь такая,
Которую с глупцом я не хочу терять.
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы вралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи сослать?..
Да яма надобна большая!

РЕДАКЦИЯ КАПНИСТА

МЕТАФИЗИК

Отец один слыхал,
Что за море детей учиться посылают
И что того, кто за морем бывал,
От небывалого и с вида отличают.
Так чтоб от прочих не отстать,
Отец немедленно решился

Детину за море послать,
Чтоб доброму он там понаучился.
Но сын глупяе воротился:
Попался на руки он школьным тем вралям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам;
И малого не научили,
А на́век дураком пустили.
Бывало, с глупости он попросту болтал,
Теперь всё свысока без толку толковал.
Бывало, глупые его не понимали,
А ныне разуметь и умные не стали.
Дом, город и весь свет враньем его скучал.

В метафизическом беснуясь размышленьи
О заданном одном старинном предложеньи:
Сыскать начало всех начал,
Когда за облака он думой возносился,
Дорогой шедши, оступился
И в ров попал.
Отец, который с ним случился,
Скоряе бросился веревку принести,
Премудрость изо рва на свет произвести.
А думный между тем детина,
В той яме сидя, рассуждал:
«Какая быть могла причина,
Что оступился я и в этот ров попал?
Причина, кажется, тому землетрясенье;
А в яму скорое стремленье —
Центральное влеченье,
Воздушное давленье. . .»

Отец с веревкой прибежал;
«Вот, — говорит, — тебе веревка; ухватися.
Я потащу тебя, держися».
— «Нет, погоди тащить; скажи мне наперед, —
Понес студент обычный бред. —
Веревка вещь какая?»

Отец его был не учен,
Но рассудителен, умен.

Вопрос ученый оставляя,
«Веревка — вещь, — ему ответствовал, — такая,
Чтоб ею вытащить, кто в яму попадет».
— «На это б выдумать орудие другое, —
Ученый всё свое несет. —
А это что такое! ..
Веревка! — вервие простое!»
— «Да время надобно, — отец ему на то. —
А это хоть не ново,
Да благо уж готово».
— «Да время что? ..»
— «А время вещь такая,
Которую с глупцом не стану я терять;
Сиди, — сказал отец, — пока приду опять».

Что, если бы வралей и остальных собрать
И в яму к этому в товарищи послать? ..
Да яма надобна большая!

СОБАКА И МУХИ

Собака ловит мух, однако не поймает
И, глупая, не рассуждает,
Что муха ведь летает
И что поймать ее пустое затевает.
Лови, собака, то, что под твоей ногой,
Не то, что над твоей летает головой.

ДУРАК И ТЕНЬ

Я видел дурака такого одного,
Который всё гнался за тению своею,
Чтобы поймать ее. Да как? бегом за нею.
За тенью он — тень от него.
Из жалости к нему, что столько он трудится,
Прохожий дураку велел остановиться.
«Ты хочешь, — говорит ему он, — тень поймать?

А это что? Ее достать —
Лишь только стоит наклониться».
Так некто в счастии да счастия искал,
И также этому не знаю кто сказал:
«Ты счастья ищешь, а не знаешь,
Что ты, гоняяся за ним, его теряешь.
Послушайся меня, и ты его найдешь:
Остановись своим желаньем
В исканьи счастия, доволен состояньем,
В котором ты живешь».

ХУЛИТЕЛЬ СТИХОТВОРСТВА

Беседе где-то быть случилося такой,
Где занимались тем иные, что читали
И о науках толковали,
Другие — что себя шутами забавляли,
Которых привели с собой, —
К чему кто склонен был. Зашло в беседе той
И о стихах каких-то рассужденье
На именины чьи, не помню, на рожденье, —
Да только гнусное, из денег, сочиненье.
Один в беседе той, охотник до шутов,
А ненавистник всех наук и всех стихов,
В углу сидев, туда ж пустился в рассужденье:
«Да что! и все стихи хоть вовсе б не писать!»
Другие на него тем видом посмотрели,
Как будто внутренно, что он дурак, жалели.
Сказавши глупость ту, он захотел шпынять
Над бывшим тут одним писателем достойным
И голосом своим спросил его нестройным:
«И вы ведь любите стихи же сочинять?»
— «Так, — отвечал другой, — люблю стихи писать,
Однако же не площадные,
А только я пишу такие,
Где дураков могу сатирой осмеять».

‹ОСТЯК› И ПРОЕЗЖИЙ

Что и в уме, когда душа
Нехороша?
Народов диких нас глупяе быть считают,
Да добрых дел они нас больше исполняют;
А это остяком хочу я доказать
И про него такой поступок рассказать,
Который бы его из рода в род прославил,
А больше подражать ему бы нас заставил.
У остяка земли чужой наслежник был,
Который от него как в путь опять пустился,
То денег сто рублев дорогой обронил,
Которых прежде не хватился,
Пока уж далеко отъехал он вперед.
Как быть? назад ли воротиться?
Искать ли их? и где? и кто в том поручится,
Чтоб их опять найти? Лишь время пропадет.
«Давно уж, может быть, — проезжий
рассуждает, —
Их поднял кто-нибудь». И так свой путь вперед
С великим горем продолжает.
Сын остяков, с двора пошедши за зверями
И шед нечаянно проезжего следами,
Мешок, который он дорогой обронил,
Нашед, принес к отцу. Не зная, чей он был,
Отец сберег его, с тем, ежели случится
Хозяину когда пропажи той явиться,
Чтобы ее отдать.
По долгом времени опять
Проезжий тою же дорогой возвратился
И с остяком разговорился,
Что деньги, от него поехав, потерял.
«Так это ты! — остяк от радости вскричал. —
Я спрятал их. Пойдем со мною,
Возьми их сам своей рукою».

В Европе сто рублев где можно обронить
И думать чтоб когда назад их получить?

КОШКА

Жить домом, говорят, — нельзя без кошек быть.
Домашняя нужна полиция такая
Не меньше, как и городская:
Зло надобно везде стараться отвратить.
И взяли кошку в дом, чтобы мышей ловить.
И кошка их ловила.
Хозяйка дому, должно знать,
Птиц разных при себе держать
Любила.
Какой-то в кошку бес вселился, что с мышей
Она на птичек напустила
И вместе наряду с мышами их душила.
За это ремесло свернули шею ей:
«Ты в дом взята была, — хозяйка говорила, —
Не птиц ловить — мышей».

ЗАЙЦЫ И ЕЖ

Охотники ежа и зайцев изловили
<...> в один зверинец посадили.
Что ж?
Еж,
Ни дай ни вынеси, на зайцев наступает,
Щетину колку напрягает,
То под того, то под другого скок,
И колет зайцев, и кусает.
Уж зайцы от ежа на горку и в лесок,
Но еж туда ж за ними мчится.
Чтоб как-нибудь укрыться,
Уж зайцы от ежа и в угол, и в другой.
Но еж как тут, как тут, у зайцев за пятой,
И бедным чем оборониться?
У зайцев кожа ведь тонка,
А у ежа щетина жестка и колка.
Решилась их судьба:
Еж скок за зайцами еще с пригорка в дол,
Ударился о сук и брюхо распорол.

БЛАГОЙ СОВЕТ

Детина молодой, задумавши жениться,
Об этом рассудил у старика спроситься,
Какую он жену ему присудит взять.
«Я, право, сам, дружок, не знаю,
Какой тебе совет подать.
Я вот как рассуждаю:
С которой стороны ни станешь разбирать,
Весьма легко случится
В женитьбе ошибиться.
Какую хочешь ты, чтоб за тебя пошла?
Красавица ль тебе, богатая ль мила,
Иль знатного отца чтоб дочь она была?
Какая для тебя по мыслям? я не знаю.
Да вот ученую еще я позабыл».
— «Не то ведь, старичок, чего я знать желаю.
Я для того тебя спросил,
Какую взять жену решиться,
Чтоб без досады с ней и без хлопот ужиться».
— «А если так, то знай: какую ни возьмешь,
Досады и хлопот с женою не минешь».

ЛЬВОВО ПУТЕШЕСТВИЕ

Один какой-то лев когда-то рассудил
Всё осмотреть свое владенье,
Чтоб видеть свой народ и как они живут.
Лев этот, должно знать, был лучше многих львов —
Не тем чтоб он щадил скотов
И кожи с них не драл. Нет, кто бы ни попался,
Тож спуску не было. Да добрым он считался,
Затем что со зверей хоть сам он кожи драл,
Да обдирать промеж собой не допускал:
Всяк доступ до него имел и защищался.
И впрям, пусть лев один уж будет кожи драть,
Когда беды такой не можно миновать.

Природа, говорят, уж будто так хотела
И со зверей других льву кожи драть велела.

Итак, лев отдал повеленье,
Чтоб с ним и двор его готов к походу был.
Исполнено благоволенье,
И весь придворный штат
Для шествия со львом был взят, —
Штат, разумеется, какой при льве бывает,
Штат не такой,
Какой,
Вот например, султана окружает;
Придворный штат людских царей совсем другой,
Да только и при льве скотов был штат большой.
Что знают при дворе, <то> знают и в народе:
Лишь только сказано придворным о походе,
Ну весть придворные скоряе рассылать,
Кум к куму, к свату сват курьеров отправлять:
«Лев будет к вам, смотрите,
Себя и нас поберегите».
Придворным иногда
С уездными одна беда:
Ведь связи разные между людьми бывают.
Тот, кто со стороны тревоги те видал,
Какие, например, в людском быту видают,
Как царского куда прихода ожидают,
Всё знает. Да и я не раз при том бывал,
Как, например, в тюрьму обиженных сажали,
Чтоб, сидя там, своей обиды не сказали;
Иному, — чтобы промолчал, —
Против того, чего из взяток получили,
Вдвойне и втрое возвратили;
И тысячи таких, и хуже этих дел:
Всяк вид всему давал такой, какой хотел,
Безделъства все свои бездельством прикрывали.
Со львом, ни дать ни взять,
Всё это делали, да на зверину стать,
И всё так гладко показали,
Как будто ничего. Куда он ни зайдет,
Везде и всё как быть, как водится найдет.
Считая лев, что всё в исправности нашел,
Доволен лев таков с походу возвратился

и льву старому, своему отцу, ну рассказывать свое путешествие с превеликим удовольствием. Старый лев все слушал.

«Ну, — говорит ему потом, — так ты считаешь,
Что всё, что видел, ты в исправности нашел.
Однако ты себя напрасно утешаешь.
И я, бывало, так, как ты теперь, считал
(Когда еще не столько знал),
Что в истинном тебе всё виде показали.
Да рассуди ты сам: приход узнавши львов,
Кто будет прост таков,
Чтоб шалости не скрыть, как их тебе скрывали?
Царю, чтоб прямо всё и видеть и узнать,
Придворный штат с собой в поход не должно
брать».

ДВА ВОЛКА

Два волка при одном каком-то льве служили
И должности одни и милости носили,
Так что завидовать, кто только не хотел,
Ни тот, ни тот из них причины не имел.
Один, однако, волк всё-на́-всё быть хотел
И не терпел,
Что наравне с своим товарищем считался.
И всеми средствами придворными старался
Товарища у льва в немилость привести,
Считая, например, до этого дойти
То тою,
То другою
На волка клеветою.
Лев, видя это всё, однако всё молчал,
С тем, до чего дойдет; а сверх того считал,
Как волчья клевета без действа остается,
Волк, больше клеветать устав, и сам уймется.
А этот лев, как всяк о том известен был,
Не так, как львы, его товарищи другие,
И в состоянии людском цари иные,
Наушников держать и слушать не любил.

Неймется волку; всё приходит
И на товарища то то, то это взводит.
Наскучил наконец лев волчьей клеветой
И думает: «Не так я поступлю с тобой.
Ты хочешь клеветой подбиться,
Чтобы товарища в немилость привести
И милости один нести, —
На самого ж тебя немилость обратится.
Нет, ошибаешься, когда ты так считал».
И тотчас отдал повеленье,
Чтоб волк, которого другой оклеветал,
За службу получил двойное награжденье
И должность лучше той, какую исправлял;
Другого ж от двора под строгое смотренье
Сослав безо всего, двойную должность дал.

Я б после этого придворным всем сказал,
Как маленьких дворов, так и больших: «Смотрите!
Чтоб с волком не иметь вам участи одной,
Друг на друга не клевещите;
А вы частехонько живете клеветой!»

ПЕС И ЛЬВЫ

Какой-то пес ко львам в их область жить попался,
Который хоть про львов слыхал,
Однако никогда в глаза их не видал,
А менее того их образ жизни знал.
А как ко львам он замешался,
Того я не могу сказать,
Когда мне не солгать.
Довольно, пес ко львам попался
И между львов живет.
Пес видит, что у львов коварна жизнь идет:
Ни дружбы меж собой, ни правды львы не знают,
Друг друга с виду льстят, а внутренно терзают.
Привыкнув жить меж псов одною простотой,
Не зная ни коварств, ни злобы никакой,
Дивится жизни таковой
И рассуждает сам с собой:

«Хоть псы между собой грызутся
И тож, случится, подерутся,
Однако в прочем жизнь у них
Без всех коварств и мыслей злых,
Не как у львов». Пса жизнь такая раздражает,
Жилище львов он покидает.
Пес, прибежав домой, рассказывает псам:
Нет, наказание достаться жить ко львам,
Где каждый час один другого рад убить,
А вся причина та (когда у львов спросить):
Лев всякий хочет львищем быть.

ДВА ЛЬВА СОСЕДИ

Два льва, соседи меж собой,
Пошли друг нá друга войной,
За что, про что — никто не знает;
Так им хотелось, говорят.
А сверх того, когда лишь только захотят, —
Как у людских царей, случается, бывает, —
Найдут причину не одну,
Чтоб завести войну.
Львы эти только в том от них отменны были,
Когда войну они друг другу объявили,
Что мира вечного трактат,
Который иногда не служит ни недели,
Нарушить нужды не имели, —
Как у людских царей бывает, говорят, —
Затем что не в обыкновеньи
У львов такие сочиненьи.
Итак, один из этих львов
Другого полонил и область и скотов.
Привычка и предубежденье
Свое имеют рассужденье:
Хотя, как слышал я о том,
Житье зверям за этим львом
Противу прежнего ничем не хуже стало
(Не знаю, каково прошедшее бывало),
Однако каждый зверь всё тайным был врагом,
И только на уме держали,

Как это им начать,
Чтоб им опять за старым быть.
Как в свете всё идет своею чередою, —
Оправясь, старый лев о том стал помышлять
Войною возвратить, что потерял войною.
Лишь только случай изменить
Льву звери новому сыскали,
Другого случая не ждали:
Ягнята, так сказать, волками даже стали.
Какую ж пользу лев тот прежний получил,
Что на другого льва войною он ходил?
Родных своих зверей, воюя, потерял,
А этих для себя не впрок завоевал.
Вот какова война: родное потеряй,
А что завоевал, своим не называй.

НАРОД И ИДОЛЫ

На простяков всегда обманщики бывали
Равно в старинные и в наши времена.
Ухватка только не одна,
Какую обмануть народ употребляли;
А первых на обман жрецов,
Бывало, в старину считали.
От наших нынешних попов
Обманов столько нет: умняе люди стали.
А чтоб обманывать народ,
Жрецов был первый способ тот,
Что разных идолов народу вымышляли:
Везде, где ни был жрец, и идолы бывали.
Народ, о коем я теперь заговорил,
Обманут точно тем же был.
Жрец, сделав идола и принося моленье,
Ему на жертвоприношенье
Давать и приносить народу предписал
Всё то, что, например, и сам бы жрец желал:
Жрецы и идолы всегда согласны были,
Не так, как то у нас бывает меж судей,
Что, против истины вещей,
Не могут иногда на мненье согласиться.

Но, чтобы к идолу опять нам возвратиться, —
Сперва народу дан один лишь идол был;
Потом уж идол народил
Еще, да и еще, и столько прибывало,
Что наконец числа не стало.
Как это разуметь, что идол мог родить?
Об этом надобно самих жрецов спросить.
Такие ли еще их чудеса бывали!
Жрецы на жерновах водою разъезжали;
Так мудрено ль, когда их идолы рожали?
По-моему, так мой простой рассудок тот:
В чудотворениях жрецов не сомневаться,
А слепо веровать: от них всё может статься.
Чем более семья, тем более расход;
Тащи́т со всех сторон для идолов народ
И есть, и пить, и одеваться,
А сверх того еще наряды украшаться,
А у народа всё, какой и был, доход.
С часу на час народ становится бедняе,
А жертвы идолам с часу на час знатняе.
Народ сей наконец от идолов дошел,
Что пропитанья сам почти уж не имел.
Сперва повольно дань жрецы с народа брали,
Потом уж по статьям народу предписали,
По скольку идолам чего с души давать.
Народ сей, с голоду почти что помирая,
Соседов стал просить, чтоб помощь им подать,
Свою им крайность представляя.
«Да как, — соседи им сказали, —
До крайности такой дошли
Вы, кои б хлебом нас ссудить еще могли?
Земля у вас всегда богато урожала,
А ныне разве перестала?
Иль более у вас трудиться не хотят?»
— «Нет, всё родит земля как прежде, — говорят, —
И мы трудимся тож, как прежде, — отвечают, —
Да что мы ни сожнем, всё боги поедят».
— «Как? боги есть у вас, которые едят?»
— «Так наши нам жрецы сказали
И сверх того нам толковали:
Чем больше боги с нас возьмут,
Тем больше нам опять дадут».

Народъ и идолы.

На прихожанов всегда обманщики бывали
равно въ старинные и въ наши времена
ухватка только не одна
какъ обмануть народъ употреблены
а прочихъ на обманъ жрецовъ
бывало въ старину считали
въ обманахъ нынешнихъ поповъ
ужъ больше хитрости. умнее люди стали.
~~на прихожанов всегда обманщики бывали~~
~~а первыхъ на обманъ способнымъ жрецовъ~~
~~бывало въ старину считали~~
отъ нашихъ нынешнихъ поповъ
обмановъ столько нетъ: умнее люди стали.
а чтобъ обманывать народъ
жрецовъ былъ лучшiй способъ тотъ
что радужихъ идоловъ народу выставляли
всегда где / жрецъ / или былъ жрецъ и идолы бывали
народовъ, о коемъ я теперь заговорилъ
обмануть точно тотъ же былъ.
Жрецъ ставилъ идола и стройно ~~[illegible]~~ молебенъ,
ему на жертвоприношенье
давать и доставить народу предписалъ
все что что напримеръ и самъ бы жрецъ желалъ F
жрецовъ и идоловъ всегда согласно ~~было~~ мненье,
не такъ какъ что у насъ бываетъ меръ, судей
что противъ / разума и / хитрыхъ вещей
вне могутъ / ~~[illegible]~~ собой где должно согласиться
въ мненияхъ / другъ друга
не могутъ никогда на мненье согласиться

F Жрецы и идолы всегда согласны были

но чтобы къ идолу опять намъ возвратиться
сперва народу далъ одинъ иной идолъ былъ
потомъ чуть идолъ надоелъ
ещё да и ещё и столько прибывало
что наконецъ числа не стало..
Какъ это разуметь что идолъ могъ родиться?
объ этомъ надобно самыхъ жрецовъ спросить
когда жрецы водой на [illegible] родятъ бывали
такъ удивительно что и идолы рождали
/ боги ихъ рождали
чемъ более семья, темъ более и доходъ
участвуютъ въ этихъ сторонахъ для хлопотъ народъ
и чтобъ и пито и одеваться
народъ разные ихъ лицу украшаться

— «Быть так, поможем вам, но знайте, — говорят, —
Вас должно сожалеть, а более смеяться,
Что вы на плутовство жрецов могли поддаться.
Не боги хлеб у вас — жрецы его едят,
И если впредь опять того же не хотите,
Так от себя жрецов сгоните,
А идолов своих разбейте и сожгите.
У нас один лишь бог; но тот не с нас берет,
А напротив того, наш бог всё нам дает.
Его мы одного лишь только прославляем,
По благостям одним об нем мы воображаем,
А вид ему не можем дать».

Решился ли народ отстать
От закоснелого годами заблужденья,
От идолов своих и жертвоприношенья, —
Еще об этом не слыхать.

МУХА И ПАУК

В прекрасном здании одном,
Великолепном и большом,
В котором сколько всё искусством поражало,
То столько ж простотой своей равно прельщало,
В сем самом здании на камне заседала
Одна премрачная из мух и размышляла,
Так, как бы, например, ученый размышлял,
Когда глубокую задачу раздробляет.
А что у мух всегда вид пасмурный бывает
И часто голова ногою подперта
И бровь насуплена, тому причина та,
Что много мухи разумеют
И в глубину вещей стараются входить,
А не вершки одни учености схватить.
Премудрой мухе, здесь сидящей в размышленьи,
В таком же точно быть случилось положеньи.
Нахмуря плоский лоб полдюжиной морщин
В искании вещам и бытиям причин,
«Хотелось бы мне знать, — сказала, —
Строенье это от чего?

И есть ли кто-нибудь, кто сотворил его?
По-моему, как я об этом заключала,
То кажется, что нет; и кто бы это был?»
— «Искусство, — пожилой паук ей говорил, —
Всё, что ты видишь, сотворило;
А что искусство это было,
Свидетельствует в том порядок всех частей
Тобою видимых вещей».
— «Искусство? — муха тут с насмешкой повторила. —
Да что искусство-то? — спросила. —
И от кого оно? Нет, нет, я, размышляя,
Другого тут не нахожу,
Как то, что это всё лишь выдумка пустая.
А разве я тебе скажу,
Как это здание и отчего взялося.
Случилось некогда, что собственно собой
Здесь мелких камушков так много собралося,
Что камень оттого составился большой,
В котором оба мы находимся с тобой.
Ведь это очень ясно мненье?»

Такое мухи рассужденье,
Как мухе, можно извинить;
Но что о тех умах великих заключить,
Которые весь свет случайным быть считают
Со всем порядком тем, который в нем встречают,
И лучше в нем судьбе слепой подвластны быть,
Чем бога признавать, решились?
Тех, кажется, никак не можно извинить,
А только сожалеть об них, что повредились.

САТИРЫ.
САТИРИЧЕСКИЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ

САТИРА I

НА ХУДЫХ СУДЕЙ

Дивятся все тому и все не понимают
Те, кои о делах судейских рассуждают,
Зачем и отчего в судах порядка нет
И что беспутно всё в судилищах течет.
Не знаю, так ли я о этом рассуждаю,
Но вот причиной я сему что полагаю.
Скажите, можно ли добра там ожидать,
Где на беспутствах всё пекутся основать?
Когда судья иль плут, или невежа сущий
И тем или другим к несчастью вас ведущий,
Когда такой судья судити посажен
И быть хранителем законов наречен,
Так можно ли в суде тут ждать чего другого,
Окроме только то, что вздумать льзя дурного?
Когда невежею он только будет врать
И в свете нет чего, он станет утверждать;
Когда, не знав местам земли он положенье,
Противу истины взнесет он в возраженье
И станет утверждать своею простотой:
Таганрог в Франции, а Пекин под Москвой;
Когда на картах лес он мушками считает
Иль ручейком реку, речищу называет;
Земной наш, скажет, шар не в воздухе висит,
А на хребтах китов недвижимо лежит;
Что от Москвы в Казань Архангельск по дороге,
Нет в пушке разности и нет в единороге,
Или, по глупости своей сплетая бред,
Искусство горное кузнечеством зовет;

С подьячим заодно ученого считает,
Затем что грамоте и тот и тот ведь знает;
Иль если сталась речь о язве моровой,
Не знав естественной причины никакой,
Вскричит он: «Что за зверь та язва моровая,
Метляк или сверчок, иль тварь кака иная?»
Иль, быв определен театром управлять,
Не зная, инструмент который как назвать,
Фагот дудой, кларнет пискулькой называет,
А коль анзацу нет, купити посылает;
Дает дуде большой — большой в год и оклад,
Хоть хуже дудочки сто раз в ней будет склад.
Счастлив, кто на дуде большой играть умеет,
Хотя игры его никто не разумеет!
Не должно ль хохотать преглупым толь судьям,
И льзя ль вверять дела судить таким вралям?
Вот отчего дела текут толь коловратно,
Теперь, я думаю, довольно всем понятно.
Вот отчего в судах судьею секретарь,
Затем что президент — незнающая тварь
И скудоумием своим всё одобряет,
Что́ секретарь его ему ни представляет.
Он только затвердил, чтоб *хорошо* сказать
И имя бы свое кое́-как подмарать.
А секретарь решит и делает что хочет,
А и́стец по суду век целый свой хлопочет.

Глупо́го я судьи пример здесь описал,
И должно, чтоб теперь я и о том сказал,
Который плутовством своим суд оскверняет
И бич народный в нем собою составляет.
О, тьма злодейств! О, тьма неизреченных бед,
Котору за собой судья такой влечет!
Что́ от глупца в суде по глупости страдает,
То здесь по плутовству от плута погибает.
Там хоть подьячие и секретарь дерут,
А здесь судья и с ним все писчики берут,
И до последнего с судьею все воруют,
И даже сторожа и те с судьей плутуют.
Зайди в такой приказ: во фрунте все стоят
И с челобитчиков лишь взятки драть глядят;

И посторонние, которые случатся,
Так и у тех просить на водку не стыдятся;
Не смеешь ведь в карман и за платком сходить, —
Уж думают тотча́с на водку получить;
Как звери алчные, поводят все глазами,
Обстав кругом тебя с готовыми руками,
И, словом, не на суд сей суд — на торг похож.
Кто был в таких судах, конечно, скажет то ж.

Здесь скажут: неужли́ ж правленье в то не входит
И поношенье, стыд и срам сей не отводит?
И неужель судья, мошенник быв такой,
Не опасается за плутни казни злой?
Правительству за всем везде не угоняться,
Не станет и его всегда тем заниматься.
А сверх того уже указам нет числа,
Где лихоимственны заказаны дела,
И многи у столба и так уже стояли,
Чтоб взятки гнусные с людей брать перестали;
Но, видно, ну́жды нет и у столба стоять,
Коль продолжают все поныне взятки брать.
А сверх того судья правленья не боится,
А хоть боится он, так вот судья чем льстится:
«Не скоро-де меня правленье обличит
И в взыскиваемой неправде обвинит»,
Все зная плутни скрыть свои с своим приче́том,
Чтобы не быть за них в улике под ответом
И места своего чтобы не потерять,
А с ним своих бы всех доходов не отстать.
А если да грехом с ним это и случится,
Что в плутнях по делам своим он обличится
И на него донос какой да подадут, —
Товарищи его уж дело так сведут,
Что правым по суду, конечно, он найдется,
А тот, кто доносил, в беду сам попадется.
Когда ж никак его не можно оправдить
И истину вины его никак затмить,
И хитрости его судящих все напрасны,
И доказательства вины его уж ясны, —
Так много, что его от места отрешат,
А он, накравшися, тому еще и рад
И мыслит: «Пусть другой на месте сем хоть будет,

А у меня что есть, в кармане не убудет.
Не будет мне зачем впредь более тужить;
Довольно, уж пора и про себя пожить;
Пора мне по трудах к покою приютиться.
Мне, слава богу, есть теперь чем прокормиться».
А слава богу-то что значит у него?
Ведь не иное что, как воровство его,
Чем так искусно он умел обогащаться
И, плутом первым быв, честнейшим называться
И даже говорить, что пользы сделал он
Казне, при бытности при деньгах, миллион.
Да только он один про тот прибыток знает,
А более никто, хоть как он ни считает.
Я из числа судей такого сам знавал,
Кой, вором первым быв, ворами всех считал;
Кой, если строить что казенного случится,
Украсть с подрядчиком он первый согласится.
Что строить было год, — он строит десять лет,
А деньги в рост меж тем казенны отдает.

«Изрядно, — скажут мне, — сатирствовать ведь можно,
Однако доказать, что прямо вор он, должно».
И верно докажу, и всякий скажет то ж,
Что я не клевещу и что взношу не ложь.
Не вор ли он, когда с пятнадцатью душа́ми
Он службу стал служить, а кончил с пятьюстами?
Сочтите, сколько он брал жалованья в год,
Что он не пил, не ел и не держал в расход,
А отдавал на рост, и рост сей умножая
И все рекамбии на рост сей прилагая,
И тут возможности никак не может быть,
Чтоб он без воровства пятьсот мог душ нажить,
Да тысяч сто иметь еще рублей лежачих,
Не ассигнациев — червонцев всё ходячих.
Да чуть было еще я то и позабыл,
Что скажут: «Ведь-де он за службу получил
Всё, что имеет он достатку, в награжденье».
Великое мне здесь встречается сомненье:
Награждену когда за службу быть хотеть,
Потребно, чтоб друзей предстателей иметь,
А он не мог ни с кем в согласии ужиться,

С кем ни сойдется он, со всяким побранится.
Иных же он затем друзьями не имел,
Что с ними в воровстве делиться не хотел.
Других опять за то имел себе врагами,
Что вешать всех хотел, зовя их всех ворами;
Еще иных за то ругал и поносил,
Что в лентах те, а он один без ленты был.
Да полно, слов его всех описать не станет,
А он от воровства и плутней не отстанет:
Вор прежде воровал и после будет красть, —
Врожденная ничем неистребима страсть.
Сатирствуй на него, его тем не исправишь
И на хороший путь с худого не направишь.
Хоть сколько про него ни станешь говорить,
Он будет всё-таки по-своему творить.

Оставим мы судью мошенника и злого,
А скажем что-нибудь еще и про такого,
Который с знанием и с честною душей —
Без пользы тож в суде от лености своей.
При эдаком судье секретари — большими,
И все дела в суде лишь делаются ими.
Секретарю лишь тут старайся быть знаком
И знай его один, а не судейский дом, —
Ты всё получишь то, что получить ты хочешь,
О месте ль ты каком, о чине ли хлопочешь,
Иль в тяжбе ли какой находишься ты с кем,
Желание твое исполнится во всем.
Я сам свидетель был, как некто добивался,
Чтоб места получить, и к судие таскался;
Но тщетно тот судью о месте сем просил.
Пошел к секретарю — и место получил,
И только снес ему часы он золотые,
Но с репетицией часы, а не простые.
Он триста за часы рублей лишь только дал,
А сам в год тысячу по месту брать он стал.
И так во всех судах тьма злоупотребленья,
Где чести нет в судьях, ума или раченья.

Теперь пора бы мне сатиру и скончать;
Но нет, нельзя никак того мне миновать,

Чтобы про двух судей еще не рассказати
И новой странности пример в них показати.
Хоть скучу, может быть, читателям моим,
Но в грех сочту, чтобы не описать их им.
В одном изображу такую им картину,
Котора глупостью всю превзошла скотину.
Не знаю, может, кто и сам знавал его, —
Довольно правду ту все знали про него.
Судья мой, коего я здесь изображаю,
Которого я сам в глаза хотя не знаю,
Не йнако дела судейские решил
И в деле истину узнать способен был,
Как тем, что ежели да дело чье неясно
Или вину кладут на правого напрасно,
То под какую мысль судьи да кто чихнет,
Та справедлива мысль и в ней сомненья нет,
И дело йначе никак уж не решится,
Вся дела истина чиханьем утвердится.
Счастлив тот будет иск, коль йстец в час чихнет,
Который с кем-нибудь спор в тысячах ведет.

Теперь бессовестный судья еще остался,
Который ежели в судьи куды попался,
То в том суде добра всех меньше жди себе,
А портить все дела лишь будет он тебе;
Хоть все судьи тебе на пользу согласятся,
Бессовестный судья как станет противляться,
Один против тебя и всех судей пойдет,
Хотя на целый год глупцом он прослывет,
Как голос от себя ему подать прикажут,
И глупость голосом его ж ему докажут,
И наконец его принудят подписать,
И будет принужден назад он голос взять.

Иль можно ли еще в судах порядку быть,
Коль меж собой судей не можно согласить?
Бессовестный судья один испортит дело,
Которое конец счастливый уж имело;
Бессовестной души в угодность лишь своей
Пойдет противу прав и против всех судей,
Оспоривать начнет чего уж все решили

И по законам быть подпиской утвердили,
А он один из них не хочет подписать,
Не могши оному причины показать.
Велят ему о том по форме отозваться —
Он вздумает больным на случай тот сказаться,
А дело между тем всё окончанья ждет,
Хоть и́стец, чье оно, меж тем и в гроб пойдет.
И счастие еще, коль, голос он подавши
И глупость в поданном он голосе узнавши,
Свой голос написав, опомнясь, скажет так:
«Отдайте голос мне, пусть на год я дурак».
Или судьи его к подписке той обяжут
И в мненьи поданном невежество докажут.

Я б тьму еще судей худых мог описать,
Но нет возможности их всех пересчитать.
И без того про них, где только ни сойдутся,
Беседы ими лишь одними все займутся.
Толкуют уж и так довольно все про них,
Но, кажется, ничто тро́нуть не может их.
Сатиры ж пишутся как будто для забавы,
А не затем, чтобы исправить ими нравы.

САТИРА II

НА ХУДОЕ СОСТОЯНИЕ СЛУЖБЫ И ЧТО ДАЖЕ МЕСТА РАЗДАВАЕМЫ БЫВАЮТ ВО УДОВОЛЬСТВИЕ ЛИХОИМСТВА

Нет, друг мой, мочи нет, я город оставляю
И всё намеренье свое переменяю.
Чтоб место где-нибудь служить себе сыскать,
Уж скучно стало мне здесь больше хлопотать.
Год целый жил я здесь, и жил лишь по-пустому.
Пусть место то не мне достанется — другому,
Кто больше хлопотать умеет моего;
А я благодарю всем сердцем за него.
Досады столько в том и столько огорченья,
Что бросить всё пришло и выйти из терпенья.
Уж для меня и то уж скукой мнится быть,
Чтобы по городу поклоны разносить

И, выпуча глаза, пешком или в карете,
Поклоны развозить к боярам на рассвете,
И время в суете столь гнусной провожать,
И беспокоиться, досадовать, скучать.
Скучать, когда куды приедешь ты раненько
Или приедешь ты куды уже поздненько,
Иль что ты принужден часов десяток ждать,
Пока боярин твой со сна изволит встать,
И между тем в сенях с лакеями толчися
И, на бесчинства их смотря, хотя взбесися;
И всякому давай лакею ты отчет
И будто на допрос перед судом ответ,
Кто ты таков и что за нужду ты имеешь,
Коль прежде знать его ты чести не имеешь,
И тот или другой изволит вопрошать:
«Как вас зовут, сударь, и как про вас сказать?»
А наконец, прождав всё утро ты напрасно,
Услышишь для тебя известие прекрасно,
Что барин ныне-де недомогает твой,
И ехать с тем изволь на этот раз домой;
А барин только тем одним недомогает,
Что видеть никого в тот день он не желает.
Наутро ты опять к нему приедешь с тем,
О деле чтоб ему напомянуть своем
И обстоятельно об нем с ним изъясниться,
Но то ж, что было уж, опять с тобой случится.
Так должен ездить ты к нему не раз, не пять,
И с чем приедешь ты, с тем отъезжать опять.
Ты в доме всех мышей его узнать успеешь,
А видеть барина всё счастье не имеешь.
Когда ж ты наконец его увидишь раз,
Увидишь ты его лишь только что на час,
Увидишь лишь его совсем уже одету,
Бегущего скоряй чрез комнаты в карету.
В карету он бежит, а ты за ним бежишь
И дело вслед ему свое лишь прокричишь.
А он, чтоб от тебя скоряе отвязаться,
Кричит, бежа вперед: «Я стану в том стараться»,
Не ведая и сам, о ком или о чем,
И от тебя с двора долой он съедет с тем.
На следующий день идешь ты в упованьи
Услышать, что твои все сбудутся желаньи;

Но ты ошибся в том, когда сего ты ждал.
Как можно, что о том он вображать бы стал,
О чем душа его никак не знает
И знать за труд себе и пустотой считает?
Он спросит у тебя, не помня ничего,
Какое дело ты имеешь до него?
А иногда и то еще с тобой случится,
Что о себе самом вновь должен объясниться
И, кто ты именем и чином, объявить,
А он таки опять изволит то забыть.
Так должен иногда год целый ты таскаться,
Когда чего-нибудь ты станешь домогаться,
Без всех, однако же, успехов и плода;
А сверх того и то случится иногда:
К приказной ежели приедешь ты скотине
Покорнейше просить о месте или чине, —
Коль нет с тобой письма от тех, ему кто друг,
Напрасно просишь ты, имей хоть тьму заслуг,
Которы б вместо всех предстателей служили
И сами б за тебя предстателями были.
И благороден быв, — коль душ нет за тобой, —
Хоть в караульщиках поди у будки стой.
Или отставлен быв и места не имея
И будучи лишен деревни от злодея,
Продавшись в рекруты, начни опять служить,
Чтоб с чином по миру постыдно не ходить.
Ну! каково тебе всё это показалось?
Чего тебе сказать теперь на то осталось?
Не должно ли, скажи, от иску мне отстать,
Чтоб как-нибудь сует всех этих миновать?
Вот места каково и службы добиваться,
Когда не по миру захочет кто таскаться.
Иль должно взятками, коль ищешь что, успеть,
Или знакомыми больших бояр иметь.
Да взятков-то давать уметь ты должен много,
И дело взыскивай с подьячего уж строго.
И в истину, пока не дашь ты ничего,
Не выидет пути из дела твоего!
Подьячий говорит, и говорит не ложно:
«Нет, сделать этого, суда́рь, никак не можно».
Возможность дела вся лишь в этом состоит,
Когда подьячего чем и́стец подарит.

Ты взяток дашь ему, а он даст обещанье
По делу твоему употребить старанье
И скажет: «Посмотрю, я постараюсь вам».
Что ж значит «посмотрю»-то по его словам?
Посмотрит, часто ли давать ему ты станешь.
И счастлив ты, когда давать ты не устанешь,
То дело наконец твое уж как-нибудь
Старанием его пойдет, конечно, в путь.
Но если, давши раз, давать еще не станешь,
И то, что прежде дал, и иск свой потеряешь.
Вот так-то должен ты с подьячим поступать!
Но вобрази тогда, что́ можешь ты начать,
Коль с делом попадешь к кому, кто познатняе
И взятки кто берет подьячего важняе?
Тут с осторожностью ты должен поступить
И думать, чем и как пристойней подарить,
В руках которого твой иск тогда случится,
Чтобы за что-нибудь не мог он прогневиться,
Чтоб за обиду он не мог себе почесть,
Что хочешь взятков ты каких ему поднесть,
Которых гнусностью правленье почитает,
И сам он в виде их как взяток не примает.
И для того дай вид подарку своему,
Что будто ты дари́шь из дружбы то ему.
Иль прямо поступить коль хочешь ты искусно,
Чтоб подкупление твое не бы́ло гнусно,
То с тем, кому ты свой подарок хочешь дать,
Старайся в карты то ему ты проиграть.
И тут проигрывай, однако, осторожно,
Чтоб видеть с стороны сего не было можно.
Не странно ль и смешно? Убыток ты имей,
Да и иметь его искусно разумей!
Не раз, а часто мне приметить удавалось,
Хотя со мной самим того и не случалось,
Что много истцев коль к судье когда найдет, —
К такому судие, кой попросту берет
И коему поднесть без всех затеев можно,
Не поступая так, как с прежним, осторожно,
И и́стец тут тогда случится быть такой,
Который что-нибудь судье принес с собой, —
Как тот товарищей своих пережидает
И от судьи их всех, тревожась, выживает,

Чтоб без свидетелей судье подарок дать
И в ленность тем себя судейскую продать.

Сатиру, правда, я тебе изображаю
И с стороны смешной те действа представляю,
Но с чувством ежели в те действия входить,
Уж не смеяться им, а слезы должно лить.
Добро, кому еще достаток позволяет,
Что от того судья подарки принимает,
И правосудие тем должен получить,
Что наперед судью чрез взятки подкупить.
Но бедных зреть вдовиц и сирых беспризренных
Иль истцев, своего имения лишенных
И не имеющих себя чем пропитать, —
Судье последнее именье отдавать
И к воротáм его толпáми приходящих
И правосудие его себе просящих?
Иной день целый сам без хлеба должен быть,
Чтоб только чем-нибудь судью лишь подарить,
Или последнюю деревню заложити
И судие на то подарков накупити,
Чтоб к помощи себе чрез то судью склонить
И правосудие себе тем искупить.
О боже! как престол твой в небе не трясется,
Что правосудие за взятки продается!
И долго ли народ объят твой будет злом,
И что не мстит поднесь за праведных твой гром?

Но я оставлю то плачевно вображенье,
А поступлю с тобой в другое рассужденье:
Хочу теперь с тобой про службу говорить.
Какою думаешь ее ты вобразить?
С которой стороны ты на нее взираешь?
И много ль ты найти хорошего в ней чаешь?
Не думаешь ли ты, что тоже и она
Неистовств и коварств и хитростей полна?
Ах! не ошибся ты, коль так ты вображаешь
И службу быть такой, к несчастью, почитаешь.
Не думаешь ли ты по службе счастлив быть,
Коль будешь ревностно и верно ты служить,
Когда прямою ты, служа, пойдешь дорогой
И будешь истины ты наблюдатель строгой?

Никак. А ведай ты: чтоб счастливо служить,
Не честный человек — бездельник должен быть
И все коварные искать стараться средства;
А ежели не так, то не минуешь следства.
Восстанет всех против тебя плутов число,
Которых в службе всё лишь в плутнях ремесло,
Все воры на тебя тогда вознегодуют,
Зачем и ты не вор, коль в службе все воруют.
Всего же ненависть тем легче получить,
Коль будешь ревностно и прямо ты служить.
Когда ленивы все, и ты́ ленив тож буди
И службу исправлять все выдумки забуди,
Иль выскочкой тебя тотча́с все назовут,
А дело совершить при всем том не дадут,
А, напроти́в того, мешать стараться станут
И действовать против тебя не перестанут,
Пока не станешь ты под их же строить лад;
А и́нако — так ты не будешь жизни рад.
Купец простой тебе в том деле помешает,
Где пользой царской он прибыток свой теряет,
И твой проект, когда в нем частной пользы нет,
Не выйдет вечно в свет, хоть под сукном сгниет.
Воруй, да так, чтобы с другими поделиться;
Когда напасть тебе такая приключится,
Что будешь в воровстве в тюрьму ты посажен, —
Ты будешь из тюрьмы, конечно, свобожден;
Не только от тюрьмы: когда ты подели́шься,
От виселицы ты само́й освободишься.
Судья к тебе в тюрьму день наперед придет,
Когда уж срок тебя на виселицу ждет,
И станет говорить в цепях сидящу вору
Без всякого стыда, без всякого зазору,
Без вымышления на то кудрявых слов,
Без околичностей и без обиняков:
«Ну вот, ведь по суду совсем ты обличился
В том деле, в чем донос сей на тебя случился,
И по суду совсем уже ты обвинен,
И к наказанию по делу осужден,
И средства нет тебе уж боле оправдиться.
Но слушай: хочешь ли со мной ты поделиться?..
В остатке ль что-нибудь еще из денег тех?..
Так пополам уже, добро, пусть будет грех...

Мы говорим теперь с тобою по приязни,
Отдай остатки мне и уж не бойся казни».
Вор мой не только прав и казни свобожден:
Глядишь, еще и в чин мой вор произведен.
Да как же дело-то очистить будет можно?
Доносчик доносил, тогда напишут, ложно.
Вот путь один, чтобы, коль хочешь ты служить,
Безбедно, без хлопот и счастливо прожить.
Не вымыслы я здесь читателю сплетаю,
А истинную я, к несчастию, вещаю.
Когда ж способности в тебе нет воровать,
Так должность сводника старайся отправлять.
Одно чего-нибудь ты должен научиться,
Коль людям и себе на что-нибудь годиться.
А быть льстецом, — о том уж что и говорить?
Уж тем положено, как по закону, быть.
А больше будь знаком с большими господами
И их иметь себе старайся ты друзьями,
Чтоб ими и себя и место удержать
И от напастей чьих по службе не страдать.
Нет, нет, уж я сказал и снова повторяю,
Что место я искать и город оставляю.

САТИРА
НА ПРИБЫТКОЖАЖДУЩИХ СТИХОТВОРЦЕВ

«Опять ты за стихи», — мне некто говорил,
Как в руку я перо с бумагой ухватил.
«Так, за стихи, мой друг». — «Не оду ли какую
Похвальну написать ты думаешь такую,
Чтоб громки нынешни победы описать
И победителей в них славу воспевать,
С другими наряду о их делах гласити?»
— «Ты вздумал надо мной, я вижу, подшутити.
Нет, ошибаешься. Я оды чтоб писал
И славу сих мужей великих воспевал,
Которые пример людей великих стали,
Тех, коих в древности великими считали,
Которы славою весь удивили свет
И будут удивлять до самых поздных лет!

Нет, нет, я не хочу никак прослыть скотиной,
Вороне карканьем не петь свист соловьиный;
Орловых, Паниных, Румянцевых чтоб петь,
Великих сих мужей и должно дух иметь.
Вещать, как тот врагов был флота истребитель,
Как победитель тот врагов и примиритель.
Как Панин вечно флаг российский тем прославил,
Что на стенах взвевать Бендер его заставил.
Нет, нет, на труд такой моих не станет сил,
А льстить и нагло лгать я вечно не любил
И соплетать хвалу, достоин кто презренья.
Кричати, например, без всякого зазренья:
«Се воин истинный и се прямой герой!
Им, им-то низложе́н врагов был сильный строй!»
Кто неприятеля и имени боялся,
Не только чтобы с ним он как герой сражался;
Коль, например, скажу, что город штурмом взял,
С погонщиками кто в пустой в него вбежал
И «ви́ват!» на валу кричал на всем просторе, —
Что скажет свет тогда о сем подобном вздоре?
Иль если орден кто за лошадь получил,
Котору к месту он, по счастью, подарил,
А я скажу, что тот за храбрость орден носит,
Кто трусостью своей военный чин поносит, —
Ведь осрамят меня и скажут, что мой стих
Из гнусных сочинен прибытков лишь одних.
Так, как и в истину почасту то бывает,
Что жадный стихоткач героем называет
Кто низким был таким буяном иль борцом,
Каким он сделался из прибыли творцом.
И по заказу он стихи свои слагает
И только рифмы лишь без смысла прибирает,
Как чеботарь или так точно, как портной:
Тот шилом строчку сшьет, а этот шьет иглой,
Когда к дню праздничну обновку кто сшивает,
А без обновки век, как праздник, не бывает,
А праздник без обнов и в праздник что́ считать.
Не слава слава та, стихов где не видать,
Хоть слава важностью и разная бывает:
Иная целый свет собою удивляет
И так громом чрез всю вселенную гремит;
Другая из угла лишь в уголок шипит,

Но должно и сию стихами увенчати,
А благо, есть ткачи, кому стихи соткати.
Стихам чтобы поспеть, потребен лишь заказ
И запечатанный монетами приказ.
Так, чтоб не осквернить мне глас чистейшей лиры,
Не могши похвалить, хочу писать сатиры.
Не в силах будучи достоинства хвалить,
Хочу беспутства я и дурости бранить.

САТИРА НА ПОКЛОНЫ

Смешон ты мне, мой друг, рассказами своими:
Ты суетами весь вскружен еще людскими
И думаешь меня с собою тож кружить?
Я б и тебя от них желал освободить,
Не только самому еще им быть причастну.
Нет, полно глупостям людским мне быть подвластну,
Хочу и для себя на свете я пожить.
Кружися ты, а я хочу в покое быть.
Несносно мне смотреть на суеты все стало.
Мне скуку уж и то несносную нагнало,
Как я подумаю, кружившись в куче той,
Что ум теряет свой, гоняясь за мечтой.
Ведь то одно уже и скучно и несносно
И чести самыя, по правде, так поносно,
Когда на глупость ту поближе посмотреть,
Ведь должно со стыда, как говорят, сгореть.
Возьми лишь ты одни о праздниках поклоны,
От коих никакой отбыть нет обороны,
И прямо посмотри, что делают в те дни.
Ведь дурости тогда увидишь ты одни.
Встав до заутрени ты в праздник, уберися
И так, как бешеный, ты по́ городу мчися.
Карета хоть в щепы, хоть лошади падут
Иль самого тебя, взбесившись, разобьют.
Глаза с бессонницы вид кажут пьяной рожи
Иль на подбитые на всех на вас похожи.
Там, смотришь, колесо долой на всем скаку,
Там — оси пополам, карета на боку.

Постромки тут трещат, завертки тамо рвутся,
Кареты взапуски с каретами несутся,
А промеж них, глядишь, еще и сани вмиг,
Откуда ни взялись, вперед туда же шмыг.
Иной на бегуне последний рубль проскачет,
Хоть дома с голоду его хозяйка плачет.
При бережи своих уставленных кудрей
Тот без щеки, другой без носу, без ушей.
Шум, свист по городу и вопли раздаются
И вдоль и поперек по улицам несутся.
«Ступай, ступай, скоряй!» — повсюду слышен звук,
И топот лошадей, и лишь каретный стук.
Вся сила конская в пары́ уж исчезает
И город облаком, как мраком, покрывает.
И всё на тот конец, поклон чтоб развезти,
Как будто чтоб себя тем от беды спасти.
Скачи от барина ты одного к другому,
А поглядишь, так ты скакал лишь по-пустому:
Боярин к барину другому ускакал,
И ты его уже, к несчастью, не застал.
К несчастью подлинно: назавтре он косится
И ищет, чтоб к тебе по делу прицепиться.
Спасение твое — покорность лишь пред ним.
Нет, благодарен я советам всем твоим.
Не выманишь меня в неволю ты из воли.
И не хочу своей переменить я доли.
Блаженнейшая жизнь в свободе состоит,
И всех тот больше, кто никем не повелит.
Я со двора иду тогда, когда мне нравно,
И то туда, где мне приятно и забавно,
А не стоять, как раб, пред барином каким,
Который раб опять пред барином другим.
Ну что? Чему ты рад? — Тут смеху нет нимало.
Я правду говорю — тебе смешно лишь стало.
А мне так, право, нет, и всякий скажет то ж,
Кто на глупца своим рассудком не похож.
Скажите, отчего то идолослуженье
Давно презренное у нас обыкновенье?
Когда бы знали вы, как думают о том
Бояра знатные, зря в праздник ваш содом,
И каково они о всех тех рассуждают,
Поклоны отдают и кои принимают, —

Престали б больше вы поклонов развозить,
Чтоб низкого об вас бы мнения не быть.
Дивлюсь, что вас они на двор еще пускают,
Уж скучны вы им всем, хоть вас и принимают.
К поклонам низка страсть лишь в маленьких чинах
И в низких мыслию и разумом душах.
А мне порукой кто, чтобы мне над собою
Их повелительми не видети толпою?
Куды я с головой своей поспел тогда?
Ведь скажешь подлинно, что встань, ни ляг —
беда.
Без всякия вины виновником ты будешь,
Коль к командиру быть ты в праздник позабудешь;
А чтоб опасности избавиться мне сей,
Живу я для себя и для моих друзей.
Вот шутку лишь тебе я рассказал едину,
А истинну тебе открыть ли мне причину,
Зачем не хочется мне более служить?
Но нет, причин мне всех не переговорить.

САТИРА

НА ЧЕСТНЫХ И УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ, ЧТО ОНИ К МЕСТАМ ГОСУДАРСТВЕННЫМ НЕ СПОСОБНЫ, ИЛИ САТИРА НА ИЗРЕЧЕНИЕ НЕК⟨ОЕГО⟩ . . . , ЧТО ЛУЧШЕ К МЕСТАМ ОПРЕДЕЛЯТЬ ЛЮДЕЙ НЕ ЗНАЮЩИХ, А СМИРНЫХ

То подлинно, что так, ты правду говоришь,
И так, как должно, Клит, на это ты глядишь:
Несносен в обществе разумный иль ученый.
Ведь в обществе вся связь — друг другу угождать
И в нужде помощи друг другу подавать.
А от ученого иль умного когда
Дождешься этого плода?
По книгам только он и по уму живет,
А в прочем так ни в чем ему и нужды нет.
Когда случится, что кто спроста погрешит
Или нарочно кто, случится, что сшалит,
Он без пощады уж того и охуждает
И как негодного во обществе марает.
Не без чего еще, они же всё хотят
По службе важные места собой занять.

Пропали бы мы все, куды бы нам деваться,
Ведь прямо бы пришло с сумою всем таскаться!
Теперь таки и мы и сами наживаем,
Да и других своей наживой соделяем,
И так взаимну мы угодность всем творим:
И сами мы берем, и брать другим велим.
Ведь и пословица старинна говорит
И в пользу общу вот как поступать велит:
Друг обо друге жить, а бог-де обо всех.
А у ученого и то уж будет грех,
Когда за дело брать ты станешь должну плату.
А про казенну уж не говори утрату,
Не смей и про нее подумать никогда,
А то беда.
Ведь молвить правду, так ужель казна разорится,
Что тот или другой от ней поущечится?
И, Клит! Не нами началось и кончится не нами,
Один бог без греха, а нам не быть богами.
Нет, подлинно что так, как некто рассуждал
И по местам людей служить распределял:
Что лучше смирных-де к местам определять,
А не ученым их и умным отдавать.

НА КОРЫСТОЛЮБИЕ

Корыстолюбие, погибель смертных всех
Среди дней горести, печали и утех,
Неистовств злая мать, погибельная страсть,
Всем смертным на земле лютейшая напасть,
Рушительница благ и общего покоя,
Предмет царей, раба, министра и героя, —
Доколь людей тебе несчастными творить,
Терзать, тиранствовать и целый свет губить?
Сие чудовище, по свету простираясь,
Пределов оного повсюду прикасаясь,
Лежит, из уст своих пуская сладкий мед,
За коим страшные змии ползут вослед.
Из челюстей своих яд огненный пускает,
Которым, выпустив, всех смертных заражает,

Сокровища уж все имея под собой,
Но вечно алчный взор не насыщает свой.
Сим ядом смертные на свете заразились
И против естества злодейством воружились.
При нем нет ближнего, при нем нет и родства,
И рушится при нем порядок естества.
При нем долг дружбы друг ко другу забывает
И брату брат себя злодеем объявляет.
И плачет сирота во бедности своей
И гибнет, но никто, никто не внемлет ей.
Тьма гласов страждущих вселенну наполняют,
Но тщетно помощи, рыдая, ожидают.
Не чувствует никто другого <...> напасть,
Лишь всякий чувствует его тиранску власть.
Но возведем свой взор в злаченые пределы,
Где исходящие из уст слова суть стрелы,
Которы, излетев, тьму смертных прободают
И лютостью своей погибель устрояют.
Там царствы целые в пустыни обращенны,
Народы их в крови своей там потопленны,
И что причиною? Чтоб алчность насытить
И, мня заграбить всё, всего себя лиш<ить>.

ПИСЬМО К г. К., СОЧИНИТЕЛЮ САТИРЫ I

Ну вот, не правду ли тебе я говорил,
Как не хотел, чтоб в свет сатиру ты пустил?
Кто правду говорит — злодеев наживает
И, за порок браня, сам браненым бывает.
Кто, говорят, ему такое право дал,
Чтоб он сатирою своею нас марал?
Вот как твои теперь злодеи рассуждают,
И о тебе вот так они все заключают:
Он хитрый человек, опасный, вредный, злой.
И бегают тебя, как язвы моровой.
Другие хоть в тебе тех качеств не находят,
Да только вот тебе в проступок что приводят:
Пускай бы, говорят, что хочет он писал,
Да только б никого лицом не называл,
В смертельный грех тебе сие одно считая,

Но, впрочем, разные их толки оставляя,
Я тоже говорю, что в этом ты не прав.
Ты, вором Вредова в сатире въявь назвав,
Ему назвать других воров чрез то мешаешь
И способов его чрез это всех лишаешь,
Чтоб собственный порок на ближнего сложить
И многих и других с собою обличить.
Пожалуй, этого не делай ты вперед.
Тот, кто сатирою порочных осмехает,
Не называя въявь, число их умножает:
Всяк на свой счет тогда насмешку ту берет,
Кто внутренно себя виновным признает.
Когда же именно кого ты называешь,
Как будто большего числа глупцов не знаешь,
И тот, кто от твоей сатиры бы дрожал,
Подумает: «Я прав, меня он не считал».
Вот Рубов, например, Косницкий, Канпаровский,
Весевкин, Ликошев, Храстов и Флезиновский, —
Все, сколько б ни было писателей дурных, —
Когда б не на́звал ты всех поимянно их,
Ужли дотудова б они так дерзки были
И собственну хулу к другим бы относили?
Какой ты человек! Что, разве мудрено,
Когда им знания и вкусу не дано?
Когда б ворона крик свой гнусным почитала,
То б с пеньем соловья его бы не мешала.
А это сносно ли со стороны сносить?
И дерзость надобно такую прекратить.
И там, где соловьям вороны петь мешают,
Там без пощады их и ловят и гоняют.
А что бездельников кольнул я пером, —
Кто честен, думаю, не будет мне врагом.
Когда бы на меня кто, например, озлился,
Что мной глупец или бездельник обличился,
То стану и его равно подозревать
И тож бездельником или глупцом считать,
И имя и дела его изобличая.
А если про кого хоть явно не скажу,
Тихонько на того хоть пальцем укажу,
Дам свету знать о нем, дела его вещая,
Такими новые картины умножая.

ПИСЬМО

Вот как, мой друг, судьба играть изволит нами;
Мы нехотя ее окованы цепями.
Я полагал было себя определить,
Чтоб сходно с склонностью моею век прожить:
В науках, например, приятных упражняться
И светских всех сует как можно удаляться,
То с равнодушием об оных размышлять,
А иногда пером их тайно осмеять.
Да Львов мне не дал жить, как жить бы мне желалось
(Отчасти он и прав, мне после показалось).
«Послушай, — он сказал, — совета моего:
Без денег ум не ум и знанье ничего,
А от наук одних ты не разбогатеешь
И потеряешь то еще, что ты имеешь.
Стихам себя хотя утешно посвятить,
Да бойся по миру ты от стихов ходить.
Нет, сделай наперед себе ты состоянье».
Итак, вхожу теперь в большое то познанье,
Как деньги, сильну власть всего, приобретать
И ими всем тогда по воле управлять.
Представь себе, что я чрез деньги делать стану:
Всё будет моему покорствовать карману.
Вот первое, что я хочу тогда начать:
Хвостов подкуплен быв Фонвизина ругать,
Я передам ему, чтоб больше не бранился,
Стихи бы не срамил и сам бы не срамился:
«Чем больше будешь ты Фонвизина бранить,
Тем больше будешь ты его чрез брань хвалить.
Ты сам его, скажу, хоть втайне почитаешь,
Да въявь затем бранишь, что плату получаешь».
И мой Хвостов тогда не только замолчит,
Но брань подкупщику он тут же сочинит.
В театрах, например, я сколько их ни знаю,
Так неустройство в них большое примечаю;
А чтоб порядок в них с устройством виден был,
Я <в> ложи и партер за всех бы уплатил
И впуск позволил бы иметь по рассмотренью,
Сказавши зрителям-невежам к устыженью:
«Вы, кои Талию сбираетесь смотреть,
Уж полно вам пред ней в невежестве шуметь,

Слова ее глушить рассказами своими
И зрителям скучать нелепостьми такими.
Те, кои, зная вкус в игрáх богини сей,
Приходят ей внимать, а не шуметь пред ней, —
А вы, сюда вошед зачем, не зная сами,
Ступайте тешиться вы с прочими глупцами.
Театр вам говорит: ступайте прочь отсель
Смотреть на игрища в опальный карусель!»
Вот так бы всяко зло, где только показалось,
Чрез выкуп деньгами всё больше уменьшалось.
Карману царскому, ты скажешь, должно быть,
Когда чрез деньги зло хотеть всё выкупить;
Нет, силам буду я своим собразоваться;
Иному злу уж злом и будет оставаться.
Когда б казна царей зло выкупать могла, —
Так уж давно следов не видели бы зла.

ОДА НА ПОДЬЯЧИХ

Подьячих всяк бранит, поносит
И род их плутовским зовет
И им в ругательство возносит,
Что меры их бездельствам нет,
Что будто всяк от них страдает
И от крючков их погибает,
Что, словом, все беды от них —
Вот как описывают их.

Однако, прямо коль признаться,
Напрасно столько их бранят,
Досадуют на них и злятся,
Казнить и вешать их хотят.
Я тотчас пользу их представлю
И вас самих сказать заставлю —
Не в пользу ль многим плутни их,
Хотя и злобствуют на них?

Иные случаи бывают,
Где нужна много помощь их, —
Тут просят их, тут и ласкают

И вспоможенья ждут от них,
Коль перетолковать уставы,
Коль превратить закон и правы
Иль обмануть в суде судей
Для пользы собственной своей.

Когда на конной торг бывает
И если лошадь кто купил,
Указ тогда повелевает,
Чтоб пошлину тот заплатил.
Но если дорог конь случится,
Ведь пошлиною разорится.
Подьячий тотчас даст совет:
Конь в сто рублев за рубль пойдет.

Когда кто в плутнях обличится,
За кои самый кнут грозит,
С подьячим должно подружиться:
Он плутни в честность превратит;
Он по указам обвиняет
И по указам оправдает:
Что криво — назовет прямым,
Что прямо — назовет кривым.

Напрасно на подьячих взносят,
Чо взятки будто бы дерут,
И честь подьяческу поносят, —
Они отнюдь их не берут.
Все вот о них что утверждают
И вот чем пуще нападают,
Ссылаясь на указы в том,
И все хотят, чтоб их кнутом.

Указы взятки запрещают
И строго взыскивают их;
Подьячие и наблюдают
Законов строгость точно сих:
Брать взятки взятками не можно
(Вот что заказано неложно),
Подарки же по дружбе брать —
На то указа не видать.

Не должно на подьячих злиться
И честь их столько порицать,
Когда просить от них случится,
Чтоб в нýжде помощи подать.
Бояра сами их не любят,
Но почесть им они ж сугубят,
Чтобы напастей избежать
И от крючков их не страдать.

Подьячие весьма полезны,
Хоть что про них ни говорят:
Они бездельникам любезны,
Пусть честные их все бранят.
Давно б иной кнута отведал,
Давно б законов власть изведал,
В бездельствах ставши обличен,
Не быв подьячим защищен.

Итак, к подьячим прибегайте,
Которым кнут и впредь грозит,
Как можно взятки им давайте:
Они спасенье вам и щит;
Они вам век защитой будут
И вашу дружбу не забудут,
Доколь пребудет в них живот
И их не изведется род.

ОДА НА НЕИСТОВСТВА ЛЮДСКИЕ

Воображая прямо свет,
Ужасен мне он становится,
Что добродетели в нем нет,
Что всюду зло лишь только зрится.
Мы люди — и губúм людей,
Затеи злы — против затей,
И зло от нас и к нам стремится.

Кого сегодня мы браним,
Кого сегодня порицаем,
С тем завтре ж дружно говорим,

Того же завтре мы ласкаем
И ту же поврежденну честь,
Сплетая нову ложь и лесть,
Честей всех лучшей называем.

В обманах вечных жизнь ведем,
От лести к лести переходим
И только в обращеньи сем
Мы утешение находим.
Кого как лучше провести,
Других столкнув, себя взвести, —
Вот в чем мы век свой весь проводим.

Воззря на тьму неистовств сих,
На страшны действия людские,
На гнусность дел и мыслей их,
На их сердца и души злые,
Я человечества страшусь;
Сам человек, себя боюсь,
И тени страшны мне людские.

ОПИСАНИЕ ЧАСТНОЙ СКУПОСТИ

«Кремнев в отчаяньи! Что сделалось ему?
Поможем, братцы, мы несчастному сему.
Что сделалось тебе, Кремнев?» — всяк вопрошает,
Кремнев лишь то твердит и только отвечает:
«О, горе мне! беда! и зляе всех мне бед!
Час о́т часу уж день короче станови́тся.
Так сколько должно свеч сожечь, чтоб осветиться!
Пришло именье всё мне положить на свет.
Вот что меня теперь терзает, мучит, рвет.
Лишь вспомню — как ножом по горлу кто черкает
И всю мою во мне утробу раздирает».
Так, помощи тебе не можно учинить,
Коль хочешь зимний день ты в летний претворить.

ПЕРЕЛОЖЕНИЕ ПСАЛМА ЛОМОНОСОВА

Можно ли, что обитает
В доме светлом близко звезд,
Что из смертных населяет
Пребыванье злачных мест

Тот, кто ходит препорочно,
Криво на людей глядит
И коварным сердцем, точно
Как языком, говорит;

Кто словами всех прельщает,
А на деле всем во вред;
Сети хитрые сплетает,
Чтобы в них увяз сосед;

Призирает всех лукавых,
Гонит искренних рабов
И притворством всех неправых
Держится коварных слов;

Дел прегнусных не стыдится,
Людям тьму сплетает бед,
И тем больше веселится,
Чем он больше сделал вред.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ОДА

НА СЛАВНУЮ ПОБЕДУ, ОДЕРЖАННУЮ ПОБЕДОНОСНОЮ АРМИЕЮ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НАД НЕПРИЯТЕЛЕМ ПРИ ГОРОДЕ ЖУРЖЕ, И НА ЗАВЛАДЕНИЕ ОНОГО ГОРОДА ФЕВРАЛЯ 4-ГО ДНЯ 1770 ГОДА

Воспой, о Муза! снова ныне
Дела героев росских нам,
Что в славу нашей монархи́не,
Дай волю разным голосам.
Делам ее примеров нет,
Чему дивится целый свет.
Что сделать веки не могли,
То малая частица оных
Днесь учинила в самых новых,
Где чудеса произошли.

Как на бурливом океане
Волны за волнами бегут,
Так славные днесь россияне
Победу за победой ждут.
Когда орканы разъяренны,
А разъярясь, неутомленны
И в недрах океана рыть.
Подобны россы сим орканам,
Что с Мустафою агарянам
Грозят их гибелью покрыть.

Трясенье за трясеньем стало
У них от росских сильных рук,
И ужас, страх им удвояло
Екатерины имя звук.
Тут попраны совсем злодеи,
Истреблены их все затеи,
И бегством мало лишь спаслось:
Российски Марсовые дети
Мечом что не достали в сети,
В Нептунов край отправилось.

Минерва, россов героиня,
Премудрость воинам соделить,
Их неусыпна монархиня,
Чтоб стадо сра́цин поразить.
Марс с мусульманами играет,
Как прах повсюду рассевает
Посредством росских громов сил.
Уж не толпами в россы рвутся,
Нет, бегством, думают, спасутся;
Но кто из них не жертвой был?

Так в мире действует Спаситель,
Храня против неверных сил,
Своей всей церкви защититель,
Екатерину укрепил
Десницею над вра́гом сильной,
Премудростию изобильной,
Чтоб мусульманов покорить.
Се ныне вся Европа видит,
И весь земной наш шар услышит,
Чтоб Мустафе покорну быть.

Восхищены днесь подданны́е,
И слезы радости текут;
Играют лиры согласные,
Монархине хвалу поют.
Брега Невы-реки смеются,
Воздвигнуться с своих мест рвутся,
Свои тем чувства доказать.
Во всех сердцах пылает радость,

Предметы мыслей, воинов храбрость, —
Чем вовсе Мустафу пожрать.

Виват! все дети возглашают,
Екатерина, наша мать,
И агарян тем ужасают,
Стремясь оружием попрать.
Враги хоть сильно разъяренны
И от врагов же поощренны,
Мнят тьмою толп победу взять;
Но лишь едва на то польстятся,
Как воины россов все стремятся
Самих их обращати вспять.

От ига агарян жестоких
Валлохия свобождена,
Твоих слез ток унять прегорьких
Державе Росской вручена.
Молдавия, как ты страдала,
С тобою купно воздыхала;
Но век сей грозный ваш протек.
Россия всех вас избавляет,
От тяжких бре́мян свобождает,
Что Мустафа носить прорек.

Уж агаряне днесь теряют
Обширность областей своих, —
Герои россов их лишают,
Побед распространяя сих.
Валлохию не удержали,
Как Хотина лишенны стали,
Сколь ни был сильно укреплен.
Мустафа с ужаса трепещет
И мнит, что он еще обрящет,
Как будет Стамвуля лишен.

ОДА

НА СЛАВНУЮ ПОБЕДУ, ОДЕРЖАННУЮ ПОБЕДОНОСНЫМ ОРУЖИЕМ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА НАД ТУРКАМИ И ТАТАРАМИ ПРИ УСТЬЕ РЕКИ КАГУЛЫ, ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВА ВЫСОКОПОВЕЛИТЕЛЬНОГО ГОСПОДИНА ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА ПЕТРА АЛЕКСАНДРОВИЧА РУМЯНЦЕВА, ИЮЛЯ 21, 1770 ГОДА

О день, геройством освященный!
О беспримерный день в веках!
День, славою неизреченный!
Величественный день в делах!
Который показать вселенной
Триумф каков сей несравненный,
Поднесь, как чудо, сохранил;
Дабы героям предоставить
Российским, коих бы прославить
Премудрость, мужество и сил.

О торжество неизреченно,
В восторг влекущее весь мир!
Воспеть геройство несравненно
Устрой своих, о Муза, лир!
Воспой героев несравненных
И прославляй тьму дел отменных;
Во все страны́ концов земных
И естеству и всей природе
Яви и дай узреть в сем годе,
Что нет подобных им других.

Как ясно солнце воссияет,
При всходе мрачность истребя,
И слабый блеск звезд пожирает,
Свет полны<й> миру предъявя,
И темнота, и мгла скрываясь
И от лучей дневных теряясь,
Другой совсем являет вид
И, всю природу пременяя,
Блестящим светом озаряя,
Рождает, радует, живит, —

Так ныне и Екатерина,
Сынов российских щедра мать,

Геройством, мужеством едина,
Стремится светом тьму попрать.
Собой Россию озаряя,
Врагов, злодеев истребляя,
Взвела на высшую степень
Геройство непреодолимо,
Что никогда не было зримо,
Как в сей счастливый ею день.

Хотя герои и сражались
На бранях, свет пока стоит,
Хотя победы совершались,
О коих вечность говорит,
Но кои могут сей сравниться?
Героям в мрак всем должно скрыться,
Сказав: подобных в мире нет
Ни в войнах толь героев славных,
Ни совершенств в победах главных,
Которых лишь считает свет.

Вещайте, всей вселенной звуки,
Чудес и дел великих сих!
Простря Россия к небу руки,
Речет: «Я чад взведу своих;
Премудростью Екатерины
Послушны мне моря, пучины,
Не страшен мне и сопостат.
Продли, о боже, лишь блаженство
И дай царице совершенство
Узреть времян позднейших чад!»

Венцы победоносным вьются
За несравненных сих побед;
Враги скрежещут и грызутся,
Что мзду воздать им средства нет.
Не только сами побежденны,
Но и всего того лишенны,
Чем можно брани продолжать.
Так сокращает сил неверных
Героев племя беспримерных,
Кончая славой кровну рать.

Стремглав летит поганска сила,
Оставшая с долин и гор,
Стремясь бежать к пределам Нила,
Но там находит тож упор.
Прибежище повсюду ищет
И, как в побеге стадо рыщет
Зверей от страшного бойца,
Так кроются толпы поганых
Ага́рян с ужасом, попранных,
От россов светлого лица.

Где, Мустафа, твое свирепство,
Которым россов мнил пожрать?
Где злых яны́чар ярость, зверство?
Еще ль ты мыслишь восставать
Против мужей непобедимых,
Противу войск, полков орлиных,
Их уповая победить?
Нет, зри российские здесь строи,
Екатеринины герои —
Возможно ль вред им причинить?

Хотя бы сколько ни страшила
Злодеев грозная напасть,
Богиня их уже скрепила,
Десницу дав им, мочь и власть,
Не только чтоб себя хранити,
Но и врагов самих вредити
И мзду за злость им воздавать,
Которые, против восставши
И брань неистову начавши,
Помыслят россов побеждать.

Познай, вселенная, трофеи
И с ужасом взведи свой взор
Туда, где попранны злодеи,
Как змии, кроясь, ищут нор,
Кричат: «Укройте нас, укройте
И путь к спасению устройте,
За нами гибель вслед бежит!»
И как победоносным ликом

Герой, по торжестве великом,
С улыбкой на злодея зрит.

Греми в восторге, громка Муза,
Устроя сладких лиры струн;
Вещай с всеобщего союза,
Что вредны<й> поражен Перун;
Что Марс, быв зритель, сам чудился,
Когда на брани сей явился,
Российских храбрости сынов —
Как мужеством их лик блестящий
И к торжеству их дух спешащий
Губил и попирал врагов.

Бессмертна слава возрастает
И да пребудет в век веков!
Неистовых род исчезает
От рук царицыных рабов,
И новый свет явится вскоре.
Открыли путь земля и море,
Обитель нову чтоб явить
И предальнейшия границы
Российския императрицы
Врагов — в подданство поручить.

СИЯТЕЛЬНЕЙШЕМУ ГРАФУ АЛЕКСЕЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ ОРЛОВУ,

ГЕНЕРАЛ-АНШЕФУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГЕНЕРАЛ-АДЪЮТАНТУ, КАВАЛЕРГАРДСКОГО КОРПУСА ПОРУЧИКУ, ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКУ ПОДПОЛКОВНИКУ И ВСЕХ РОССИЙСКИХ ОРДЕНОВ КАВАЛЕРУ НА ВТОРИЧНОЕ ИЗ АРХИПЕЛАГА В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ ПРИБЫТИЕ

Ты славы вечныя предшествуем трубой
И в лаврах возвратясь в отечество, герой!
Не мни, чтоб ты его, как прежде, днесь оставил,
Свет новый побеждать стопы свои направил
И, паки нашею богиней вдохновен,
Летел на брань от нас, геройством вспламенен.
Перед монархиню народ тогда предстанет
И умолять ее монаршу волю станет:
«Богиня росских стран, Минерва на земли!

Внемли народа глас усерднейший, внемли!
Довольно Марс уже сиял на ратном поле,
Да ныне при твоем сияет он престоле.
Иль повели, чтоб нам его остановить:
Мгновенно мы сие возможем учинить.
Герой! остави мысль, чтоб с нами вновь
расстаться, —
Стремленье тщетно то, ты должен здесь остаться.
Лишь часть твоих трофей, Орлов, мы соберем —
Отечество мы все преградой обнесем.

ПИСЬМО К ДРУГУ МОЕМУ ЯКОВУ ДАНИЛОВИЧУ Г<ОСПОДИНУ> МЕРЛИНУ

НА ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЕГО ОКТЯБРЯ 1 1772 ГОДА

Проходят времена и нас с собой влекут,
И смертные за днем всегда другого ждут, —
Всегда желанием исполненны забавы,
Но редко истинной себе достигнуть славы.
Того льстит золото, другого пышность, честь;
Иной желает льсти и сам подносит лесть,
Сам будучи рабом, других порабощает,
Желает другом быть, но дружбы сам не знает.
И словом, в суете проводим мы свой век.
Так живши, кончит жизнь без пользы человек!
Но мудрый цель себе такую избирает:
Он жизни по себе трудов плод оставляет,
Быв пользой сам себе и пользой всем другим.
Зачем мы, смертные, не все сие творим?
Мерли́н, твой паки день рожденья обновился.
Скажи, чем ты в сей год прошедший отличился?
Отличен многим ты, — дозволь мне то сказать
И тщись достоинствы свои сам познавать.
Я собственны твои слова здесь повторяю,
<И> сам о точности всегда их помышляю:
Что сколько в свете кто счастливым ни слывет,
То в самом счастии несчастливо живет.
Все в суете свой век и в горести проводим
И редко точного блаженствия находим.
То правда, но себе ль на свете мы живем?

Иль тягость жизни мы для общества несем?
Нет, числи ты себя хоть юношей годами,
Но мужем числят тя все добрыми делами.
Каким же образом льзя будет утвердить,
Что всякий, кто живет, бессчастным должен слыть?

СТИХИ
НА ИМЕНИНЫ МИХ⟨АИЛА⟩ ФЕОД⟨ОРОВИЧА⟩ СОЙМ⟨ОНОВА⟩

Текуще из веков небесное светило
Дражайший паки день с собою возвратило,
В который ты, когда на свет сей жить вступил,
Младенческой душой для всех любезен был.
Какую радость днесь о сем те ощущают,
Которые к тебе усердием пылают!
Всяк, кто родством к тебе и дружбой прилеплен,
Всяк торжествует днесь и духом восхищен.
Что правду я тебе вещаю, в том свидетель
Хранимая самим тобою добродетель.
О солнце! возврати еще на много лет
Сей драгоценный день, даруя миру свет!

СТИХИ,
ПИСАННЫЕ В ПИСЬМЕ К НИК⟨ОЛАЮ⟩ АЛЕК⟨САНДРОВИЧУ⟩ ЛЬВОВУ В МОСКВУ ⟨17⟩75 ГОДА АПРЕЛЯ 3

Пришествие весны стараясь ускорить,
Палящий Феб лучи свои с Олимпа мещет.
Борей в суровости не хочет уступить
И власти Феба не трепещет.
Феб днем Борея труд губит,
Борей то по ночам над Фебом же чинит,
И спор сей долго уж меж ими пребывает.
И так от строгой распри сей
Весна нам вид красы своей
И прелести еще поныне всё скрывает;
Но Феб, однако же, уж скоро победит
И власть сурового Борея укротит:
Он бег от дня до дня свой выше направляет.

ПЕСНЬ ПОХОДНАЯ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО ПОЛКУ

Выступим, робята, в поле:
Полно нам в квартирах жить;
Полно веселиться боле,
Время службу нам служить.

Командирска с нами воля,
И его над нами власть:
Слушаться — солдатска доля,
Уж такая наша часть.

И о чем бы нам встужиться,
Что в поход велят сходить?
Станем только веселиться
И исправно все служить.

Ничего мы не теряем:
Всё, что наше, то при нас;
Мы домов не оставляем,
Ни поместья, ни запас.

Государь нас одевает,
Нас велит кормить, поить
И за службу награждает, —
Так о чем же нам тужить?

Что ж, с сударками расстаться —
Нам придется горевать:
Уж не в первый раз свыкаться
И опять их покидать.

Только б до квартир добраться —
Сыщем там опять других;
Станем с новыми свыкаться
И полюбим так же их.

А теперь, робята, полно
О сударках горевать;
Потужили — и довольно,
Станем бодро выступать.

Если ж нам случится драться
С неприятелем когда,
Станем дружно защищаться:
Мы побьем его всегда.

Посреди войны кровавой
Станем, братцы, вспоминать,
Что нас провожали с славой,
С славой станут и встречать.

Скажут: «Детушки, подите!
Уж давно мы ждали вас,
Благодарность получите,
Что дралися вы за нас».

Так-то, други, всяк нам скажет,
И нас станут почитать.
Государь же нам прикажет
По медале всем раздать.

И тогда мы друга мила
Станем, братцы, обнимать;
А кому своя постыла,
Станем мы чужой искать.

О ПЕРЕМЕНЕ

Всё подвластно перемене, что на свете сем ни есть:
Знатность, слава и богатство, жизнь, имение и честь,
И на что мы ни взираем,
Перемену примечаем.
Всё, что есть, — всё исчезает безвозвратно навсегда,
И что было, уж не будет к нам вовеки никогда;
Но сим самым пребывает
Сила та, что всё рождает.
Всё, что есть, одно другому должно место уступать,
И без сей премены миру часу бы нельзя стоять.
Частной вещи разрушенье —
Всех вещей произведенье.

СТАНСЫ НА СУЕТУ

Всё суета на свете сем,
Всё горести, всё беспокойство,
Всё пустота и неустройство,
Прямого блага нет ни в чем.
Рождаемся мы с суетою,
Не знаем и живя покою,
Мы в суете век проживаем
И с суетою умираем.
Мы с суетой на свет исходим,
Живем и с суетой отходим.

И сих велика тьма сует,
Которою наполнен свет,
И бездна их непостижима,
Во всех бывая действах зрима.
Куда мы только поглядим —
Везде мы суету встречаем.
И что мы в свете ни творим,
Лишь суету мы исполняем.
Во градех суета, в села́х,
При жизни мирной и в войнах.

Такого состоянья нет,
Где б суета не пребывала
И власть свою не означала.
Всё за собой ее влечет,
Она в сем свете управляет,
Она рождает, созидает,
Она одна сей движет свет.

К ЛЮБОВНИКАМ

О вы, которые любовию плененны,
Стрелами оныя жестокими пронзенны,
О мученики сей из всех лютейшей страсти
И беспредельныя ее тиранской власти!
Старайтесь сколько льзя сего вы убегать,
Не будете тогда вы лютых мук вкушать,

Сих мук, которые страшняе мук геенны,
Котору чувствуют ко оной осужденны.
Там мука всякому предписана одна, —
Здесь мукам меры нет, как нет в пучине дна.
Чудовище сие, которо вас терзает,
Всяк час мучения вам новы устрояет.
О, ужас! если я себе воображу,
Чего в любовныя я страсти нахожу.
Природой вложенно идет против природы,
Отъемля узами правы свободы.
Счастлив, кто страсть любви жестокую не знает,
Хоть сча́стливым себя, кто любит, почитает.
Придем к любови мы предметам наперед,
Последуем за ней потом вослед,
Увидим, что они собою нам покажут,
Что в сладости ее нам сами чувства скажут.
О сладости! В какой цене вы иногда!
Мед редок вот, но желчь вкушаем мы всегда...
Пустые тот труды любовник прилагает,
Который чувствовать любезну заставляет,
Когда она без чувств душевных рождена
Иль, лучше, без души и сердца создана.
А чувства все ее одно лишь принужденье
Или машинам всем подобное движенье.

ПЕСНЬ

Какою ту назвать минуту,
Тебя увидев в первый раз!
Почувствовавши скорбь прелюту
И муку смертну всякий час.

И буду чувствовати вечно,
Пока не вынет смерть мой дух.
Страданье будет бесконечно,
Пока не прейдет зрак и слух.

Внемли, внемли мой стон и сжалься,
Предмет дражайший, надо мной!
Когда тебе уж я признался,
Что взор твой рушил мой покой.

Вынь сердце, зри, как то страдает
И как горит любовью кровь.
Весь дух мой в скорби унывает,
И смерть вещает мне любовь.

О, ежели мое стенанье
Проникнуть может в грудь твою,
Так прекрати мое страданье,
Скажи: «И я тебя люблю».

Иль дай мне смерть, не воображая,
Что ты тем можешь согрешить.
Коль я не мил тебе, драгая,
Могу ль я больше в свете жить?

ЧАСТЬ КАРТИНЫ САДЯЩЕГОСЯ СОЛНЦА

Уж начал солнца луч златой ослабевати
И бледный только вид багровый оставляти.
Цвет огненный тогда поверхности земной,
Переменяясь всё, переходил в другой.
Багровая краса очам уже явилась
И, множа тень свою, сугубо помрачилась;
Последний, скрывшись, нам еще казало след
В собравшихся парах, объемлющих наш свет.
Но скоро всё и то от наших глаз сокрылось
И по степéни в мрак сугубый претворилось.

СОН

В печали я,
Душа моя,
Что не с тобой
Любезный твой,
Соснул я раз,
И тот же час
Эрот во сне
Явился мне,

Сказав: «Пойдем,
И мы найдем,
Что ты искал,
По ком вздыхал».
Я с ним пошел.
И чуть успел
Тебя обнять,
Поцеловать,
И — сон пропал.
Ах! всё бы спал!

* * *

Владыки и цари всего земного мира,
Богами избранны род смертных управлять!
Для вас поет моя настроенная лира
И с жаром вам теперь стремится то вещать,
Что́ может добрый царь для своего народа.
Делами может быть подобен он богам,
Перерождается таким царем природа,
Он век златой своим странам.
Екатерина то в России днесь явила,
Премудростью своей России дав закон,
Она блаженство ввек России совершила
И вечный в их сердцах себе воздвигла трон.
Прости, монархиня, что смертный мог дерзнуть
Священное твое сим имя изрещи.

ПИСЬМО БАРНВЕЛЯ К ТРУМАНУ ИЗ ТЕМНИЦЫ

Героида

Его благородию
Николаю Александровичу Львову

Любезный друг!

Нелестной дружбе труд усердный посвящаю
И знанью правому судити предлагаю;
Когда я перевод сих малых строк свершил,
О чувствовании твоем я вобразил.

Любезный друг! прими сие ты приношенье,
А мне дай чувствовать едино утешенье
И мысль собщи свою о переводе сем:
Льсти убегая, ты откроешься во всем;
В том удовольствие за труд сей полагаю.
О подлиннике ты известен уж, я знаю;
В нем тьма красот, но нет их в переводе сем.

Из недр темницы днесь Барнвель к тебе зовет
В слезах, мученья полн, что грудь его грызет,
Барнвель, твой друг, но им и недостоин слыти,
Которого, познав, стыдом ты будешь чтити;
Барнвель!.. твой друг!..
О, сколь, любезный Труман мой,
Я, имя осквернив то, предан грусти злой!
Увы! я долго в нем чтил славу, утешенье;
Сладчайша мысль о нем смертельно мне мученье.

Но чем начну? могу ль тебе всё рассказать
И часть свою рукой бессильной описать?
Тебя вниз пропасти вслед за собой водити
И горькость в грудь твою вины моей пролити?
Твой чистый светлый век в спокойствии течет,
А мне вин повестью мрачить его? Ах, нет!
Несчастный!.. тщись со мной хоть втайне воздыхати
И непорочности блаженство почитати.

Что говорю? чтоб глас, который в целый свет
Раздастся и везде тьмы звуков издает,
Тебе б мог повторить в местах уединенных,
Что мне за казнь вкусить за тьму мной зол свершенных;
Злодейство б возвестить, раскаянье сокрыть?
Нет, с ужасом, но сам хочу всё объявить,
В картине страшной сей я прелесть мню сыскати;
Несчастлив, винен я, тщись обо мне рыдати.
Так известись о всем. Еще ты быв со мной
И от меня в поля не отозва́н весной,
Ты сердце знал мое, ты знал мою дражайшу,
Ты нежность сам мою, о друг мой, чтил сладчайшу.

«Драгой Барнвель, — ты рек, — я еду, будь счастлив,
Со добродетелью любовь соединив».

Чьи б не могли сердца жестоки обожати
Ту пагубну красу, ты должен сам сказати.
Приятность, младость, вид, тьма прелестей таких
Не столько сил иметь могли в очах моих;
Несчастья самые ее оружьем были,
И боле прелестей ей силы слез служили.
Ее в безвестности, что знаешь ты и сам,
И Лондону и всем близь оного местам
Весны прекрасной дни спокойно протекали.
Хотя напасть ее и бедность угнетали,
Но благородный вид являла завсегда,
Не возгордясь своей красою никогда.
Я мнил предмет любви достойной находити;
Ей предался совсем, и душу мог вручити,
Младую душу ту, где искренность жила,
Невинну, нежную, что счастия ждала.
Колико к Фаннии мой дух воспламенялся!
Колико угодить я ей всегда старался!
Я жертвовал ей... всем желанием моим
И утешеньем чтил напасть делить своим.

Но Фанния сия... я трепещу, хладею...
Сия-то Фанния... я силы не имею...
Священный сердцу сей предмет, что я любил
И обожал, мою днесь гибель совершил.
Ты вострепещешь сам. Едва волхвица зрела,
Что надо мною власть владыческу имела,
Судила гибнуть мне; и гордый дух ее
Предвидел свой престол и све́рженье мое.
Я повергал плоды трудов моих усердно
К ее стопам, ей мня тем жертвовать безвредно;
Удвоил помощью я сею страсти в ней
К тщеславию, и всё б покорствовало ей, —
Стремленье алчное к именью верхней власти,
Что род сей выше чтит любовной самой страсти.
А я напасть ее прервать хоть всё творил,
Ее смертельных мук себя причиной чтил.

Так, я себя винил; изменница вникала
Внутрь сердца моего и жар мой познавала.
Боль всякий день ее растет, мне мнилось, вновь,
И тайна укоризн грызет мою любовь.
Так есть минуты, где, ко рву злодейств склоняем,
Против сил человек во оный низвергаем.
Против любви сердца бессильствуют всегда:
Зло добродетелью быть кажется тогда.
Мне Фанния, ток слез и грусть ее мечтались
И мрак, в котором все красы ее терялись.
Не могши боле зрак мучительный сносить,
Великодушно мнил я подлость совершить.

Брат мудрый Сорогон родителя любезный,
Почтенный торга член и обществу полезный,
Покоясь по трудах, сокровища свои
К правленью поручил все в руки мне мои,
А я их похищал! к чему ж употребляя!..
Тем волю Фаннии едину исполняя!
Бледнея, в ужасе, я злато приносил...
Несчастно злато ей... что честью я купил!

Искусства хитрого притворств волшебна сила
Природны в Фаннии дары превозносила;
Она вступила в свет, желанья утвердив.
Стыд красил мой ее, всем очи заслепив.
Любовь моя лишь тем сильняе становилась:
Я жертву чувствовал, что для нее вскурилась.
Дух гордый мой прельщен бесперестанно был;
Я с ней тщеславие равно ее делил.
Я счастлив мнился быть! Она могла являти
Все совершенства те, что могут нас пленяти;
Тьмы мертвых прелестей словами оживить
И к злодеяньям мя сетями уловить.

В сем заблуждении уж я совсем терялся
И упоенных чувств моих лишен являлся.
Всяк шаг, любезный друг, мне преткновеньем был,
В словах, в поступках плен и в взоре находил.
В сем смертном сне, увы, ты можешь ли познати
Тот преужасный след, что стал он днесь казати?

Нет, верх сей ужаса нельзя воображать!
Я то свершил, о чем грешно и вспоминать.

Не ведал Сорогон, что, подло я алкая,
К казне его моя рука простерлась злая;
Но скоро он, какой ужасный яд, познал,
Смущал мой ум во мне и чувства пожирал.
Его мне нежностью злой рок мой предвещался;
Сей старец юности моих лет опасался
И сердца простоты, что льзя легко склонить,
Что добродетели, равно и злу пленить;
Огня страстей, во всей моей крови возженна;
Красы предмета, чем мя видел он плененна,
Стремясь от тайныя мя сети избавлять,
Старался оной власть и прелесть удалять.

Вняв то, мне Фанния, прибегшу к ней, предстала
И на одре в слезах текущих утопала;
Вид бледный на челе, и во смятеньи сем,
Что в скорби мы красой и прелестью зовем,
Мне руки подает, мя жаром наполняет
И лобызанием весь нутр мой вспламеняет.
«Барнвель! — рекла, — я зрю тебя, дражайший мой,
И ах! в последний раз целуюсь я с тобой!..»
Я слышу их еще, сии слова опасны,
Те вздохи винные и клятвы толь ужасны.
Я, чувств лишаясь всех, на грудь ее упал.
«Нас разлучить хотят, — глас оный продолжал. —
Я гибну!.. жизни мя чудовище лишает...
Нас завтре Сорогон, сей варвар, разлучает!»

— «О дерзость! — я вскричал. — То должно предварить;
Вещай, что́ мне начать, потщуся всё свершить.
А он пусть мя рабом, пусть жертвой учиняет;
Мой бог — одна любовь, она мя ободряет;
Ей только я внемлю. Внемли ж ее ты глас!»
Рекла: «Она гласит, дая тебе приказ.
Но времени не трать; уж завтре ты, конечно,
Умедля, тьму препон меж нами у́зришь вечно.
Не будет мстителя, и Фанния падет.
Предупреди удар ужасных наших бед

И общу нашу смерть. Сей ночи тьма не мра́чна,
Она учинена чрез слабый свет прозрачна.
Ты знаешь, Сорогон по всяко утро там,
В пустынном сем лесу, что близок к сим местам,
Где точно он мою погибель устрояет;
Да сыщет там один ту смерть, что нам желает.
Дерзай на всё, похить сокровища его,
Что неотлучны, им хранимы, от него.
Чтоб в безопасности от мест сих удалиться
И смерти избежать, нам злато нужным зрится.
Се маска, се и меч; беги, рази; а я,
В объятья пав твои, немедля вся твоя!
Последую тебе к брегам преотдаленным
Чрез горы каменны к пещерам сокровенным;
Хочу изобрести, тебе послушна став,
И новый род любви, и новый род забав;
Хочу, чтоб жертвы стон душа твоя не вняла
И слух ее моя любовь бы заграждала.
Но трепещи, когда ты слабость мне явишь
И бед содетеля моих ты предпочтишь:
Когда страшишься ты мне мерзку кровь пролити,
Другой меч грудь мою остался поразити».

О Труман! тщись меня, несчастного, познать;
Я, речью сей сражен, едва возмог дышать,
Полмертвый, тщетно глас ища в тоске глубокой
В объятиях моей любовницы жестокой,
Что нежность с страшною мешала просьбой сей
И пламя лютости с огнем любви моей;
Представь, коль льзя, себе сие ужасно действо,
Мятеж сей и жены свирепыя злодейство;
Несчастный одр, где лишь один лампад светил,
И меч, что Фаннией двойной устроен был.
Что наконец скажу? Смягчен ее слезами,
Возжен свирепствием и убежден красами;
Ее угрозы, вопль... увы! ... я обещал...
Нуждает Фанния, чтоб я счастливым стал!
До закалания уж жертву упояет;
Последний поцелуй к злодейству знак являет.

Она, скрывая вид мой, силы мне дает
И дерзкою рукой стопы мои ведет.

Я, словом, в тишине сей мрачной выступаю,
Рыдаю, трепещу, иду — куды? не знаю.
Куды, в отчаяньи, я взор свой ни взводил,
Там всякий мне предмет ужасным знаком был.
Прискорбно солнце бег тогда свой начинало,
Кроваво облако мне свет его скрывало;
И стон земли, и рек журчанье предо мной
К убивству мой тогда вещали умысл злой.
Казалось, блекнет всё от моего дыханья;
Страшилось естество убийцына взиранья.
Толь наказуя бог злых смертных за порок,
Блюдет дни доброго, хранит его и рок!
Се тот святый залог, что он земли вверяет;
Мгновенно страждет всё, коль жизнь сего страдает.
Кто век губит сего, дражайши узы рвет,
Погибель каждый раз сего печалит свет.

Вступил я наконец в сей лес уединенный,
Ужасный только мне, где старец был почтенный.
Увидел я его: он к небу возводил
Чело и вышнему молитвы приносил;
Он сердце чистое с смиренством представляет:
Отрада сладкая, что старость утешает!
Именья пользу, что безвредно он сбирал
И коим помощи он бедным подавал.
Полвека труд! сколь мог священным он казаться!
Сколь, доброго злодей зря, принужден терзаться!
Я чувствовал сии мученья все вперед,
Сердечно рвение, идуще злобе вслед.
Близ древа, что меня, дрожаща, подкрепляло,
Железо двадцать раз из рук моих упало!
Я двадцать раз его в себя вонзити мнил;
Казалось, я влеком от мест сих тайно был;
Но тотчас грозный вид мне Фаннии явился,
И в бешенство тотчас я снова погрузился.
Я мнил, что зрю ее, кинжал в руке держа,
Вокруг меня ходя и груди обнажа,
Вещая мне: «Рази — иль зри меня сраженну!»
Сей в душу ударял мою звук утомленну.
Водим дражайшей сей мечтой и понужден,
Я, ужас потеряв, казался ободрен.
Зря только Фаннию, я мстить ее стремился;

Мгновенно в лютости... о Труман, я пустился,
И слабого сего грудь старца мой кинжал
Бесчеловечною рукою прободал.
Он, испуская вопль, упал и, умирая,
Сказал: «Какая весть к тебе достигнет злая,
Драгой Барнвель! где ты? почто ты отлучен?
В сей лютый час бы был тобой я защищен.
О боже! век его тобой да сохранится,
И участь от него, мне равна, отвратится!»

Хочу бежать — нет сил: трепещет каждый член;
Бросаю свой кинжал, собой сам устрашен;
Снимаю маску я; ток тщетных слез стремится
Из неподвижных уж моих очей пролиться;
Не в силах страшного предмета убегать,
Я ближусь и хочу на тело упадать.

Едва лишь Сорогон свой томный взор возводит,
В защитнике своем убийцу он находит;
Он познает меня; на мя взор устремил
И больше ужаса мне нежности явил.
«Се ты, Барнвель, — он мне сказал,
не прогневляясь. —
Что сделал я тебе, отцом тебе являясь?»
Тогда к груди своей хотел меня прижать;
Рукой дрожащей мя стремился обнимать.
Рыдая, к ране я устами прикасался;
Кипящей крови ток, что с шумом проливался,
Я мнил унять и боль свою тем утолить:
Струи сей крови в нутр мой стали проходить.
О, помощь тщетная! Всяк член его немеет;
Отъемлет руку он, и зрак его темнеет;
Он жалобный свой глас в последний испускал,
Собрав его, еще прощенье мне вещал.
Великодушно толь он, утомясь, скончался;
Скончался!.. а я жив, я жив еще остался!

Вздымалися власы; трепещущ, онемел,
От трупа я сего священного ушел.
Сей жертвы от меня жестокая желала,
И се она уже перед нее предстала.

Восшед на верх злодейств и преужасных дел,
Еще я счастья луч перед собою зрел.
Убийцею я стал, жестокой угождая,
И чтил ее еще, о старце рвясь, рыдая.

Едва я ей предстал, совсем окровавлен,
Рекла: «Исполнено ль? удар уж совершен?
Ступай... последуй мне... Но где злодея злато?
Его сокровище?..» — «Постой, — я рек, — не взято.
К убийству и грабеж!.. Ах! Фанния, пусти...
Не требуй ничего... и ужас мой хоть чти...
Зри слезы, зри и кровь»... Вдруг Фанния страшится,
Бледнеет, зря мой страх, чтоб жизни не лишиться;
Трепещет, что ее с убийцей кто найдет.
О, умысл мерзостный! злость, коей равной нет!
В притворном ужасе, в смятеньи убегает
И изумленна мя на время оставляет.
Преступник от любви, любовью обвинен,
По воле Фаннии в темницу я ввлечен;
Стремлюсь с ней говорить, но мой язык немеет,
И сила томной в нем души моей слабеет.
Я весь недвижим стал и долго время мнил,
Что я игралищем мечтаний страшных был.
Я оправдать жену жестокую старался;
В оковах при глазах ее я увлекался.
«Ах! Фанния... — простря я руки к ней, вскричал. —
Ах! Фанния...» — пошел, ее не обвинял.

Прости, о Труман! толь ужасное вещанье;
Прости... в сугубое б я ввергся наказанье.
Нет, ты не можешь знать, в чем заблуждался я,
Верх моея любви, верх злобы моея,
Сию распутну жизнь, в котору погрузился;
Сей чувств моих всех бред, что нежностью мной чтился.
Питаем всякий день чудовищем, что чтил,
Чрез склонность адску я бесчеловечен был.
Хотя с небес имел я неку добродетель,
Но Фаннией лишен я оной быть владетель.

Когда б мне Фаннией приказ был объявлен,
Ты мною, о мой друг, ты б мной был умерщвлен!

О, повесть страшная, но должное признанье!
Вот мерзость дел моих; вкушаю наказанье.
Все чувства внутрь души моей мученье льют,
И тени вкруг меня грозящие встают;
Змии по всякий час мя тайно угрызают;
Ужасны дни ночей ужаснейших рождают.
Едва тоскливым сном на час я упоен,
Внезапно ужасом и страхом пробужден.
Я мню, что в пропасть я низвергнувшись геенны,
К мученью силы все во мне возобновленны.
Мечтается везде в очах мне Сорогон
С отверстой раною и испускает стон.
Простерт я по земле, где в ужасе рыдаю,
Ток кровный из очей, не слезный, проливаю.
При всех злодействиях, для дружбы твоея,
Чтоб ты о мне жалел, достоин был бы я;
Твои бы чувства стон мой жалкий внять склонились,
И слезы бы твои с моими сообщились;
Я вздохи б внял твои и добродетель зрел
Подпорой бую, кой в зле меры превзошел;
Виновну другу, кой собою сам мерзеет,
Кой, быв любим тобой, днесь о себе жалеет;
Предмет презрения и мерзости такой,
Однако сто́ящий оплакан быть тобой.
Увы! когда б я мог тя видеть пред собою
И на минуту в речь вступить хотя с тобою,
Взять за руку тебя, тебе бы отвечать
И к недрам дружества в последний припадать,
Принять в объятии!.. безумный!.. чувств лишился!
Кто? ты б в объятиях злодейских находился!
Ах! сим цепям меня лишь должно обнимать:
Природа, мной мерзя, должна мя отвергать.
Исчезнет к твоему желанье то покою!
Льзя ль нежности моей в цене быть пред тобою?

Останься ты в полях, в местах спокойных тех,
Что суть жилищами блаженных смертных всех;
Ты сам исправил их, ты сам их устрояешь,
Где ты себя трудам полезным посвящаешь;

Где злобы духа нет, где бедства звук молчит;
Дней чистых, сколь душа твоя, ничто не тмит.
Ты, взор возвед в сей час, душою восхищенной,
Почтеньем полною и радостью возжженной,
Пространство, может быть, небес пресветлых зришь
И втайне существо, тебя создавше, чтишь.
От восхищения толь сладка обращаясь,
Ты пред собой зришь чад любезных, утешаясь,
Супругу верную, беседущу с тобой,
И подражаешь им, их радуясь игрой.
Увы! сим счастием душа моя ласкалась!
Нежнейшей Фанния супругой мне казалась.
Уж я сладчайшие те узы воображал,
Чрез коих бы союз я вечно счастлив стал.
Достойна жертва слез! ах, тщетно сим я льстился!
Чрез добродетели я прелесть проступился.
О, радости небес, что прежде воображал,
Ты оны чувствуешь, а я лишен их стал!
Вкушай их много лет, ты стоишь их вкушати!
В покое тщись плоды невинности сбирати.
Те бедства, коими злой рок тебя щадил,
Хочу, чтоб на меня он днесь их обратил!
Да будет ввек душа твоя их удаленна,
Напасть — судьба моя, мздой винным сотворенна.

Желанья тщетные! Что говоришь, Барнвель?
Ах! льзя ль счастливым быть, кто знал тебя досель?
Коль в мерзостях твоих участье принимати
И воздух, что виной ты заразил, дышати?
Я добродетельным умру, не рвись, мой друг.
Очищен для небес мой по степéням дух.
Я от всевышнего судьи всё уповаю;
Предел священный свой, что непременным чаю,
Скрывает он всегда завесою от нас:
Мы им наказаны и прощены тотчас.

Когда ж минута, мной желанная, наступит,
Котора казнью смерть мне сносную искупит,
Где я мучителям благим могу вручить
Достойно сердце мук, чтоб вновь рожденну быть!
На вас, хранители законов, уповаю!
Жизнь примирить чрез смерть ужасную желаю!

Ах! если кровь моя, котору будут лить,
Кровь Сорогонову могла бы искупить!
Пощада подлая во стыд вам обратится;
Тень Сорогонова конечно да отмстится.
Месть быть должна громка, сердца чтоб устрашать,
Сердца, могущие во зле мне подражать.

Я близок дня сего: кровавое виденье
Не страхом будет мне, но будет в утешенье.
Я зрю гражда́н своих в смятеньи пред собой,
И на Барнвеля взор всяк мещет жадно свой;
Вопросы слышу их и о злодействе рвенье,
И клятву жертвы сей, и купно сожаленье.
Днесь ночь скрывает все мучения мои;
Но мерзости я все дам свету зреть свои.
Что говорю? ту смерть поносную, ужасну,
Смерть всех преступников, льзя учинить прекрасну.
Раскаянье сердца́ возможет всех смягчить.
О! скольких нудили злодеи слезы лить!
Хочу, чтоб в память день навеки сей втвердился
И чтобы день стыда днем славы учинился;
Чтоб добродетели, за зло мя наказав,
Земля почла мои, гневна по долгу став.

Когда б наследовать могла мое мученье,
О Труман, Фанния, мя ввергнув в преступленье!
Когда бы тайный луч мог грудь ее пронзить
И злобу всю ее возмог бы истребить!
Тщись паче страшное сие писанье скрыти.
Я удален, чтоб жар отмщенья не гасити;
Мне жалость вопиет, я глас внемлю ея;
Один лишь бремя несть хочу злодейства я;
Ее злодейство тьма превечна должна скрыти:
Любившему ее не можно сердцу мстити.
Великодушен будь, чувствителен во всем;
О сем в последний друг тя просит твой, о сем.
Когда ж последует она мя казни ждущей,
Страшись тогда моей ты тени вопиющей;
Мгновенно к новому мученью оживлен,
Смерть чувствовать ее я буду принужден.
Не мни, чтоб Фанния чрез хитрости жестоки
Могла в днях юности ввести кого в пороки;

Власть кончилась ее. Ты не страшись ее;
Одно лишь сердце есть такое, как мое. . .

Ее пременится. Ты, боже, мой судитель,
И страх преступника, и купно покровитель,
Ты всё восстановишь; закон твой лучший есть
Сердцами обладать и в чувство их привесть.
Гласи ей, действуй в ней, принудь ее рыдати;
Льзя ль столько прелестей для зла тебе собрати?
Когда б, вкушая казнь, Барнвель, вкушая месть,
Мог плачем Фаннию в раскаянье привесть!

Но что за шум сих мест вдруг тихость прерывает?
Кто, отворив ко мне темницу, поспешает?
Ах! если бы пришли о смерти мне вещать!
Ты, коего нельзя в сей час мне лобызать,
Любезный Труман мой! прими прощенье нежно,
Оставь, не плача, тень мою ты безмятежно.
Да моему и твой равно скрепится дух!
Счастливым я умру, когда умру твой друг.

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ и др.

* * *

Напрасно ты встревожен, Львов,
Что ныне стал бранить стихи твои Хвостов,
Которыми досель не мог он ухвалиться.
Быть лицемером не годится:
Ведь знают про него, что он не однослов.

НА ХВОСТОВА

Ну как на похвалу людскую положиться?
Хвостов, чтоб Львову подслужиться,
И Львовы и друзей его стихи хвалил.
Потом, как Львов ему ненадобен уж был,
Не только клевету Хвостов на Львова взносит,
Но Львовы и друзей его стихи поносит.

НА ХВОСТОВА

Узнавши, что Хвостов к Шумилову посланье,
Рассудку здравому и вкусу в порицанье,
Твореньем ничего не стоящим считал,
Я в том винил было сперва его незнанье;
Да некто мне растолковал,
Что глупость эту он в каникулах сказал.

* * *

Ты говоришь, что я задумчивым бываю
И что речей твоих, Х<востов>, не примечаю?
Так, всякий раз со мной бывает та беда,
Как скоро ты о чем заговоришь когда.
Да сам ты рассуди, как с жаром принимать,
Когда лишь пустяки ты станешь всё болтать?

НА РУБАНОВЫ СТИХИ НА БОЛЬШОЙ КАМЕНЬ ПОД КОННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕТРА I

Все говорят: «Стихи достойны всех похвал»,
Но сумневаются, что Рубан их писал.
И подлинно, что непонятно,
Да полно, вот зачем быть может вероятно:
Хоть хуже Рубана еще стихи пиши,
Так с именем Петра всё будут хороши.

НА РУБАНА

К чему вас так стихи на камень удивляют
И все кричите вы: ведь Рубан их писал!
Давно уже, не ныне, знают,
Что Рубан стихотворец стал,
Хотя стихов его других и не читают.

НА НЕГО ЖЕ

Стихи на камень всех прельщают
Тех, кои их читают.
Все говорят: «Стихи достойны всех похвал,
Знать, Рубан их теперь не на подряд писал».

* * *

Что Рубан за стихи подарки получает,
Давно уже людей разумных удивляет.
Что ж? Он и всё не с тем подарки получал,
Чтоб поощрить его, чтоб он и впредь писал, —
Нет, чтоб писать он перестал.

НА ТРАГЕДИЮ «ВЕНЕЦИАНСКАЯ МОНАХИНЯ»

Венецианская монахиня живет,
Как должно жить, оставя свет,
И в люди для того не хочет появиться,
Что, быв освистана, опять того ж боится.

НА СУМ<АРОКОВА> «СЕМИРУ»

«Семиру», говорят, сегодня представляли,
Которую творец «Синава» сочинил.
Мне слышалось, ее «Меропой» называли,
Котору в русское он платье нарядил.

НА ДУРНОГО ПЕРЕВОДЧИКА

То подлинно что так:
Твой перевод никак
За перевод почесть не можно,
А подлинник он сам не ложно:
Как счесть за перевод его,
Коль подлинника нет в нем смыслу ничего?

ЭПИГРАММА

Что М<айков?> никогда, писав, не упадал,
Ты правду точную сказал.
Я мненья этого об нем всегда держался:
Он, сколько ни писал, нигде не возвышался.

НА ВОЛТЕРА

Волтера все бранят, поносят
И гнусный на него такой поступок взносят,
Что много он в своей «Истории» налгал.
Ну виноват ли он, когда его дарили
И просили,
Чтоб вместо правды ложь он иногда писал?

НА НЕГО Ж

О вы, любители словесных всех наук,
Чтобы услышать вам чистейший лирный звук,
Волтеровых стихов согласию внимайте
И в сочинениях ему же подражайте.
«Историю» ж его прошу вас не читать,
Чтоб вместе с ним и вам не лгать.

НА ВОЛТЕРА

Все говорят: «Волтер божественно писал».
Я этого не примечаю,
А только знаю:
Волтер божественно перу повелевал.

ЭПИГРАММА

На всех не угодить, кому что повкусняе,
Кто тонко чувствует, кто чувствует грубяе.
Я пред . . ., конечно, виноват,
Что слабым басней он моих находит склад,
Хоть в умной публике их с похвалой читают
И написать еще такие ж поощряют.
. . .любит всё, чтобы дубиной в лоб:
По нем не говори: «слуга», скажи: «холоп».

ПЕРЕВОД ФРАНЦУЗСКОЙ ПОДПИСИ ПАЛЛИСОТОВОЙ КОМЕДИИ «ФИЛОЗОФЫ»

На четвереньках мне способнее стоять,
Затем что, стоя так, глупцов мне не видать.

НА НЕКОТОРОГО ПИСАТЕЛЯ, КОТОРЫЙ ЛЮДЕЙ ПОЧТИЛ ИМЕНЕМ СКОТОВ

Писатель некий всех людей почтил скотом.
Так ныне и скоты владеют уж пером?

О ПОЛЬЗЕ СЛОВЕСНЫХ НАУК

К ХИМИКУ, КОТОРЫЙ ИМЕЛ СПОР, ЧТО И БЕЗ УЧЕНИЯ СЛОВЕСНЫХ НАУК ДРУГИЕ ИЗУЧЕНЫ БЫТЬ МОГУТ. ОТВЕТ

Не могши б химию ты химией назвать,
Не мог и правила б о ней преподавать.

НА К<НЯЗЯ> В.

Из знатных некакий, чтоб выбранить послов,
Прибавил слово к ним «ослов».
Хотели было тут другие
Невежество такое отплатить.
«Да нет, — сказали, — нет. Не стоит отбранить:
Ведь шутки острые его и все такие».

НА ПРОВИАНТСКОГО

Почто нам из земли металлы доставать
И столько адским сим трудом обременяться,
Чтоб разную из них монету наковать
И в пользу не себе — другим обогащаться?
Муж некий способ нам легчайший показал,
Которым память век он по себя оставил
И больше, нежели Картуш, себя прославил:
Он из мукѝ рублей тьму тысяч наковал.

* * *

Глупцы на всё, что ни спроси у них,
Хотя б что было и не ладно,
Всегда в ответ тебе дадут, что это складно;
И вот невежества вернейший признак их.

* * *

Внемлите, род мужской, и женский род, внемли,
Какие чудеса в наш век произошли:
В недавни времена любовница убилась,
Затем что своего любовника лишилась.

НА НЕКОТОРУЮ ВДОВУ

Муж умер, а жена
С печали чувств своих едва не лишена,
И чуть с душой жена сама не расстается.
Что ж делать ей и впрям иного остается?
Ведь жалованье в год три тысячи рублей,
Которо мужу шло, давать не станут ей.

ЭПИГРАММА

Не правда ли, что человек
Всех тварей более от тварей же страдает?
И даже что от блох кусанья человек
Покоя сладкого в ночи лишен бывает,
Тогда, когда покой природа вся вкушает.
Довольно чувствую я это всё в свой век,
Довольные меня недуги угнетают,
И блохи по ночам, а люди днем кусают.

НА ХУДЫХ РИФМАЧЕЙ

Они чужим пером лишь пишут,
Они чужим лишь духом дышут,
Чужой они глас повторяют,
Чужой их жар лишь нагревает,
Однако же и тот во льде их простывает,
И стужею от них среди полдень несет.

МОЛИТВА ВСЕМИРНАЯ

Подьячий только лишь подьячим наречется,
И телом и душой клянется
Всем, сколько можно, зла творить,
Хотя бы самого себя не исключить.
О боже! Сохрани народ свой от напасти
И злобу укроти подьяческия власти!

НА СКУПОГО

Кремнев в отчаяньи, в удавку лезть готов,
Затем что в зимний день исходит много дров.

НА ДУРНУЮ ЖЕНЩИНУ, КОТОРАЯ ХОТЕЛА, ЧТОБ ЕЕ СПИСАЛИ

Красавица иметь портрет свой захотела,
Но живописец так пиши, чтоб не сидела.
Для живописца труд сомнителен такой:
«С кого б для сходства мне списать ее? Постой, —
Сказал, — пошлю за сатаной».

* * *

Муж сердится, что я к жене его хожу,
А я ни малой в том вины не нахожу:
Ведь я с него ж труды сбавляю.
За что ж он сердится, совсем не понимаю.

НА ДМИТРЕВСКОГО

Напрасно мы хотим Дмитревского хвалить
И что велик он, говорить.
Дмитревского достойно похвалить
Не можно никому иному,
Как не Дмитревскому другому,
Когда б на свете мог другой Дмитревский быть.

* * *

О ты, который в честь театра россиян
России Талией и Мельпоменой дан!
Одной — чтобы игрой уча ее, смеяться;
Другой — чтоб тож учась, с слезами восхищаться.
Дмитревский, сколько раз я тщился воспевать
Божественный твой дар, которым ты блистаешь,
Которым всех сердца и души ты пленяешь,
Но никогда не мог достойно начертать
Того, что всяк, тебя кто видит, ощущает,
Кто прямо чувствовать и рассуждати знает.

НА СМЕРТЬ ТРОЕПОЛЬСКОЙ

Возможно ли, что век цветущий свой скончала,
Которая игрой своей нас утешала
И слезы сладкие нас заставляла лить,
Как Мельпомену нам собой изображала.
Кто Мельпомену нам, кто может возвратить?

НА НЕЕ ЖЕ

Так, Мельпомена век российская скончала.
Ты плакать нас игрой своею заставляла
И сладкими могла слезами утешать.
Днесь слезы горести велишь нам проливать!

ОТ ИМЕНИ ИТАЛИЯНЦА,
ПРИЕХАВШЕГО В РОССИЮ ИЗ ИТАЛИИ, ГДЕ БЕРЕЗОВСКИЙ УЧИЛСЯ, И УВИДЕВ ЕГО

Ты здесь? Постой! Нашел тебя я наконец,
Неблагодарный ты и хищник и беглец.
Возможно ль поступить, как поступил ты с нами,
С любившими тебя и чтившими друзьями?
Не только сам от нас ты скрылся и исчез,
Евтерпу ты у нас похитил и увез.

НА БОРТНЯНСКОГО

Там, где, Бортнянский, ты — везде и Аполлон:
Ты быв в Италии, с тобою был и он,
В России ныне ты — в России Аполлон.

НА г. БУБЛИКОВА,
НА ПРИДВОРНОМ РОССИЙСКОМ ТЕАТРЕ ТАНЦОВЩИКА ПО МАЛОЧИСЛЕННОМУ В РАССУЖДЕНИИ ЕГО ИСКУССТВА И ПРОТИВУ ПРОЧИХ ИНОСТРАННЫХ ТАНЦОВЩИКОВ ЕМУ ПРОИЗВОДИМОГО ЖАЛОВАНЬЯ

Ты славен, Бубликов, из славных плясунов,
И славен столько в год лишь за пятьсот рублев!

К ДРУГУ

Два действия, мой друг, в себе я примечаю
С тех пор, как мне знаком ты стал:
Приятно, что тебя я знаю;
Досадно, что тебя я ранее не знал.

* * *

Так! Это Львов! Он сам! Его, его сей вид!
Но что? В картине сей ведь Львов не говорит!

* * *

Хотел бы я, чтоб ты мне образ свой оставил,
Он точно так умно, как ты глядишь, глядит
И мне о дружестве твоем ко мне твердит.
Но нет, он каждый раз мне только досадит:
Я б говорить его заставил,
Чтоб чувствовать со мной и чувства разделять,
А он молчанием мне будет отвечать.

* * *

Чувствительно вы похвалили
Того, сударыня, кто басни написал,
Сказав, что автор их природе подражал;
Но больше похвалой своею научили,
Как надобно писать,
Когда хотеть природе подражать.

НА НЕКОТОРУЮ ДЕВИЦУ

Я не скажу, что ты, Исмения, прекрасна;
А только я скажу: Исмения опасна
И сердцем и душой своей
И сердцу и душе моей.
И всех сердца подвластны ей.

НА КРАСАВИЦУ

Хоть роза лучший цвет из всех цветков красою
И восхищает всех ее прекрасный вид,
Но вся ее краса в наружном состоит,
А сверх того цветет она не всё, порою.
Ты с розою равна своею красотою,
Но ты отлична тем от ней,
Что вечно могут цвесть красы души твоей.

НА РИСОВАННУЮ НЕКОТОРОЮ ДЕВИЦЕЮ РОЗУ

Так писанной сию ты розу называешь
И всеми силами меня в том уверяешь?
Никак, ты чувств своих, мой друг, лишаться стал:
Уж обоняние совсем ты потерял.

НА ТУ ЖЕ

Престаньте, розы вы природные, гордиться,
Вам с сею розою нельзя никак сравниться:
Ваш лист на час, и пропадет.
А эта завсегда цветет.

* * *

Ты розу мне в залог любви своей дала,
А у меня за то ты душу отняла.

* * *

Кто пить желает воды,
Оставить должен моды
И попросту ходить,
Немного есть, вина не пить,
От всех красавиц удалиться,
В шестом часу вставать, пораней спать ложиться,
Все грусти позабыть, нимало не вздыхать,
Оставить чтение и более гулять.

* * *

Под камнем сим лежит,
Которого душа селенья райски зрит,
Во славе пред творцом сияет,
А прах его весь мир с слезами почитает.

* * *

В сем месте прах того лежит,
Кто духом райские теперь селенья зрит,
И там пре<д>вечного сияньем озаряем,
А человеками с слезами вспоминаем,

* * *

Здесь прах той положен, которая жила
Как должно жить, чтоб смерть страшна быть
не могла.

* * *

Сей камень прах того покрыл,
Кто славу добрыми делами заслужил.

* * *

Здесь должен всяк сказать, почто не вечно жил,
Кто по делам бессмертен был.

* * *

Чей прах сей камень покрывает,
Тот славен в небесах и на земли сияет.

* * *

Того здесь пепел погребен,
Кто по делам своим на свете был почтен
И в небо к божьему престолу преселен.

НАДПИСЬ

Здесь тот лежит,
О ком молчит
Людская похвала.
Ни племени оставил он, ни роду.
Оставил по себе он только богу оду
Да добрые дела.

НАДГРОБНАЯ

Под камнем сим лежит не умный философ,
Не лицемер, не богослов,
Не воин, не герой, не трона обладатель,
Не преполезнейших законов предписатель,
Не исцелением прославившийся врач —
Лежит здесь счастия народного палач.

НАДГРОБНАЯ

Он был великий дух, огромных дел творитель —
И блага общего усерднейший рушитель.

НАДГРОБНАЯ

Под камнем сим лежит
Тот, от кого еще и ныне всяк бежит.

НАДГРОБНАЯ БАТЮШКИ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛЬВОВА

Под сей гробницею лежит скончавший век
Монарху верный раб, согражданин полезный,
Достойнейший отец, друг, скромностью любезный,
И добродетелью почтенный человек.

НА НЕГО ЖЕ

Прохожий, коему сей гроб напоминает,
Что участь и тебя такая ж ожидает,
Старайся мужу ты сему подобен быть, —
Ты будешь и по смерти жить.

НАДГРОБНАЯ МОЯ

Жив честным образом, он весь свой век трудился,
Но умер так же наг, как был, когда родился.

НАДГРОБНАЯ НА МЕНЯ САМОГО

Не мни, прохожий, ты читать: «Сей человек
Богат и знатен прожил век».
Нет, этого со мной, прохожий, не бывало,
А всё то от меня далёко убегало,
Затем что сам того иметь я не желал
И подлости всегда и знатных убегал.

НА КОННОЕ ИЗОБРАЖЕНИЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Вместо всех похвал подписать только:
Петр.

НА НЕГО Ж

Народа своего творец,
Отечества отец.

ДВУСТИШИЯ И АФОРИЗМЫ

СТИХИ НА СТИХОТВОРСТВО

Науки все корысть на свет произвела,
Поэзия одна от чувств произошла.

* * *

Пиши тогда, когда расположен писать.
Котора мысль прошла, той больше не поймать.

* * *

Пиши так, чтоб тебя из зависти бранили,
Однако всё-таки читать тебя любили.

* * *

Для рифмы часто мысль высока упадает
И часто низкая высокость получает.

* * *

Мне мнится, правило не будет это лживо:
Что прямо на стихе, бывает в прозе криво.

* * *

Кому придет на ум про правду что писать,
Когда и на словах велят об ней молчать?

ПЕРЕВОД ИЗ БОАЛО

Коль строг бы ни был срок, но с разумом спеши,
Черни хоть двадцать раз и снова напиши.

* * *

Кто умерять себя в желаниях не знает,
Тот счастия к себе напрасно ожидает.

* * *

Кто никаки<м> в себе быть слабостям не чает,
Тот прямо лицемер и притворяться знает.

* * *

Возможно ли любить и не всегда желать?
Минуту пропустить есть сто утех терять.

* * *

Когда питания душе в любови нет,
То скоро жар любви погаснет и минет.

* * *

Двум клятву дать нельзя, чтоб верным быть,
А должно одному, конечно, изменить.

* * *

Кто клятве раз своей возможет изменить,
Тот клятву может ту ж и больше преступить.

* * *

Я лучше соглашусь несчастливо прожить,
Как жизнь счастливую бесчестием купить.

* * *

Кто тайны собственной своей не сохранил,
Как требовать, чтоб тот другого тайну скрыл?

* * *

Чем менее в себя разумный сам влюблен,
Тем больше светом он почтен,

* * *

Без глупостей никак на свете не бывает,
Одна другую заступает.

* * *

И рад бы про лжеца другого не писать,
Да, слыша нову ложь, как про нее молчать.

* * *

Что? разве перестали лгать,
Чтоб про лжецов уж не писать?

* * *

Когда уже беды не можно миновать,
Беречься надобно ее не умножать.

* * *

Не тот велик герой, кто бранью торжествует,
Но тот, кто кротостью злодея наказует.

* * *

Все любят истину, да с разницею той,
Чтоб сказана была она на счет чужой.

* * *

Тот, кто счастливого тебя теперь ласкает,
Несчастного тебя тот завтра презирает.

* * *

Пока кто надобен, потуда тот и мил,
А став ненадобен, тогда уж опостыл.

* * *

Кто прав, закона не боится:
Закон и правотой и истиной хранится.

* * *

Божится честью он, а честь его такая,
Что часто лучше честь подьячего иная.

* * *

Чины для дураков лишь только введены,
Достоинства ж от них не будут усугублены.

* * *

Наука в свете жить уметь хоть мудрена,
Да только к счастию из всех наук одна.

* * *

Рай на лице ее, однако в сердце ад.

* * *

Была бы только мысль, а за стихом не станет.

* * *

Кто родился глупцом, от книг умен не будет.

* * *

От зла нередко зло другое происходит.

* * *

Большая хитрость в том, чтоб хитрость скрыть уметь.

* * *

Большому кораблю и плаванье большое.

* * *

Он умер, чтоб расход на кушанье сберечь.

* * *

Что пользы в тишине, когда корабль разбит?

СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

ERZÄHLUNG

Ein Spötter des Apollo Leier
Stritt einst mit einem kühnen Feuer
Der Dichtkunst die Verdienste ab.
Ein Hochzeitscarmen wars und andere Gedichte,
Bloß der Gewinnsucht schlechte Früchte,
Was zur Verachtung Anlaß gab.
Ein Dichter von Verdienst war bei dem Spott zugegen.
Zu diesem sagte er: «Nicht wahr, mein Herr,
Sie mögen
Doch auch wohl gerne poesieren?»
— «O ja, mein Herr, ich schreib auf Narren gern
Satiren!»

ПЕРЕВОД:

БАСНЯ

Насмешник некий издевался
Над стихотворчеством и клялся,
Что в лире Феба чести нет,
Стихи любые-де одна корысть рождает,
Алчба писать их побуждает,
Вот отчего презрен поэт.
Поэту славному при этом быть случилось.
Ему насмешник сей: «Вам, верно, полюбилось
Позванивать струнами лиры?»
— «Да-с! Сочинять люблю на дураков сатиры».

* * *

Mich reizt ein dichterischer Trieb,
Voltairens großen Geist im Dichten zu besingen.
O möchte mir doch dieses Lied gelingen!
Wohlan! So will ich ihn besingen:
Er sprach zur Feder: «Schreib!», und seine Feder schrieb.

ПЕРЕВОД:

* * *

Мне страсть писать долит нутро,
Велит воспеть стихом Вольтеров дух нетленный.
Когда б то сделать песнею отменной!
Что ж! так пою я дух нетленный:
Он рек перу: «Пиши!» И слушалось перо.

AUF EINE WOCHENSCHRIFT «MISCHMASCH»

AN DEN VERFASSER

Mein Herr, Ihr Mischmasch ist von vielen hier gelesen,
Und ich bin in der Zahl der Leser auch gewesen.
Man sieht es Ihrer Schrift mit leichter Mühe an,
Der Kopf hat Ihnen wohl dabei nicht weh getan.

ПЕРЕВОД:

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК <«СМЕСЬ»>

СОЧИНИТЕЛЮ

Здесь, сударь, вашу «Смесь» премногие читают.
Я тоже читывал. И сразу все признают
С великой легкостью, что, сочиняя, вы
Ломать не думали нимало головы.

AUF EBEN DIESELBE

Ein Mischmasch im Gehirn, ein Mischmasch auf Papier:
Ihr Herren, wem beliebt?.. Behüte Gott dafür!

ПЕРЕВОД:

НА НЕЕ ЖЕ

В мозгу сплошная смесь, и на бумаге тоже.
Угодно ль, судари? Ну, нет! Избави боже!

SINNGEDICHT AUF PALSCHAU

Ein Gott der Tonkunst Palschau spielt
Und alles hört und alles fühlt.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА НА ПАЛЬШАУ

Играет Па́льшау — что Орфей,
И внемлет всё музыке сей.

AUF EBEN DENSELBEN

Der Kenner Ohren, die der Tonkunst Macht empfinden,
Die Gabe seltner Himmelsgunst,
Worin nur wenige ein glücklich Erbteil finden,
Entzückt des Meisters seltne Kunst.
Doch Menschen, die sonst gar nichts fühlen,
Sind ganz Gefühl, wenn Palschau spielt.
Und dies ist wahre Kunst im Spielen,
Daß jeder hört und jeder fühlt.

ПЕРЕВОД:

НА НЕГО ЖЕ

Слух знатоков, над кем музы́ка властно правит,
Кому сей редкий дар сужден,
Кто сча́стливый удел себе от ней составит,
Игрою мастера пленен.
Но даже и людей без чувства
Пальшау пленит своей игрой,
И в том-то истинно искусство,
Что внемлет всяк ему душой.

* * *

Wie, Haller hätte das Gedicht
«Die Ewigkeit» geschrieben?
Nein, dieses glaub ich nicht:
Die Ewigkeit hat selbst gedicht
Und Haller nur geschrieben.

ПЕРЕВОД:

* * *

Ужели Галле́р сочинил
Стихи под титлой «Вечность»?
Не верю! Галлер, правда, был
При сем, но строчки выводил,
А сочиняла вечность.

* * *

Es scheint, die Ewigkeit spricht selbst in dem Gedicht,
Von der ein Háller spricht.

ПЕРЕВОД.

* * *

Не вечность ли сии стихи творит,
О коей Галлер говорит?

SINNGEDICHT

Jüngst webt Herr Reimreich ein Gedicht
Auf einen groβen Herrn zu seinem Namenstage.
Die Schönheit des Gedichts nach der gemeinen Sage
Und wie man mir versichert hat,
Denn von mir selbsten weiβ ichs nicht,
War selbst das Titelblatt.

ПЕРЕВОД.

ЭПИГРАММА

Намедни сплел Рифмач стишок
Вельможе одному ко дню его рожденья.
Знать сам — не знаю я, но вот людей сужденья,
Молва о нем такая шла:
Краса сих стихотворных строк
В заглавии была.

* * *

Ich lese Stumpfsinn sein Gedicht
Auf einen reichen klugen Mann.
Das, was ich vom Gedicht zum Ruhme sagen kann,
Ist, daβ kein Mensch von dem Gedichte spricht
Als nur der reiche kluge Mann.

ПЕРЕВОД:

* * *

Тупицынски стихи я чел.
Про богача он вздумал написать.
Одно об тех стихах могу я здесь сказать:
Про них молчали все, и толк нашел
В них только самый тот богач.

AUF EINEN VERSTORBENEN SCHRIFTSTELLER

Ein Autor starb, weil er sich totgeschrieben,
Und dieses ist gewiß geschehn.
Wo ist denn alles das geblieben,
Woran er sich so totgeschrieben?
Die Welt hat nichts gesehn.

ПЕРЕВОД:

НА СКОНЧАВШЕГОСЯ ПИСАТЕЛЯ

Какой-то автор насмерть записался.
Его и в самом деле нет.
Но где ж хоть след тому остался,
На чем он насмерть записался?
Сего не видел свет.

* * *

Ein Autor starb, er hat sich totgeschrieben.
Ei, ei, kann dieses wohl geschehn?
Man sagts. Es ist davon ein Zeichen nachgeblieben:
Man solls an seinen Fingern sehn.

ПЕРЕВОД:

* * *

Какой-то автор насмерть записался.
Возможно ль слухам веру дать?
Да, говорят. И знак тому еще остался:
На пальцах у него видать.

AUF EINE GELEHRTE SCHRIFT

ALS EIN EINGANG ZU DEN VORLESUNGEN DER ANATOMIE, ÜBER DEN NUTZEN DERSELBEN, WO DER VERVASSER BEWEISEN WILL, DAß KEINE KUNST UND KEINE WISSENSCHAFT OHNE DIE ANATOMIE BESTEHEN KANN; DAß SELBIGE IN ALLE KÜNSTE UND WISSENSCHAFTEN EINEN EINFLUß HABE

Es war ein Anatomicus,
Der mit Gewalt es haben wollte,
Daβ seine Kunst und ihn
Die Welt verehren sollte.
Pries sich und seine Kunst der Welt aufs beste an
In einer Schrift, die er zum Druck befördern wollte,
Und gab sich alle Müh,
Die man nur fordern kann;
Allein sein Eingang fängt gleich mit Gestanke an.

ПЕРЕВОД:

НА НЕКОЕ УЧЕНОЕ СОЧИНЕНИЕ

КАК ПРИСТУП К ЛЕКЦИЯМ ПО АНАТОМИИ, О ПОЛЬЗЕ ОНОЙ, КОГДА СОЧИНИТЕЛЬ ХОЧЕТ ДОКАЗАТЬ, ЧТО НИ ИСКУССТВО, НИ НАУКА БЕЗ АНАТОМИИ СУЩЕСТВОВАТЬ НЕ МОГУТ; ЧТО СИЯ ПОСЛЕДНЯЯ ВЛИЯНИЕ ОКАЗЫВАЕТ НА ВСЕ ИСКУССТВА И НАУКИ

Был некий анатóм,
Который от людского мненья
Науке и себе
Потребовал почтенья.
Умение свое он миру восхвалял
И вдосталь прилагал он всяческого рвенья,
Чтобы свой труд издать.
Издать-то он издал,
Но в самом приступе тотчас же навонял.

AUF EBEN DIESELBE

Anatomie! Du Wunder deiner Zeiten,
Du Ehre jeder Kunst und jeder Wissenschaft,
Die seit so vielen Ewigkeiten
Der Welt so vieles Licht geschafft;
Anatomie! Anatomie!
Du hast unendlich mehr derselben Glanz erhöht,
Weil du beweiset, daß nichts, wo du nicht bist, besteht.
Bildhauerei, Philosophie
Und Malerei und Poesie
Und Baukunst und Theologie —
Dies alles wird durch dich erhöht,
Und alles lebt und nichts vergeht,
Was nur mit dich in Bündnis steht.
Nur weh in dieser Schrift dem Schuster und dem Schneider,
Denn diese sind vergessen, leider!

ПЕРЕВОД:

НА ТО ЖЕ

Анатомия! Ты прямое диво,
Благая часть искусств и всех наук кумир,
С пор незапамятных счастливо
Ты светом озаряла мир.
Преславная анатомия!
Во блеске славы ты превознесла его,
Явив, что без тебя нет в мире ничего.
Ваяние, философия,
Художество и поэзия,
Феология и иныя
Тобой науки взращены,
А коль с тобой съединены,
Им веки вéков суждены.
Но здесь сапожнику да вот еще портняжке
Беда: обойдены бедняжки.

* * *

Sagt, woher kommts, daß man so viele Schwätzer findt,
Die jedem Klugen Pest und Gift und Geißel sind?
Und diese können nicht, wenn sie nicht plaudern, ruhn.
Weiß denn kein Mensch zum Schweigen sie zu bringen
Und ohne sie hierzu durch Schwert und Rad
zu zwingen?
Gebt Schwätzern doch ein Amt, damit sie etwas tun!

ПЕРЕВОД

* * *

Отколе пустомель взялась такая тьма,
Которы умным бич, отрава и чума?
Без болтовни никак им часу не прожить.
Ужель молчать никто их не заставит,
Кнутом и топором ума им не направит?
Чин дайте болтунам, пошлите их служить.

AUF DIE WEINHÄNDLER

Ihr, die ihr schlechten Wein für guten uns verkauft
Und den verdorbenen zum guten wieder tauft,
Was roten Wein betrifft, so geb ich euch den Rat,
Folgt ihm, gewiß, er ist nicht übel in der Tat:
Nehmt Wasser, Essig, Honig, Wein,
Mischt Sandelholz hinein,
So habt ihr roten Wein.

ПЕРЕВОД:

НА ВИНОТОРГОВЦЕВ

Вы рады нам дрянцо, а не винцо продать,
Дрянцо же сызнова вином именовать.
А что до красного, так дам совет я свой,
Последуйте ему, — советец недурной!
С сандалом воду, мед, вино
Смешайте заодно —
Вот красное вино!

AUF EINEN GEIZIGEN

Man hat von Geizigen viele schon beschrieben,
Doch einer ist noch übrigblieben,
Den man der Welt noch nicht genannt;
Und diesen hab ich selbst gekannt,
Allein ich laß ihn ungenannt,
Um seinen Schatten nicht im Grabe zu betrüben.
Er wünschte ächzend sich bei jedem Bissen Brot,
Den er nur halb genoß, den Tod.

ПЕРЕВОД:

НА СКУПЦА

Премногих нам скупцов изображали,
А одного не описали.
И вот один такой скупой
Не назван миру будет мной,
Хотя он был знакомец мой,
Дабы во гробе тень его не опечалить.
Себе он всякий раз, когда кусок жевал,
Кончины, охая, желал.

* * *

Herr Schwarzseel stirbt, die Bürger laufen fort.
Ein Reisender aus einem andern Ort
Frägt sie: «Was ists, das euch die Stadt verlassen läßt?»
— «Die Pest!»

ПЕРЕВОД:

* * *

Злолюб наш при смерти, сограждане бегут.
Проезжий некакий, случившись тут,
Спросил: «Что вам велит бросать свои дома?»
— «Чума!»

* * *

Herr Windreich, voller Prahlereien,
Wünscht seine Wände voll besetzt mit Schildereien,
Um großen Herren nachzuahmen.
Sie sind nun da, und seht, wie schön sind Glas
und Rahmen!

ПЕРЕВОД:

* * *

Наш Ветрогон, хвастун отменный,
Хотел картинами себе увесить стены,
Как у вельмож они бывают.
Картины тут — и глянь, как рамы их блистают.

* * *

Stax lebt! Ists möglich, daß er lebt?
Ists nicht sein Schatten nur, der mir vor Augen
schwebt?
Nein, nein, er ists gewiß, er lebt.
Ich dächt', er hätte längst sein mustervolles Leben
Zum Preis dem Stricke hingegeben.

ПЕРЕВОД:

* * *

Стакс жив! Тому не верит свет!
Не тень ли Стаксова здесь взору предстает?
Нет, нет! Он сам явился в свет.
Я ж мнил, что честну жизнь давно по доброй воле
Скончал он в петле на глаголе.

* * *

Ihr, die ihr über Doris klagt
Und ihr zum größten Nachteil sagt,
Sie sei den Männern nicht gewogen,
Weil keiner sie zum Lieben je bewogen,
Wie könnt ihr sie so hart verklagen?
Kein Jungselle wird von ihr dies Böse niemals sagen.

ПЕРЕВОД

* * *

Не след Дориду вам хулить
И пред людьми ее чернить:
Она мужчин-де сторонится
И на любовь нимало не клонится.
Зачем винить ее сурово?
Холостяки о ней не говорят худого.

* * *

O welche Grausamkeit! O welche Bosheitssünde
Begehet ein Verleumder nicht,
Wenn er zum Nachteil selbst der größten Unschuld spricht!
Und dies empfand auch jetzt Dorinde.
Man sagt von ihr, sie haßt der Menschen ganz Geschlecht
Und denkt und spricht von jedem schlecht.
Schweigt, ihr Verleumder, schweigt! Halt' ein mit eurem Schmähn,
Ich selbst will für Dorindens Unschuld stehn,
Dorinde haßt ja nur ihr eigenes Geschlecht.

ПЕРЕВОД:

* * *

О злобный клеветник! Свирепейшее жало!
Ужели можно перенесть,
Когда невинности убыточит он честь?!
Сие Доринда испытала.
Ей человеческий-де ненавистен род,
Она-де каждого клянет.
Клеветники, давно пора умолкнуть вам.
За честь Доринды я вступаюсь сам:
Ведь ненавистен ей один лишь женский род.

* * *

«Gib, Himmel, mir doch bald ein liebes junges Weib
Zur Freude und zur Ruh, <zu> Lust und Zeitvertreib!»
Rief einstens sehnsuchtsvoll ein Mann;
Und ich rief auch den Himmel an:
«Gib mir zu meinem Wohl und meinem wahren Heil
Auf Lebenszeit das Gegenteil!»

ПЕРЕВОД:

* * *

«О небо! Юную жену мне ниспошли,
Чтоб с нею мы свой век отрадно провели!» —
В тоске однажды некто восклицал.
Тут к небесам и я воззвал:
«Мне во спасение ты отведи напасть —
На век мой дай обратну часть!»

* * *

Stax sitzt und denkt den ganzen Tag.
Sagt, was doch Stax wohl denken mag?
Ists ein Prozeß, ein Halsgericht,
Was ihm den Kopf zerbricht?
Nein, alles dieses nicht.
Was denn? Weil seine Frau mit Mannspersonen spricht.

ПЕРЕВОД:

* * *

Весь день задумчив Стакс сидит.
Скажите, что его томит?
Тяжба иль уголовный суд
Его теперь гнетут?
Отнюдь! Его жена —
Всегда с мужчинами беседует она.

SINNGEDICHT ÜBER EIN BRAUTPAAR

Hebt auf den zweifelvollen Streit,
Ihr Gäste, die ihr hier zum Mahl versammelt seid,
Ob in der Tat dies Paar voll heißer Liebe brennt.
Ihr hört es ja, der Bräutigam wird schon
Von einem jungen Sohn
Papa genennt.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА НА БРАЧНУЮ ЧЕТУ

Сумнительный оставьте спор!
Вы, гости на пиру, и знайте с этих пор:
Во брачной сей чете амурный пыл живет.
Из вас, поди, всяк нынче слышать мог,
Как жениха сынок
Отцом зовет.

* * *

Ein Mädchen zeiget sich gleich einem Engel mir,
Kaum hab ich sie, so wird der Teufel selbst aus ihr.

ПЕРЕВОД:

* * *

Мне дева кажется творением небес,
А стоит сблизиться, как станет сущий бес.

* * *

Du hast uns, Boileau, durch deinen Witz gezeigt,
Welch Übel eine Frau im Ehestand erzeugt.
Allein du hast uns nicht zugleich belehren wollen,
Wie wir das Frauensvolk natürlich hassen sollen,

ПЕРЕВОД:

* * *

Преострым ты умом явил нам, Боало,
Какое нам от жен бывает в браке зло,
Но ты не пожелал добавить в поученье,
Как нам по естеству питать к ним отвращенье.

SINNGEDICHT

Der gute Mann dort denkt in seinem Sinn,
Die Junker bücken sich vor ihn.
Der Geck! Besinnt er sich denn nicht,
Daß er den Augenblick mit seiner Frauen spricht?

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА

Вон Добродум, и, верно, мыслит он:
Ему дворяне бьют поклон.
Иль невдогад головушке чудной,
Что со своей в тот миг беседует женой?

* * *

Herr Hornreich klagt: er friert und hat nicht Holz genug,
Sein kaltes Zimmer zu erwärmen.
Herr Hornreich ist nicht klug,
Er macht umsonst vor Frost so viel Geschrei und Lärmen,
Die Hörner, die er trägt, sind die nicht Holz genug?

ПЕРЕВОД:

* * *

Вон Рогонос вопит: ему-де мало дров,
Не натопить ему покои!
Прямой он пустослов.
К чему о холоде стенание такое?
Ужель ему рога не заменяют дров?

* * *

Jüngst traf mich jener gute Mann
Bei seiner Frau im Bette an,
Und machte mir so finstre Miene,
Als schien er drüber aufgebracht.
Dies hätt ich doch wohl nicht gedacht,
Ich wollte ja dem guten Manne dienen.

ПЕРЕВОД.

• • •

Намедни муж меня застал,
Как я с его женою спал.
Он рожу мрачную состроил —
Его-де разобрало зло.
А мне б и в ум то не пришло!
Я чаял счастие его устроить.

SINNGEDICHT

Madame, Sie lieben mich, und lieben mich recht sehr?
Ich glaubs; ein Glück für mich. Doch glaub ich dies noch mehr
(Allein Sie halten mirs zu Gnaden):
Sie lieben mich wohl zwar, doch mehr noch meine Mahden.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА

Вы любите меня со страстию, мадам?
Что ж! Верю. Я счастли́в. Да боле веры дам
(Но чур не гневаться!), что боле
Вам любы, нежли я, мои лужки да поле.

SINNGEDICHT

Madame! Wie fangs ich an
Ihr wahres Bildnis zu erlangen?
Nicht der geschicktste Maler kann,
So groß mein Wunsch und mein Verlangen
Und die Belohnung immer sei,
Nicht einen Zug natürlich fassen.
Den Augenblick fällt mir hierzu ein Mittel bei
Und dieses gleich geschehn zu lassen;
Ich wett, der Maler wird alsdann sie richtig fassen:
Ich will den Teufel holen lassen.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА

Ваш истинный портрет,
Мадам, как раздобыть сумею?
Сам гений живописи, нет,
Не схватит кистию своею,
Сколь я ему ни заплати,
Сколь ни желай картины страстно,
Живой он черточки не схватит во плоти.
Но способ есть, теперь мне ясно.
Ей-ей, художник вас изобразит нам точно:
Пошлю-ка я за чертом срочно.

* * *

Du willst das Bildnis gern von Mad. N. bekommen.
Das sie, da sie verreist, mit sich genommen,
Und klagst, daß es durchaus nicht möglich ist.
O Dummkopf, der du bist!
Als wenn dafür kein Mittel ist!
Kannst du denn nicht geschwind den Teufel holen lassen?
Der Maler wird gewiß ihr Bildnis richtig fassen.

ПЕРЕВОД:

* * *

Портрет NN тебе всё не дает покою,
Который увезла она с собою.
Ты плачешься: другого не найти.
Болван ты во плоти!
Уж будто средства не найти!
Пошли кого-нибудь за чертом в пекло срочно,
Тогда изобразит ее художник точно.

* * *

Sie haben recht, Madame. Man putzt sich zu gefallen
Gefallen ist ja eine Pflicht,
Und doch gefällt man niemals allen,
Denn oft gefällt das Beste nicht.
Alleine so wie Sie mich schildern,
Ich putzte mich aus Eitelkeit,
So find ich unter solchen Bildern
Vollkommen ihre Ähnlichkeit.
Wer sich von außen ziert, sucht Narren zu gefallen,
Wo keine Kluge sind, und so gefällt er allen,
Drum habe ich das Glück, auch Ihnen zu gefallen.

ПЕРЕВОД:

* * *

О да! мы рядимся, мадам, чтобы быть милу.
Ведь милу быть есть некий долг.
Но всем не будешь мил насилу,
Коль часто даже в лучшем толк
Не знают. И не уверяйте,
Что я из дурней щегольских,
Иль докажу я — так и знайте! —
Что сами-то вы из таких.
Кто ряжен напоказ, тот ищет полюбиться
Шутам, коль умных нет. Тогда он всем сгодится.
Мадам, имею честь и вам я полюбиться.

ÉPIGRAMME SUR MR. N. A. LWOFF

Vous voulez que de vous je peins le caractère?
Mais ne savez-vous pas que je suis juge sévère?
Eh bien, examinons!.. Ma fois, je n'y trouve rien...
Il faut vous l'avouer: vous êtes homme de bien.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА НА г. Н. ЛЬВОВА

Угодно, сударь, вам, чтоб я ваш нрав представил?
А знаете ль, что я судья суровых правил?
Что ж! Поглядим! Ей-ей, не вижу ничего...
Вы добрая душа. Вот только и всего.

ÉPIGRAMME
ASSEZ POUR FAIRE LE PORTRAIT DE N. A. LWOFF PAR LA RIME «-AGE»

Lwoff dans le printemps de son âge
A de l'Amour les traits et le visage,
Son air on trouve aussi volage
Que son esprit est fort et sage.
Pour son cœur on en peut tirer cet avantage,
Pour qui à converser avec lui a l'usage,
Pour devenir des bons l'image.

ПЕРЕВОД:

ЭПИГРАММА,
ДОСТАТОЧНАЯ ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ Н. А. ЛЬВОВА С ПОМОЩЬЮ РИФМЫ НА «-ОВА»

В златую пору лет у Львова
Черты и лик Амура молодова,
Вид ветреника удалова.
Он человек ума большова.
А что до сердца, то спроси хоть у любова —
Всяк знающий его вам скажет, что такова
Не сыщешь добряка второва.

MON EPITAPHE

Il est vrai que toujours je me suis vu sans bien;
Mais aussi je vécus ne craignant jamais rien.

ПЕРЕВОД:

МОЯ ЭПИТАФИЯ

То правда, сроду я добра не наживал,
Зато и страха я весь век свой не знавал.

GRABSCHRIFT

Der hier in dieser Gruft liegt unterm Leichenstein,
Der schien ein groβer Geist, allein kein Mensch zu sein.

ПЕРЕВОД:

ЭПИТАФИЯ

Тот, кто под камнем сим лежит, скончав свой век,
Сдается, гений был — отнюдь не человек.

AN GUTE FREUNDE ÜBER DEN WAHREN GENUß DER ZEIT

I

Lasset uns die Zeit genieβen,
Freunde, die so kostbar ist,
Und nicht ungenutzt verflieβen
Unsere kurze Lebensfrist.
Laβt uns jede Augenblicke
Nutzen stets in Fröhlichkeit,
Bleibet weit von uns zurücke,
Kummer und Verdrieβlichkeit,
Denn verloren sind die Stunden,
Die wir nicht vergnügt empfunden.

2

Lasset uns die Zeit doch schätzen,
Da sie noch zu schätzen ist;
Nichts kann den Verlust ersetzen
Ihrer gar zu kurzen Frist.
Und auch diese wird durchträumet:
Einer spielt, der andre reimet
Und ein dritter schläft und ißt.
Drum laßt keine Zeit verfließen,
Die wir nicht vergnügt genießen.

ПЕРЕВОД:

ДОБРЫМ ДРУЗЬЯМ ОБ ИСТИННОМ НАСЛАЖДЕНИИ ВРЕМЕНЕМ

1

Други! Мигом дорожите,
Чтоб бесплодно не протек
Без приятственных событий
Нашей жизни краткий век.
Возлюбите наслажденье
Каждый день и всякий час!
Пусть беда и огорченье
Навсегда минуют нас,
Ибо те часы пропали,
Где услады мы не знали.

2

Пусть же каждый время ценит,
Прежде чем оно минет.
Нам ничто ведь не заменит
Краткий срок, коль он пройдет.
Он в мечтаньях пролетает:
Тот — игрок, тот сочиняет,
Тот лишь спит, да ест, да пьет.
Не теряйте мига, други!
Веселитесь на досуге!

WUNSCH

Wenn ich ein solches Mädchen fände,
Das bloß aus reiner Lieb und reiner Zärtlichkeit
Ohn Eigennutz, ohn Eitelkeit mit mich auf ewig sich verbände,
Nicht einen Augenblick verlör ich Zeit,
Mich diesem Mädchen zu ergeben.
Und oh! Wie glücklich würd ich leben,
Sie lieben und von ihr geliebt zu sein,
Dies wär mein Wunsch, mein Glück allein.
Und hätt ich Welten zu vergeben,
Gleich würd ich alle sie hingeben,
Um nur der ihrige zu sein.
Denn sie wär meine Welt, mein Reich, mein Gut allein.
Und oh! Wie glücklich würd ich leben,
Sie lieben und von ihr geliebt zu sein,
Dies wär mein Wunsch, mein Glück allein.

ПЕРЕВОД:

ЖЕЛАНИЕ

Сыщись такая мне девица,
Которая навек лишь по любви одной,
Не по корысти бы, со мной
Хотела браком съединиться,
Не ждал бы я и часу, чтобы с той
Красавицею сочетаться
И стал бы ею услаждаться,
Любил ее и сам любимым стал.
Иного я б и не желал.
А чтоб девице сей предаться,
Немедля счастию отдаться,
Миры бы я взамен отдал,
Коль скоро бы мне в ней блаженства мир предстал.
Я стал бы ею услаждаться,
Навек любимым ею стал.
Иного я б и не желал.

LIED

Wenn endlich wirst du mich erhörn,
O meine Doris, meine Ruh!
Erreicht dich nicht mein zärtlich Flehen,
O höre meinen Seufzern zu.

Sind Klagen voller Qual und Schmerzen
Aus einer halb erstorbnen Brust,
Aus einem dir getreuen Herzen
Dir, Doris, stets noch unbewußt?

Vermag mein Lied dich zu bewegen,
So sprich doch einmal noch zu mich,
Kann ich noch deine Lieb erregen,
Mein Thirsis, ja ich liebe dich!

Und nun — nun willst du mich verlassen,
Du scheinst auf ewig vor mich fliehn,
Ists möglich, könntest du mich hassen
Und alles Glück mit dir entziehn?

Ein Herz, das nur für dich geschaffen,
Das du die Liebe selbst gelehrt,
Willst du, statt zu belohnen, strafen,
Ein Herz, das dich allein verehrt.

Doch soll ich den Verlust empfinden,
So lindre dieses meinen Schmerz.
Nie wirst du einen Thirsis finden,
Nie ein dir so getreues Herz.

ПЕРЕВОД:

ПЕСНЯ

Когда же свижусь вновь с тобою,
Дорида милая моя?
О, тронься же моей мольбою,
Услышь, как воздыхаю я.

Ужель моих и мук и пеней,
О дева красоты,
И сердца верного молений
Досель не услыхала ты?

Коль песнь моя тебя тревожит,
Так повторяй же мне, молю,
Коль страсть твоя пылать возможет:
«О Тирсис, я тебя люблю».

И вот меня ты покидаешь.
Видать, я стал тебе невмочь.
Ужель ты зло ко мне питаешь
И счастье всё уносишь прочь?

То сердце, что тебя лишь чтило,
Тебе бы надо наградить.
Его любви ты обучила,
Чтобы теперь его казнить.

Да будет же в сердечной боли
Одно утехою моей:
Ты Тирсиса не сыщешь боле,
Ни сердца не найдешь верней.

AUF DEN K<ÖNIG> V<ON> P<REUßEN>

Er war der größte Geist, das Muster größter Dichter,
Der Tonkunst größte Ehr, der größte Sittenrichter,
Der größte König seiner Zeit
Und auch der größte Freund der
Menschenfei<n>dlichkeit.

ПЕРЕВОД:

НА КОРОЛЯ ПРУССИИ

Дела его пиитством превелики,
Блюститель нравов он, прославлен он в музыке,
Монарх великий, мощный дух
И ненавистникам людского рода друг.

Приложения

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И НАБРОСКИ

ВДОВА

Кто нежность жен к мужьям осмелится оспорить,
Одних чтоб похвалить, других чтобы позорить,
И станет правилом всеобщим принимать,
Что будто нежности в жена́х нельзя сыскать, —
С тем тотчас я готов хоть пред судом тягаться,
А мало этого — на поединке драться.
«Неправда, — я скажу, —
Чтоб нежным уж жена́м к мужьям не отыскаться».
И докажу
Противное тому тем, что́ я расскажу.
Жена лишилася супруга,
Любезного дружочка, друга,
Когда и как, не знаю я;
Довольно, что жена моя,
В отчаяньи таком жестоком,
В унынии таком глубоком,
В каком никто жены другой
Не видывал родясь, я чаю, никакой,
К могиле мужниной по всякий день приходит
И страшный плач и вопль над мужем производит
И, словом, смертною объемлется тоской.
А муж ее был погребен
На том кладбище, где и прочих хоронили,
А те кладбища были
За городской стеной, где грешников казнили.
В то время, как вдовы был муж тут погребен,
Был грешник тут казнен,

А именно повешен,
За то, что в воровстве был грешен,
И был его стеречь приставлен часовой.
В том городе обряд такой,
Что грешников долой, повесив, не снимают,
А на глаголе оставляют,
Чтобы воров других тем зрелищем страшить
И к воровству бы в них охоту отвратить.
Вдова моя горюет
И над могилою и день и ночь,
Не отходя ни на минуту прочь,
Тоскует
И, зляе что еще, нарочно голодует,
Чтобы из нежности к супругу своему
Последовать скоряй на тот же свет к нему.
Страж грешника сей вопль и горький плач внимает;
Зачем, кто и о ком, страж грешника не знает.
И день и ночь прошли, настал день уж другой;
Мой часовой
Узнать весьма о том желает,
И только ночи он скоряе ожидает,
Затем что днем сойти с часов боится прочь.
Настала ночь.
Пошел мой страж туда, где вдовушка рыдала
И часа смертного себе устроевала.
Стал вдовушку служивый унимать,
Чтоб тосковать она о муже перестала:
«Ведь тем его тебе уже не воскресить, —
Служивый стал вдовице говорить. —
Уж так и быть,
Что мужа своего ты милого лишилась,
А ты к тому ж еще и молода,
Так это не беда;
Ведь муж как муж: того нет — наживешь другого,
А может быть, еще такого,
Который лучше и того.
Пожалуй, не скорби лица ты своего
И перестань оплакивать его.
Подумай, годы-та твои еще какие:
Ведь годы самые еще лишь молодые,
Ведь ты красу лица совсем тем погуби́шь,
И вовсе тело ты и дух свой изнуришь,

И изгрустишься,
И прежде времени красы своей лишишься!»
Проходит так-то день, проходит и другой.
Мой часовой
С часов по всякий день вдовицу посещает
И вдовушку груститься унимает.
И в истину, моя вдовица начинает
Помалу в чувство приходить,
То есть уж менее отчаянною быть;
А если прямо говорить,
Так воина уже хотя и не любить,
Однако же к нему и не противной быть,
Которого сперва и видеть не хотела,
Как в первый раз он к ней пришел
И от отчаянья ее унять хотел.
Такую стража речь власть над вдовой имела.
Когда же воин сей вдовицу посещал
И, должность позабыв, ее лишь утешал
И плакать унимать старался,
В беду было мой часовой попался:
На виселице вор повешенный пропал:
Какой-то вор подкрался
И вора с виселицы снял.
Мой часовой встужился и взметался,
Почти в удавку лезет сам.
И в истину бы быть великим хлопотам,
Когда б со вдовушкой да ты не подружился.
Без памяти к вдове мой часовой бежит.
«Погиб я и пропал! — вдове он говорит. —
Подумай, грешника ведь у меня стащили!
Пропала голова моя!
Куды гожуся я?
Навек теперь меня злодеи погубили!
Куды теперь, куды несчастный я поспел?
А всё, что я унять твою тоску хотел...»
И дело в истину на шутку не походит,
А до того доходит,
Чтоб часовому самому на виселице быть
За то, что допустил он грешника стащить.
Мой воин выть,
Грустить...
Вдова о сем его несчастии встужилась;

Да как помочь и что начать?
А помощи нельзя служивому не дать:
Добро добром и надлежит воздать.
Да как? кто может отгадать
И в деле том совет какой-нибудь подать,
Чтобы хлопот всех миновать?
Читатель, знать, тебе того не отгадать.
Так слушай же, что я хочу тебе сказать
(Когда читатель сам того не отгадает).
Вдове мой воин так вещает:
«Позволь мне мужа ты покойного отрыть
На место грешника его чтоб поместить,
Когда хоть мало ты да обо мне жалеешь
И искру нежности к несчастному имеешь;
За что тебя
В знак благодарности возьму я за себя».
— «Что мне ты говорить, жестокий, смеешь?
Мне ль тень покойного толико оскорбить
И до ругательства такого допустить?
Что станут люди говорить?
Нет, не ласкайся тем: тому не можно быть».
— «Так хочешь ты меня, я вижу, погубить!»
— «Нет, и того-та я никак бы не желала, —
Вдова сказала. —
Ну а другим уж чем иным переменить?»
— «Еще тебя, еще хочу тебя просить,
Ужли то ты меня желаешь погубить?
Ах, сжалься, сжалься надо мною
И над жестокою моей судьбою!
Я буду ввек твоим тебя благодарить».
Вдова, другого тут не видя средства,
Сказала воину: «К спасению от бедства,
Ин быть тебе помочь, что делать мне с тобой?
Твори что хочешь ты с покойным и со мной,
Да только лишь его скоряе ты отрой;
Но чтоб глаза мои того бы не видали
И люди бы тебя при том да не застали!»
На виселицу муж из гроба лезет вон...

* * *

⟨1⟩

Легко ли на людей, чтобы исправить их,
И пишут, и писали книг
И прозой, и стихами,
И колкими, и гладкими словами;
Да полно, даром всё; ничто их не берет <...>
Напрасно и трудиться:
Они же станут лишь сердиться.

⟨2⟩

Испорчен, право, здешний свет.
Хоть что ни говори, так в прок ничто нейдет.
И прозой, и стихами,
И колкими, и гладкими словами
Довольно, кажется, насказано для всех:
Вот это дурно, это грех —
Однако, как на смех <...>
Чтобы поправить <...>

И некоторые описать лицы и пороки...

Не раз, а часто я слыхал,
Как некто эдак рассуждал,
А сам, как случай показался,
Забыл всю проповедь, которую сказал,
И первый в ту же слабость впал,
Которой он, в других приметя, насмехался.

В баснь:

Признаться, так простой подьячий это был,
Но имя для стихов подьячего не сродно —
Оно не благородно.
Ох! Слово для стихов «подьячий» не пристало, —
Да где ж другого взять,
Другое надобно сыскать,
Да как подьячего подьячим не назвать?

Подьячий слово хоть собой не благородно
И для стихов совсем не сродно. . .
Подьячий, что ли? нет,
Подьячий в стих нейдет,
В стихах подьячий слух дерет.
Эй, перестань подьячих ты бранить, —
Приятели мои мне говорят. —
Они тебе за то, ну право, отомстят.
— Вот! отомстят! ужли суда на них я не найду,
Ужли в сообщество подьячих все пристали
И сами все подьячими стали?
Я тотчас и того подьячим назову,
А этим слыть никто не согласится,
По крайней мере, я готов бы утопиться.
Мне б не хотелось в стих подьячего вместить,
Чтоб именем его стихи не осквернить.

* * *

В умеренности всё блаженство состоит;
А кто его не знает, —
Мечты, не счастья, тот желает.
Да полно, что? И всякий это знает
И говорит,
Да делает не то.

В басню:

Чужого не замай, а береги свое.
Я вечно б не тронýл того, что не мое,
Чтобы хлопот себе не навести на шею,
И для того я их, спасибо, не имею.
К тому же сатаны я столько не робею
И даже злой жены я столько не боюсь,
Как дел подьяческих и спорных берегусь.

* * *

Всю правду говоря доселе про зверей,
Расскажем правду мы теперь и про людей,
Чтоб не сочли, что мы дотуда не годимся,
Что даже слышать мы о правде уж боимся.

* * *

Кто всё увертками и хитростью живет,
Скоряе пропадет,
Как тот, кто всё прямой дорогою идет.

В баснъ:

По взгляду не суди: обманчив внешний вид.

* * *

Кто знает,
Что тайно при дворе говорено бывает?

В басню:

Не по уму чиновен,
А по чину умен.
На тех, кои чины не по достоинствам получают.

ПИСЬМО К ДРУГУ

Вы жалуетесь на петербургские суеты
<. . . . .>
Теперь в деревне я живу, сует не знаю,
Собой и временем по воле управляю.
Живу как хочется, не так, как мне велят,

Не принужден хотеть другие что хотят,
По повелению веселым вдруг казаться,
По повелению и плакать и смеяться,
Не должен, живучи с людьми, людей искать
И, будучи в кругу веселостей, скучать.
Уже и эта мысль одна меня прельщает,
Которой редко кто всю важность понимает,
Что скользкий пол бояр больших я не топчу
И тяжкой милости себе их не ищу.
Не думаю о том, что в праздник мне с поклоном
Быть должно к барину, со всем поднявшись домом;
Когда ж я барина с поклоном не застал,
Не думаю: ну вот, теперь-то я пропал,
Что место я свое, какое занимаю,
По злобе на меня, конечно, потеряю.
К тому ж в ином дому, по совести признаться,
Быть разве для того, чтоб только досаждаться,
Глядеть, как шут его домашний веселит
Или как, разложив он карты, ворожит.
В другом углу судья там истца ублажает
И в карты поиграть его с собой сажает,
И, чтоб имение свое не потерять,
Судье именья часть он должен проиграть.
Блаженством сельским я теперь увеселяюсь
И дружеством ко мне Капниста наслаждаюсь
И счастья суетно не льщуся находить,
Чтоб, беспокойствие нашед, его нажить,
Чтоб пред боярами большими пресмыкаться
И думать, как в своем бы месте удержаться.

Поклоны тут упомянуть. . .

Но как желания в нас могут пременяться,
То можно ли и мне наверное ручаться,
Чтоб я сей жизн<и>ю всегда доволен был
И на другую бы ее не пременил?
Что я тогда начну, того и сам не знаю
И для того такой премены не желаю,
Чтобы противною дорогою нейти,
Где вместо счастия несчастие найти.

САТИРА К СЕБЕ САМОМУ

«Не на других пенять — на самого себя:
Не трогай сам других, не тронут и тебя.
Что нужды не в свои дела тебе мешаться?
Кто за хороший вкус велит тебе вступаться?
Всяк свой имеет вкус, хорош ли он иль нет,
Уж не с тебя о том потребуют отчет.
С чьего отважиться ты вздумал позволенья
Дурными называть дурные сочиненья?
Зачем Хераскова стихи не похвалить,
Когда Хераскову тем можно угодить?
Зачем хулить его утеху и отраду,
Им сочиненную поэму «Россиаду»,
Хоть дурно, говорят, ее он написал.
Пусть кто ни говорит, да ты б о том молчал.
Есть не одно его дурное сочиненье,
Ужли входить тебе о каждом в рассужденье?
Ну кстати ли? Что ты, скажи мне, ты с умом?
К тому же рассуди об этом ты одном:
Весь век свой человек писал, и всё напрасно,
Затем что всё писал со вкусом несогласно,
И вздумал наконец поэму сочинить,
Чтоб память по себе хоть ею утвердить.
А ты и тут, свой яд насмешки испуская,
Лишаешь и того, всего его лишая.
Довольно, что ему смеются на словах,
Зачем о том еще в печати говорить?»

— «Да что ты на меня так очень нападаешь?

То, что я про него сказал, такого шуму не стоит. Вина моя вся та, что я лишь посмеялся, что у него зима за воинов дерется. За это, кажется, не должно бы сердиться. Хоть множество было бы о чем еще сказать, однако я всего не хотел сказать. Вот если бы я сказал, что картины ни одной порядочной в «Россиаде» нет, все здание — развалины и все картины дурные,

Акафистов с молебнами не занимать же стать.
Когда по совести всю истину сказать,
Тогда имел бы он причину осердиться.
А за одну зиму за что б ему браниться?»
— «Ведь вот как о других чего не говоришь,
Как кто бы ни писал несносно, да молчишь,

Никто небось тебя никак не позамает,
А всякий и тебя, читая, похваляет.

Ну сам ты рассуди, когда б ты про Хвостова сказал, что он скверно все, что ни писал, писал, когда б Петрова ты осмеял язык и «Энеиду» и сказал бы, что он с надсадою стихи свои сбирает, и таким несносным языком, ведь и он бы право получил сердиться. Нет, право, клев<ет>ать (?) сочинениям не годится. Нет, я надеюсь, что ты об них ничего такого не скажешь, а иначе врагов премножество себе на шею навяжешь».

* * *

Зачем глупец скоряй до счастья доступает?
Затем, что глупостей людских не осуждает.
Вот Чемен, например, не станет говорить,
Что Собакин, не зная, чем себя на свете отличить,
Хотел чрез колокол до славы доступить,
Который в слух людей звуча бы возвещал,
Что бытие ему Собакин дал.

И сею ирониею и о других продолжать. Про Хераскова «Россиаду» не скажет, например, что в ней зима только и побеждает, а не сами воины своею храбростью.

НА СУЕТУ МИРА

Признайся, Львов, ты свет довольно сей уж знаешь:
Не всё ль ты в нем мечту одну лишь обретаешь?
Мне кажется, что нет в нем истины ни в чем,
И всё, что видим мы, ложь видим мы во всем,
Меж лжою родились, в обманах возрастаем
И сами быть другим обманом привыкаем.
Скажи кто истину, тот верно пропадет
И век в несчастьи свой и в бедствах проведет.
Кто злобен родился, казаться добрым тщится,
Чтоб ложным видом сим до счастия добиться.
Потребны ли чины, богатство и порода,
Чтоб отличить себя от низкого народа?

Мне кажется, благородство не в титлах состоит,
А истинный его в достоинствах вид.
Нередко подлеца находим под звездой,
А благородный дух в одежде лишь простой.

<. . . . .>

И в них получишь всё: мне кажется, что нет.
К чему же к суетам стремиться от сует?
Положим, ты найдешь, что ты найти старался,
Желанью твоему предмет уж не остался.
Ты сделался богат, чинами награжден,
Прославлен, возведен и отличен.
Что ж, больше выиграл ты пред смертными другими
Богатством, титлами и званьями своими?
Мне кажется, ты то ж, что ты и прежде был:
Ты ныне человек и прежде тем же слыл.
Подвержен слабостям таким, каким и прежде,
Хоть слаще ешь и пьешь, хоть в лучшей ты одежде.
И царь таким же сном, как и крестьянин, спит.
На это скажешь ты, я знаю, может быть,
Как я сужу, одним лишь стоикам судить.
Вели́ка разница богату жить иль скудно.
И разницы не знать в том было б безрассудно,
Рабом ли слабым быть, иль властным господином
И ниже быть мне всех имением и чином.
Противное сему я тотчас докажу
И те ж слова твои наоборот скажу.
Я лучше чту рабом быть себе и вольным,
Как господином тьмы других господ невольным.
Сие-то самое умы и ослепляет
И быть других рабов рабами заставляет.
Издревле человек, привыкший возноситься
И пред подобными себе всегда гордиться,
На вымыслы готов, то средство изобрел,
Чтоб власть над равным он приманкой возымел;
И всякий выдумал свое к тому посредство.
Сей вымысл шел из рода в род, как будто бы наследство.
Тот златом и сребром слабоумов ослеплял,
Другой сокровищем других людей пленял.
Так люди от людей обманутыми стали.
Как куклами детей, людей всё забавляли.

Правители земель хитростию превзошли
И способ, как людей уловлять, нашли.
Издревле ценными дарами награждали,
Потом уж лентами людей прельщать уж стали.

Для мудрого ль сие, сей пустотой прельщаться
И, властвуя мечтой, счастливым называться?
Нет, слабоумам то в утеху лишь дано,
А нам оставлено блаженство другое,
<. . .>то есть добродетель и честность.
Пусть будешь ты богат, и в счастии великом,
И будешь шелковым кругом обвешан лыком,—
Без целомудрия не будешь счастлив ты.
Кто хочет счастлив быть, тот бегай суеты.

В сатиру:

И только временщик лишь новый появится,
Стихами стихоткач воспеть его стремится.
Тотча́с он и герой, и победитель стал,
Хоть неприятеля родяся не видал,
Тотча́с защитник муз, покров их, защититель,
О пользе своего отечества рачитель.
Тотчас он сделался не тот, каким он был,
Как скоро лишь в число временщиков вступил,
И словом, человек он быв, стал чуть не богом,
Так вознесут его своим пииты слогом;
Так ищущие в нем, чтоб милость получить,
Стремятся все его до неба возносить.
Так хвалят все того, кого и знать не знали
И имя коего родяся не слыхали.
«Вот верный раб царю, вот добрый человек!
Теперь-то потечет златой повсюду век».
Но о! ласкателей прегнусная хвала!
Коль близко съединена с тобою их хула.
Едва временщика судьбина пременилась,
Вся лесть в ругательство опять об<оро>тилась.
Сегодняшну хвалу в брань завтра превращают
И постоянны лишь в непостоянстве пребывают.

* * *

<. . . . .>
И, пишучи стихи, печется лишь о том,
Чтобы не написать ему их по пустом.
Что нýжды до того, чтобы стихи хвалили?
Лишь только б за стихи мне щедро заплатили.
И, пишучи стихи, вперед располагает,
Какое слово что за плату обещает.
Вот это слово мне побольше принесет,
Поставлю я его, а в том надежды нет.
Сто крат иную мысль пременит он другою,
Да лишь не лучшею, а только же дурною,
Напишет и ценит, цена мала — чернит.
А если тот его не щедро наградит,
Кого стихами он своими вздумал славить,
То вдвое он его за то уж обесславит
И, осердившися за скупость на того,
Не станет ввек писать стихов уж на него.

* * *

«Ты говоришь: «Да кто велит ему писать?»
Что ж? Разве с голода и впрям ему пропасть?
Не редкий бы еще теперь без места был,
Когда бы чрез стихи его не получил.
Крестинные ли то иль свадебные были,
Которы умного читателя бесили
И кои своего толь гнусного творца
Пред светом обличили подлеца».
— «Речь не о том.
Бесчеловечного урода
Зови отцом народа;
Сквернавку первую красавицей зови. . .»
— «Нет, право, не потачь; на речи все смотреть,
Так с голоду подчас придется насидеться».
— «Всё это хорошо, да полно, вот что страшно:
Куда годишься ты от критиков. . .»

* * *

Не мог бы сытость ты со гладом различити,
Не мог бы нужного себе ты испросити
И принужден был ввек сорокой щекотать.

В сатиру куда кстати:

Сие было и я старался испытать,
Увидя, что стихи убытку нет писать,
Но нет, и в сем труде успеху не бывало —
Везде мне и во всем таланту, знать, не стало.
Пошел, отстал опять от стихотворства я
И стал кривитель прав иль сделался судья.

ПЕРЕВОД САТИРЫ БОАЛО К УМУ

С тобой, мой ум, теперь хочу поговорить:
Пора мне слабости твои тебе открыть;
Довольно я молчал и их таить старался
И, им потворствуя, сам часто заблуждался.
Доколе будешь ты, скажи мне. . .

В САТИРУ О РАЗУМЕ

Кто умным быть себя <. . .> не воображает?

. . . .

Иного ум в мошне, другого в благородстве,
Другого в знатности, иль в росте, иль в дородстве.
Тот сидя за столом умен, наевшись сыто,
И таинство ему природы всей открыто.
Другой под лентою, с блистательной звездой,
Умен, велик, мудрец и в случае герой.
Тот шестерней когда в карете разъезжает,
Умняе никого себя не воображает.
Тот, перстнем на руке сот в десять возблистав,
Мнит смертным всем давать умом своим устав.

Тот, вползши кое-как в чертоги позлащенны,
Мнит: все теперь пред ним животные презренны.
Вот как о разуме нередко разумеют,
Другого же об нем понятья не имеют.
По мненью многих, ум лишь в деньгах состоит.
Другой мнит: «Я умен затем, что чин имею»,
говорит.
А я так о уме не тако понимаю,
И только то себе я правилом считаю:
Глупец — глупец, хоть будь в парче он золотой,
А кто умен — умен в рогоже и простой.

САТИРА НА ИДУЩИХ ПРОТИВУ УЧЕНЫХ ЛЮДЕЙ, ИЛИ НА СЕБЯ САМОГО

Ну, разум мой, скажи, к чему твой труд стремится,
К чему ты день и ночь над книгами трудишься
И над науками ты день и ночь сидишь,
Почти не пьешь, не ешь и по ночам не спишь.
Не думаешь ли ты наукой отличиться
И знати и чинов науками добиться?
Скажи, пожалуй, мне, какая мысль твоя?
Мне кажется, что так, не отгадал ли я?
Когда то подлинно и я не ошибаюсь,
Так чрезвычайно я тебе в том удивляюсь.
Смешон до крайности ты кажешься мне быть,
Когда позволишь мне ты правду говорить:
Слыхал ли ты, чтоб кто был счастлив по науке,
Не жил бы в нищете, не умер бы во скуке?
Никак; не думаю, чтоб ты про то слыхал.
А ежели когда такой пример бывал,
Так был лишь он один. . .

* * *

Хотя и говорят, что свет умняе стал
Против того, каков он в старину бывал,
Однако и про нас глупцов еще осталось.
Дурачество другим по временам сменялось.
Дурачество всё есть, да вид переменяет.

* * *

Мы из дурачества в другое переходим
И во страстях одних всю жизнь свою проводим.
Прошедшие дела когда вообразим,
То ясно, кажется, достойных смеха зрим.
И подлинно, себя мы осмехаем сами
И, всё то рассмотрев, зовем себя глупцами.
Предпринимаем ввек того уж не творить,
Что б новую могло нам глупость изъявить.
Но случай лишь едва удобный нам предстанет,
Как прежде обманул, и ныне тож обманет.
Так человек гласит: «Коль глуп тогда я был,
Что я на глупости такие послужил;
Ведь ясно было то, как я не догадался?
И как я этого избегнуть не старался?
Как я себе смеюсь! о глупый человек!»
Нет, друг мой, не сердись, а знай: таков ты век.
От глупости одной к другой ты переходишь
И, прежней смеючись, другую вновь заводишь.

В ГОРОДЕ ОБРАЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ

С людьми ты должен обращаться,
С которыми должно всяк час притворствовать,
Которые всяк час пременный лик имеют:
Иное говорят, другое разумеют.

В САТИРУ НА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНЬЕ

У нас хотя чины и въявь не продают,
Но тоже без заслуг по дружбе так дают.

В САТИРУ О ЧЕСТНОСТИ

О чести всяк твердит, всяк имя чести знает,
Но редкий оную на деле исполняет.

* * *

Зимою стужу мы несносной называем,
А летом жар и зной и с солнцем проклинаем,
    И как на свете ни живем,
Век настоящим мы довольны не бываем.

В сатиру:

Иной кудрям своим вид пол-луны дает,
        Другой <. . .> в кольцо их гнет,
И если кудри кто, как он, не подвивает,
Без знанья человек и в свете жить не знает.

К БАСНЯМ МОИМ ПРИНОШЕНИЕ КОМУ-НИБУДЬ ВПРЕДЬ

⟨1⟩

Ведь без покровительства никак не проживешь, а его разными способами обресть стараются. — Способы должно отчасти упомянуть, а особливо тех подлецов, кои выклонить и выстоять хотят милость у тех господ, у коих милости ищут; а я так, будучи неприятель этого раболепства, бегу его; а вы ведь этого не любите, хотя бы я чрез это и хотел милость вашу выиграть. Я от природы молчалив, а потому бы вам я только скуку навел, предстоя вам подобно какому-нибудь бюсту; а чтоб вам угодить хотя несколько, так по крайней мере пусть говорят вместо меня мои сказки и басни.

⟨2⟩

Давно мне хочется вам угодить, мил<остивый> гос<ударь>: вы меня принимали всегда так милостиво; все, кои тем же самым приемом пользуются, по крайней мере угождают вам остротою своих разговоров тогда, как вам они надобны, чтобы разбить мысли ваши, отягченные теми делами, кои решением войны и мира в государстве содержат и распоряжают. Я у вас всегда бываю лишним, а вы таки меня всё приглашаете да приглашаете. Ведь вам скучно и смотреть-то на меня, и я больше вам скукою и в тягость, нежели в удовольствие; нет, милостивый государь, я никак не способен беседу

вашу увеселить. Но чтобы хотя сколько-нибудь вам угодить и милость вашу заслужить, так я нашлю на вас басен моих: они вместо меня вам что-нибудь наговорят. Вы там, коровы, лисицы и все <...> наговорите ж господину этому что-нибудь. Дело с бездельем надобно мешать, чтобы дух не отяготить и после важных трудов отдохнуть. Да смотрите ж хорошенько, как можно больше вздору, да только умного однако ж, не глупого вздору; а иначе и на глаза мне больше не кажитесь и никогда уже не льститесь, чтоб с вами я вперед знакомства стал иметь, когда вами барин этот недоволен будет.

БАСНЯ

Одно животное желало дойти до счастия, чтоб иметь доступ до двора львова и быть причастну его тайнам. Дошло оно до того. При первом случае важном, когда настояла надобность отправить посольство ко льву-другу и соседу, который войну объявить готовился, употребил лев это животное. Лев тот не выпустил от себя то животное и принудил его открыть все тайны и потом посадил в заточение. Вот каково причастну царским тайнам быть! Опасно в царской тайне быть.

БАСНЯ

Льву хотелось завесть войну с своим соседом; и чтоб зверей подбить на свою сторону и ввести в свое намерение, то разными приманками на то пошел, как нарядами зверей низких и простых в шкуры важнейших и знатнейших зверей. Лисицу нарядить хотел тоже в кожу знатную. Однако лисица сказала ему: «Да что, разве под этою кожею моя кожа переменится, и разве я не та ж лисица? И разве кожа эта меня защитит от зубов другого льва? Нет, я благодарна. Чужой я кожи для наряда не хочу и, чтоб остаться целой, на войну

нейду». Так-то приманивают людей крестами да лентами (кресты и перстни). Однако они не так умны, как эта лисица.

* * *

У льва был зверинец насажен разными зверями для пищи льва и приставлены были собаки стражами. Лисице не по нутру, что у этих верных приставов поживиться нечем было: наговаривать льву на собак и взносить всякое на них преступление. Лев хоть лев, а слабость также есть. Лев был столько слаб, что поверил лисице и отдал ей на произвол выбрать приставов, кого она хочет. Лисица приставила осла. С тех пор и начала таскать из зверинца сколько хотела, и льву кусок, лисице два. И, став слаба зверинца стража, пошла со всех сторон покража. Лев получал кусок, лисица два куска. Бояря! вот образ ваших приказчиков и управителей.

БАСНЯ

Собака нашла кость, и как на ней мяса не было, то повертела ее в зубах и бросила. Лисица нашла ту же кость, разгрызла ее и нашла в ней мозг, который выела. Не бывает ли это самое и с сочинениями? Невежда, не входя в смысл хорошей книги, оставляет ее и не читает, а умный пользу открывает. (В книге, иногда и весьма хорошей, невежда полезного не находит, а умный в той же самой пользу открывает.) Сколько сочинений подвержены той же участи!

БАСНЬ

Рыбу и раков ловят с огнем; и рыба и раки на огонь или, лучше сказать, на свет идут, а между тем, шедши на свет, в мережу попадет. Вот приманчивость

5. басня на пословицу Святое мѣсто пусто не будет

Левъ главный председатель судейского мѣста отпустил последняго рана судью ... оный его преступающий угодить не хотел. мѣсто было весьма хорошо занято исправными и добрыми судьями; но потом стало занято судьями предлыми и ~~[illegible]~~ пренегодными. Левъ отпуская прежняго судью сказал святое мѣсто пустым не будет. однакоже в том больше угождать святому мѣсту пустым не будет бесспорно что пусто не будет, да что в том ~~[illegible]~~ каковъ кто мѣсто то займет. человек там лучше быть ~~[illegible]~~ где надлежало бы сообразно поставить. или чем сам поставить где надлежит лучше быть?

въ Комедiи ~~[illegible]~~ черту подобострастия ~~[illegible]~~ подлецов рассердившихся между прочим и ту когда ~~[illegible]~~ командиров чихнет, оно всѣ хоть больше чинов кинутся отправить на сторону ему поклониться; кричем некоторые ~~[illegible]~~ съ усердия попадают.

~~[illegible]~~ басня на непостоянство или ненадежность случая

Сей переменит командира
Старались долгое время о том
уклонил новые головы
и в [illegible] нову приходят
чтоб новой [illegible] прогнать

въ басне бальная [illegible]
въ шелку [illegible] ~~[illegible]~~ въ шнурование стала
~~[illegible]~~
Старой [illegible]
въ шнурование [illegible]

многих лжеучителей: они так блистательно свои уверения и учения показывать умеют, а людей между тем не на свет выводят, а в тьму ввергают.

БАСНЬ НА ПОСЛОВИЦУ: «СВЯТОЕ МЕСТО ПУСТО НЕ БУДЕТ»

Лев, главный председатель судейского места, отпустил полезного члена из судей, затем что он его пристрастию угодить не хотел. Место было весьма хорошо занято исправным и добрым судьею; но потом стало занято судьею презлым и пренегодным. Лев, отпуская прежнего судью, сказал: святое место пустым не будет. Ошибка в том большая — утверждать: свято<е> мест<о>-де пустым не будет. Бесспорно, что пустым не будет, да дело в том, каков кто место то займет. Неловко там лисице быть, где надлежало бы собаку посадить. (Или: ужли осла там посадить, где надлежит лисице быть?)

БАСНЯ

Хозяин некий, имея зверя дикого на цепи в доме, вздумал этого зверя спустить с цепи и дать ему ходить на воле, во-первых, из жалости к зверю, а сверх того считая, что зверь, может быть, уже обрусел. Итак, спустили зверя с цепи; и зверь, увидя себя на воле, стал по склонности своей врожденной всех терзать, кто ни попался, так что и хозяину досталось самому. Дать волю хорошо, да должно знать кому. И с зверя цепь отнюдь не надобно снимать, пока не будешь ты, что обрусел он, знать. Так, например, народ, получа, быв в рабстве, волю, как зверь с цепи сорвется. Народ, не будучи обуздан нравственным чувством добра или зла, как дикий зверь, с цепи сорвется.

БАСНЯ

Дорожный денег нес мешок. Случилось, что встретились ему несколько других дорожных, из коих одни давно ремесло разбойничье отправляли. Но были и такие, которые никогда подобного греха не знали. Первые, по склонности своей, тотчас на видимую добычу броситься хотели; но другие уговаривать их разными способами. Да что, ни слуху нет, ни послушанья. Словом, бросились на прохожего, и деньги отнимать, за ними и святоши тоже: «А нам чего смотреть, если так? — Пускай же, если так, и мы достанем часть». Всяк после этого скажи и думай смело: всяк человек то есть, когда о деньгах дело.

(Начало: Ручайся за людей! скажи: тот добр, тот худ. Все ошибешься, неровен час. Тот двадцать лет все был хорош: найдет час, что все в ничто обратится.) Над кем не действует прибыток?

При этой басни мне пришел другой род людей, поважняе этих. Я их не назову: всяк может сам добраться. Так точно видеть мне случалось, что те, которые против разграбления целых государств шли, после туда ж в помощники пристали.

БАСНЯ

Сельди, будучи преследуемы китами, от них ушли, а вместо того в мережи людей попали. Подумаешь: ничто от людей не уйдет, и даже до сельдей все не ушло от людей.

И от людей всё не ушло,
И даже до сельдей.

БАСНЯ

Один бедняжка искал счастия своего во всем и всеми образы, да не мог никак дойти, чтоб счастия найти. Случилось ему найти вещь, до которой, как слышал

он, государь его весьма охотник был. Пошел он ко двору, с тем чтоб эту вещь вручить прямо своему государю, чтоб тем вернее до него дошла. «Отведаю счастие в последний раз: авось-либо найду». Иногда такие вещи пропадают, когда через других вручаемы бывают. Случился час, что государь его показался, и он вещь ему эту вручил. Государь ее принял с отменною милостью и велел ему при дворе остаться; однако должно знать, что, вместо одной милости от государя, сносил он из зависти от придворных, для чего не через них до государя дошел, тысячу неприятностей и напастей.

БАСНЯ

Одна травка стояла на открытом поле без всякой защиты, так что ветр и всякая другая непогода делала с нею что хотела. Другая травка стояла под защитою дома, под кровлею, в тени, в тишине, и защищена от всего. Меж этими травками часто бывали упреки в превосходстве состояния, величаясь одна перед другой. Как обыкновенно, хорошее состоянье спесь рождает. Травка на поле сносила это все, не без огорченья однако ж. Да только в ответ говорит траве под домом: «Увидим, что конец наш окажет». Что ж случилось? Дом упал, дерево с собою повалил и траву задавил, которая под домом стояла. (Под защитою большого человека хорошо быть, пока самого его бог милует; а ежели на него несчастие придет, то вместе с ним и тот, кто под его защитой жил, падет) (то и тот, кто счастьем его счастлив был, пропадет).

* * *

Один человек, завидуя счастию больших бояр, что бывают всегда вместе с царем и в его секретах, дошел старанием своим до того счастия, что был в первых секретах. Первый и был посажен вечно в заточение, чтобы вместе с ним и секреты на свет не вышли.

БАСНЬ

Дерево представить с плодами, на которое ветер всею силою устремлялся, и, дерево будучи сильное, ничего ему сделать не мог, а только плоды с него срывал. Нравоучение то, что ветер — невежество, которое, самому дереву не могши ничего сделать, срывает с него плоды, и хотя кажется, что чрез то плодам и дереву вред наносит, но вместо того в цену их вводит, потому что иной достать бы плод с дерева не мог, упалое подымает.

Достоинство иного сочинения не столько бы разбирали, если бы его Сорбонна и инквизиция не жгла.

А книга хороша была —
Сорбонна ведь ее сожгла.

А где Сорбонны и инквизиции нет, там есть невежи, которые точно то ж самое делают, что делают те.

Полно, католики один из догматов веры, то есть чистилище, и в том наблюдают, что сочинения жгут; однако их цель в этом случае хотя и не то, чтобы им придать важность, но то, чтобы их истребить.

Il ne faut jamais persécuter aucune folie soit superstition, secte ou quelconque autre: c'est l'exciter d'avantage, il faut la laisser aller sans faire semblant d'y prendre garde ou sans les traiter de consequente. Tout ce qu'on peut faire, c'est de la rendre ridicule.

<Никогда не надобно преследовать никакой глупости, суеверия, секты или чего-либо подобного: это значило бы возбуждать ее более; надо оставлять ее в покое, не подавая вида, что замечаешь ее и считаешь чем-то важным. Можно позволить себе только одно — сделать ее смешною.>

БАСНЬ

Дурака заставь богу молиться, он и лоб разобьет. Велели одному поститься и молиться, чтобы постом и молитвой сподобиться царства небесного. Дурак стал

молиться и поститься, считая, что он в небо попадет; а как простаков всегда на все довольно бывало, то он и думал, что тотчас ему въяве небо и растворится, потому что он это наставление толковал прямо по словам. Но видит, что все с ним не сбывается переселение на небо; стало ему скучно. Раз идет он мимо колодезя и остановился перед ним, и видя небо и себя как в зеркало, подумал, что тут-то он небо и сыскал, которое ему давно уж обещали, но где оно, не указали, и что так близко, не сказали. И в полной радости, что небо он увидел, бросился в колодезь и там еще теперь.

В пословице ведь говорится:
Дурак вещь всякую навыворот берет;
Заставь кто дурака молиться —
Дурак и лоб себе, моляся, разобьет.
Для дурака ни в чем числа ни меры нет.

БАСНЬ

Солнце осердилось на океан за то, что он не раз делал на земли или, лучше сказать, плодам солнца вред и опустошение; начало спускаться с высоты своей и его жечь, так что ажно океан весь закипел, а от этого, что океан должен был закипеть, сварились все в нем животные. Так между ссорой двух больших все маленьким достается. Меж ссорой двух больших всегда меньшой теряет.

БАСНЬ

Был меж зверей выбор отрядить какого-то зверя к управлению местом, и местом важным; отряд этот поручен был от льва приближенным к нему зверям. Они выбрали осла к управлению местом. Другие звери, помельче и не так важные, сколько те, удивились странному этому выбору и спросили их, для чего они назначили глупейшую из них скотину: ведь сыскались бы поумняе. На что отряжающие, чтоб намерения свои ко-

варные и хитрые скрыть, сказали: «Осел хотя не так, как вы, умен, да он смирен». Другие звери им на это отвечали: «Это правда, с глупым легче жить; что хочешь можно делать: он вопреки ни в чем не будет говорить».

В басню:

Звери такие-то убегали такого-то зверя точно так, как убегает большая часть людей умного человека.

* * *

Басню написать на сод<ержание>: il faut chasser le diable par le diable. Или: на злого человека злого надобно напустить, чтоб от него избавиться.

* * *

Когда мухи досаждают, то, чтоб от них отбиться, лучшее средство — поставить им пищу, и они тебя покинут и обратятся все на поставленное для них лакомство.

САТИРА К ДРУГУ

Скажи, пожалуй, мне, мой друг, к чему ты стараешься собрать сведения и разум твой просветить, и день и ночь над книгами сидишь? Какое тебе утешение в том, когда тебя, умного, вдруг толпа невежд окружит, с которыми ты неминуемым образом по должности или по службе, или по другим обстоятельствам дело

иметь должен? Тем досаднее, тем несноснее тебе и преимущество твоего ума, и ты сам себе несносен быть должен. Если же ты думаешь тем отличиться перед другими и дойти чести, почтения, богатства и пр., то ты ошибаешься. Посмотри-ка на того глупостью утучненного откупщика; загляни в родословную его: кто он был и кто он теперь есть? Книгами ли, умом ли он нажил те золотые горы, под коими его кладовые стонут, моты, имеющие у него кредит, пресмыкаются, и пред которым нередкий из знатных молчит и ему же кланяется? Посмотри на пирования его, к которым приглашены, однако ж, те только, кои громаду его золотых гор поддерживать за пристойное от него награждение должны: где в день пиршества повара и с поваренками должны были все свое искусство истощить, чтоб превосходительный желудок нагрузить, а на другой день лекаря всего города должны были столько же стараться все труды повара изгнать вон из утучненной утробы для облегчения; а ты, над книгами своими сидя, бываешь ли хотя простым куском хлеба сыт? Конечно, нет. Пускай, говоришь ты, я богат от ума не буду, так по крайней мере чины и честь заслужу. Неправда и то. Голос откупщиковых денег сильняе предстательствовать будет за него, нежели за тебя все твои науки, разум, благородство, добродетели и все достоинства, какие только ни придумай. Пустое! Уж будто чины продавать можно за деньги, как игрушки?

Того не знаю я, однако точно так...

* * *

Сатиру какую-нибудь начать вот так: «Нет, что-то мне на ум ни<ка>кая картина сатирная не попадется, бывало-таки я вздумаю про того, про другого...» и начать описывать в самом деле лицы или поступки их, а потом, довольно описав, кончить, сказывая, что как не приходит на ум ничего, то должен я, принявшись было за перо, бросить его безо всего.

ОДА

ПУТЬ, ЧЕРЕЗ КОТОРЫЙ В СЛУЧАИ ВХОДИТЬ СТАРАТЬСЯ ДОЛЖНО И МЕСТА ПОЛУЧИТЬ

О вы, которые хотите достигнуть до хороших мест и счастие свое сделать, не прямыми достоинствами сего ищите, нет, сим путем до того вы не дойдете, а старайтесь боярам угождать, их слабость, склонности и страсти узнавать и в том им только угождайте; и действие то продолжайте при каждой перемене командира при каком месте. Готовьте, при перемене оного, новые поклоны, внимайте прихотей его законы: того старайтесь лошадью прельстить, другого трубкою иль девкой уловить.

Когда же вы лишитесь прежнего, коего нравы, охоту, страсти, склонности вы вызнали, и, следовательно, в опасности находитесь потерять своего места и близки того, чтоб по миру идти, хотя вы те ж заслуги и достоинства имеете, которые и прежде имели, однако чтобы удержаться при своем месте и не лишиться пропитания и должной пищи, разведывайте нового своего командира, как и прежнего, и старайтесь в милость к нему новую войти; самые его слабости да будут вашим орудием ко уловлению его, и сие уловление заступит место всех достоинств.

Сатирическое изображение:

Иной счастие свое получает чрез то, что сидит для компании у больного мужа и занимает его во удовольствие здоровой жены, которая выигрывает случай между тем препровождать время с здоровыми мужчинами. (Сие поместить должно в сатиру ту, которая описывать будет, коль разными путями люди так называемое свое счастье находят, состоящее в титлах и богатствах.)

К элегии

Ищу песчинку, былинку, которой твои дражайшие стопы касались; но ищу в неизвестности тщетно. Увы! Когда бы та былинка одушевленною сделаться могла;

когда бы возгласила <...> взял бы я хотя ее вместо тебя к отраде души моей и тот час кончил бы жизнь свою и положил бы с собою во гроб.

Предисловие к трагедии

Если бы мы в республике жили, я бы вам посвятил эту трагедию как патриоту; но теперь приношу ее вам как мудрому и ревностному воли государской исполнителю.

В трагедию:

Мне ль должно днесь вздыхать,
Мне ль знати эту страсть,
Но что любовь, и чтó ее возможет власть.

* * *

В комедию ввести черту подобострастия каких-нибудь подлецов подчиненных. Между прочим и ту, когда командир чихнет, то все из всех углов кинутся опрометью на сцену ему поклониться; причем некоторые с усердия попáдают.

ПРИМЕЧАНИЯ

История изданий произведений Хемницера — это в основном история изданий его басен. При жизни автора, кроме двух сборников «Басен и сказок», напечатанных анонимно, вышли также (отдельными изданиями) «Ода на славную победу... при городе Журже» (1770), «Ода на славную победу... над турками и татарами при устье реки Кагулы» (1770), ода «Сиятельнейшему графу Алексею Григорьевичу Орлову... на вторичное из Архипелага в Санкт-Петербург прибытие» (1773) и перевод героиды Дора «Письмо Барнвеля к Труману из темницы» (1774).

Первый сборник басен под названием «Басни и сказки N... N...» (СПб., б. г.) вышел в 1779 г. (дата устанавливается указанием самого Хемницера — см. примеч. к мадригалу М. А. Дьяковой, стр. 348). Здесь были помещены 33 басни, в том числе две под грифом «Чужие басни». В сохранившемся экземпляре этого издания, подаренном баснописцем Н. А. Львову, имя автора указано на титульном листе полностью: «Басни и сказки Ивана Хемницера». В тексте рукой Н. А. Львова сделаны многочисленные поправки, часть которых была учтена Хемницером во втором издании басен (книга хранится в собрании покойного Г. А. Гуковского).

Второй сборник «Басен и сказок» (СПб., 1782), вышедший также под инициалами «N... N...», был дополнен 36 новыми баснями.

После смерти Хемницера в 1784 г. его друзья Н. А. Львов и В. В. Капнист начали подготовку нового издания «Басен и сказок». На экземпляре принадлежавшего Львову сборника 1779 г. его рукой набросан проект титульного листа с датой «1793». Однако это издание — «Басни и сказки И. И. Хемницера, в трех частях» — вышло лишь в 1799 г. Первые две части, подготовленные Львовым, содержали басни, опубликованные при жизни Хемницера (пять басен: «Писатель», «Два купца», «Земля хромоногих и картавых», «Пустомеля» и «Боярин афинский» были исключены из сборника). В третьей части, подготовленной Капнистом, были напечатаны 23 новых басни, извлеченные из рукописей покойного баснописца. Капнист же, по-видимому, написал предисловие — «Жизнь сочинителя». [1]

---

[1] См.: «Заметки Львова для биографии Хемницера». — «Сочинения и письма Хемницера», под ред. Я. Грота. СПб., 1873, стр. 42.

В тексты басен третьей части Капнист внес значительные изменения, в ряде случаев дав совершенно новые редакции. Некоторая правка была сделана и Львовым в первых двух частях сборника. По тексту этого издания готовились в дальнейшем все издания басен Хемницера вплоть до 1870-х годов (только в первой половине XIX в. вышло 35 таких изданий).

Начало систематического изучения творческого наследия Хемницера связано с именем акад. Я. К. Грота. В 1871 г. Грот сообщил о том, что в руки его попали бумаги Хемницера, находившиеся во владении И. С. Капниста, внука В. В. Капниста. В 1872 г. в апрельской книжке «Русской старины» было опубликовано 12 басен Хемницера и извлечения из его «памятной книжки» по автографам, принадлежавшим петербургскому любителю литературы Г. П. Надхину (тетрадь с автографами басен далее обозначается «тетрадь Надхина»). В примечаниях Я. К. Грота сообщалось, что печатные тексты басен Хемницера искажены поправками Капниста. В 1873 г. Я. К. Грот издал «Сочинения и письма И. И. Хемницера по подлинным его рукописям». До настоящего времени это издание является лучшим как по полноте собранных текстов, так и по качеству их подготовки. Грот включил в свое издание все сохранившиеся басни, впервые опубликовал сатиры, стихотворения, эпиграммы, письма и черновые наброски, оставшиеся в бумагах Хемницера. Гроту же принадлежит наиболее полный до сего времени биографический очерк о баснописце. В комментарии даны разночтения печатных изданий, важнейшие рукописные варианты и краткие историко-литературные справки. Последующие издания басен Хемницера (в частности, в сб. «Русская поэзия» С. А. Венгерова, СПб., 1898, т. 1) представляют собой, по существу, перепечатки из издания Грота.

Настоящее издание является первым в советское время собранием стихотворных произведений Хемницера и наиболее полным по своему составу. В него включено много новых материалов, оставшихся за пределами издания Грота. Большинство из них печатается впервые (девятнадцать новых текстов были опубликованы Л. Е. Бобровой в «Ученых записках ЛГПИ им. А. И. Герцена», т. 168, ч. 1, 1958).

В отличие от предшествующих изданий, в данное собрание произведений Хемницера не входят так называемые «Чужие басни», печатавшиеся в прижизненных сборниках. Уже в первой половине XIX в. появились сомнения в принадлежности этих басен Хемницеру (так, И. П. Сахаров не включил их в издание 1830 г.). В 1855 г. Н. С. Тихонравов выдвинул предположение, что автором их является Н. А. Львов (см. рецензию Н. С. Тихонравова на книгу М. А. Дмитриева «Мелочи из запаса моей памяти» в «Отечественных записках», 1855, № 1, стр. 12). Я. К. Грот, защищая авторство Хемницера, объяснял название «Чужие басни» цензурной маскировкой (в басне «Заяц, обойденный при произвождении» очевиден намек на Л. А. Нарышкина, обер-шталмейстера двора). Кроме того, Грот указывал на стилистическую близость «Чужих басен» к подлинным басням Хемницера. В 1927 г. Б. И. Коплан обнаружил черновой автограф «Чужих басен», принадлежавший Н. А. Львову, с датами: «30 июня 1775 г.»

(«Львиный указ») и «1 декабря 1778 г.» («Заяц, обойденный при произвождении»), что дало возможность подкрепить догадку Тихонравова. Появление басен в сборнике Хемницера Б. И. Коплан объяснял авторской скромностью Львова, очень редко выступавшего в печати и, как правило, не подписывавшегося своим именем (см.: Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. — «Известия АН СССР», 1927, № 7—8). Стилистические особенности «Чужих басен» (обилие трехстопных строк, прихотливость рифмовки и т. д.) нехарактерны для Хемницера, но вполне соответствуют стилистическим принципам правки Львова и Капниста в посмертном издании басен Хемницера (см. также: А. Ю. Вейс. Новые материалы для изучения биографии и творчества Н. А. Львова. — «XVIII век». Сб. 3. М.—Л., 1958, стр. 524— 526). Все эти аргументы в совокупности достаточно убедительно опровергают версию о принадлежности «Чужих басен» Хемницеру. К этому можно добавить, что в 1799 г., в издании «Басен и сказок» под редакцией Львова и Капниста, «Чужие басни» были резко отделены от основного корпуса басен Хемницера: они были помещены в конце всего сборника (в издании 1782 г. печатались в конце первой части), причем, в отличие от обоих прижизненных изданий, гриф «Чужие басни» был здесь перенесен из оглавления в текст.

В настоящее издание не вошли также стихотворные новеллы «Сказка» и оставшаяся незаконченной «Первая ночь» — произведения, неудобные для печати.

Сборник открывается «Баснями и сказками», составляющими центральную часть литературного наследия Хемницера. Раздел состоит из двух частей: первая часть повторяет структуру сборника 1782 г.; во вторую часть вошли басни, впервые появившиеся в издании 1799 г. («часть третья»), и «неизданные басни и сказки», опубликованные Гротом. Первые 12 басен части второй печатаются в том порядке, в каком они следовали в «тетради Надхина». Последовательность басен была для Хемницера не безразличной: в сохранившейся черновой тетради «Басни и сказки, ч. III» (Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР, архив Я. К. Грота), по-видимому непосредственно предшествующей «тетради Надхина», произведена нумерация басен, меняющая первоначальный порядок. В «тетради Надхина» последовательность была еще раз изменена.

Второй раздел составляют «Сатиры. Сатирические стихотворения»; к числу последних отнесены произведения, разнородные в жанровом отношении (сатирическая ода, пародийное переложение псалма и др.). Почти все сатиры Хемницера не получили окончательной отделки (имеются нарушения в чередовании рифм, метрические пропуски и т. д.); те из них, в которых недостает больших массивов текста или стихи заменены прозаическим изложением, выделены в «Приложения».

В разделе «Разные стихотворения» помещены оды, стихи на случай, любовная лирика, а также переводное «Послание Барнвеля к Труману из темницы».

В особый раздел выделены эпиграммы, эпитафии, надписи, двустишия и афоризмы. Это соответствует жанровому делению, намеченному самим Хемницером, в бумагах которого сохранилась

тетрадь «Эпиграммы и пр<очие> надписи». Материал систематизирован по жанрам. Среди двустиший и афоризмов, возможно, имеются «заготовки» для басен или сатир, выделить которые в ряде случаев не представляется возможным (см. примеч., стр. 351).

Собрание немецких и французских стихов Хемницера, которым заключается основной корпус, не претендуя на полноту, дает дополнительный материал для изучения его творчества.

В «Приложениях» печатаются незаконченные произведения, отдельные стихотворные фрагменты, относящиеся к неосуществленным замыслам басен и сатир, а также прозаические планы, не получившие реализации. При возникновении замысла Хемницер записывал фрагменты будущего произведения на отдельных листках или свободном поле в тетради, с указаниями: «В сатиру», «В трагедию» и т. п. Они сгруппированы в «Приложениях» по тематическому признаку. Фрагменты, относящиеся к написанным произведениям, приводятся в примечаниях к соответствующему тексту.

Басни, опубликованные при жизни Хемницера, печатаются по сборнику 1782 г. Для произведений, изданных посмертно, источником текста служат черновые автографы Хемницера, попавшие к Гроту от И. С. Капниста (ныне в Архиве Я. К. Грота, Рукописный отдел Института русской литературы АН СССР) и относящиеся к 1770-м — началу 1780-х годов (не позднее 1782 г. — года отъезда Хемницера в Смирну). Рукописи 1782—1784 гг., среди которых могли быть более поздние редакции басен и сатир, отсутствуют. Утрачены и бывшие в распоряжении Грота «тетрадь Надхина», «памятная книжка» Хемницера, содержавшая несколько планов, двустиший и эпиграмм, и поздняя черновая редакция басни «Левсват». Эти произведения печатаются по изданию Грота и «Русской старине» (1872, апрель). Некоторые из басен, не напечатанные самим автором и значительно переработанные Капнистом для издания 1799 г., помещены в основном тексте в двух редакциях — подлинной и переделке Капниста, по которой они были известны русскому читателю XIX в.

Дефинитивный текст большинства произведений Хемницера, не печатавшихся при его жизни, может быть установлен лишь условно. Задача весьма осложняется тем, что Хемницер, перебеляя рукопись, постоянно вносил новые исправления, иногда возвращаясь и к отвергнутым вариантам строк. В черновой рукописи он очень часто не зачеркивал строку, а писал вслед за ней два-три варианта, предполагая, очевидно, выбрать из них в процессе дальнейшей работы. В этих случаях составители предпочитают последний вариант строки; Грот, как правило, останавливался на первом. Большинство расхождений в текстах между настоящим изданием и изданием Грота обусловлено этим обстоятельством, а также тем, что Грот не всегда стремился выделить и отразить в публикуемых текстах последний слой авторской правки. В тексте сатир Грот произвел некоторые сокращения; пропущенные стихи восстанавливаются по рукописи. Устранены также изменения текста, внесенные Гротом по цензурным соображениям. Наиболее существенные исправления, сделанные по автографам, оговариваются в примечаниях. Ссылки на первую публикацию без дальнейшего указания

источника означают, что при последующих перепечатках изменений в текст не вносилось.

Все произведения Хемницера относятся, по-видимому, к 1770-м — началу 1780-х годов и сколько-нибудь точной датировке не поддаются. Ввиду этого даты в тексте не указываются; единичные авторские и редакторские датировки сообщаются в примечаниях.

Тексты печатаются по нормам современной орфографии, с сохранением грамматических форм и написаний, имеющих стилистическое значение. Редакторские конъектуры и пропуски текста в автографе отмечены угловыми скобками.

Переводы немецких и французских стихотворений Хемницера выполнены С. В. Петровым. Составители выражают благодарность С. А. Акулянц и М. Г. Арсеньевой за помощь в подготовке к печати текстов иноязычных стихотворений.

Условные сокращения, принятые в примечаниях:

Архив Грота — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР. Архив Я. К. Грота.

Изд. 1779 г. — Басни и сказки [И. И. Хемницера]. СПб., [1779].

Изд. 1782 г. — Басни и сказки [И. И. Хемницера]. Чч. 1—2. 1782.

Изд. 1799 г. — Басни и сказки И. И. Хемницера, в трех частях. СПб., 1799.

Изд. Грота — Сочинения и письма Хемницера по подлинным его рукописям, с биографической статьею и примечаниями Я. Грота. СПб., 1873.

ПД — Институт русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР.

PC — «Русская старина».

Ученые записки ЛГПИ — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена. Кафедра русской литературы», т. 168, ч. 1, 1958.

БАСНИ И СКАЗКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Милостивой государыне Марье Алексеевне Дьяковой. Впервые — изд. 1779 г., под названием «Милостивой государыне N... N... N... покорнейшее приношение». В экземпляре, принадлежавшем Н. А. Львову, вместо «N... N... N...» — «Марье Алексеевне Дьяковой». Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 3. В дальнейших изданиях в названии вместо полного имени и фамилии указывались только инициалы: «М... А... Д...». В рукописях Хемницера сохранились стихотворные и прозаические наброски и ва-

рианты посвящения. Приводим по автографу один из вариантов (в изд. Грота, стр. 112, опубликовано с неточностями):

...Вот каково, когда к чему кто не родился.
Я счастием давно, сударыня, уж льстился,
Чтоб басни с сказками мои вам посвятить,
А посвящая их, притом вас похвалить,
Иль голос вам других приятно повторить,
Сказать вам, например, как всяк вас почитает,
Кто хоть слыхал об вас, не только кто вас знает,
И что... Но вот уж я и стал...
Волтер! Ведь ты не раз, хваля кого, солгал,
Хоть ты б способности своей на час мне дал,
Чтоб истину я здесь с приятностью сказал
И то, сударыня, что б было вас достойно;
А лучше не хвалить, когда хвалить нестройно.
Нет, видно, помощи не будет от него,
А мне уж не сказать вам больше ничего.
И для того труд мой, пожалуйте, примите,
А мне назваться прикажите
Покорнейшим всегда покорным вам слугой.

См. также примеч. к наброску «К басням моим приношение комунибудь впредь», стр. 356. *М. А. Дьякова* (1753—1807) — дочь сенатского обер-прокурора А. А. Дьякова; впоследствии жена Н. А. Львова (см. вступит. статью, стр. 13—14). *Приятелям моим привык я угождать.* Имеются в виду Н. А. Львов, В. В. Капнист и Г. Р. Державин. *Старик* — персонаж из басни Хемницера «Робята своевольные». *Бедняк* — из басни «Богач и бедняк». *Отдай Дьяковой нас в покров* — т. е. под покровительство. *Медведь* — из басни «Медведь-плясун». *Свинья* — из басни «Два соседа». *Корова* — из басни «Мужик и корова». *Слоны* — из басни «Лев, учредивший совет». *Уродлива станица* — стая уродливых существ. *Жена* — из басни «Тень мужня и Харон».

Писатель. Впервые — изд. 1779 г., стр. 1. В изд. 1799 г. не вошло. Основная идея басни заимствована, по-видимому, из басни немецкого баснописца Христиана Фюрхтеготта Геллерта (1715—1769) «Der Maler» («Живописец»). Помещая эту басню на первое место в сборнике, Хемницер как бы заранее давал отпор возможным литературным противникам. *Не казался* — не нравился. *Не ласкался* — не надеялся.

Конь и осел. Вольный перевод басни Геллерта «Das Pferd und der Esel». Впервые — изд. 1779 г., стр. 3. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 13.

Умирающий отец. Вольный перевод басни Геллерта «Der sterbende Vater». Впервые — изд. 1779 г., стр. 4. Печ. по изд.

1782 г., ч. 1, стр. 14. Во всех посмертных изданиях, включая изд. Грота, ст. 1 изменен: «Жил-был отец».

Дерево. Впервые — изд. 1779 г., стр. 6. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 16. В. Ф. Кеневич указал на сходство этой басни с одноименной басней И. А. Крылова («Библиографические и исторические примечания к басням Крылова». СПб., 1878, стр. 141). Нужно уточнить, что это сходство более сюжетное, чем идейное. У Крылова ставится общечеловеческая проблема — отношение молодых к старикам. Идея басни Хемницера — шаткость, неустойчивость положения высокопоставленных особ при царском дворе. Осмысливая в связи с этим судьбу маленького человека, он писал в одной заметке: «Когда большой боярин интригою другого упадет, что весьма часто меж ними бывает, то я не боюсь, не будучи к нему привязан, что с ним вместе и я упаду» (архив Грота). На эту тему поэт предполагал написать басню, прозаический план которой сохранился в его бумагах (см. Приложения, стр. 288). *Зевес,* или Зевс (греч. миф.) — верховный бог, царь и отец богов и людей. *Вулкан* (римск. миф.) — здесь: бог подземного огня.

Пожилой гадатель. Впервые — изд. 1779 г., стр. 8. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 18. В посмертных изданиях (за исключением изд. Грота) — под заглавием «Гадатель», с изменениями ст. 7—9, 13 и без заключительных четырех стихов.

Скворец и кукушка. Перевод басни Геллерта «Der Kuckuck». Впервые — изд. 1779 г., стр. 9. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 19. В посмертных изданиях, включая изд. Грота, первые два стиха изменены: «Скворец из города, где в клетке он сидел, На волю улетел». Басня переводилась также А. П. Сумароковым.

Обоз. Впервые — изд. 1779 г., стр. 10. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 20.

Отец и сын его. Впервые — изд. 1779 г., стр. 11. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 21. В изд. 1779 г. начало и конец басни читаются:

ст. 1—3:

Был отец, имел он сына,
А сын был уже детина,
И говорит отец: Ну, сын, уж бы пора

ст. 18—19:

Боюсь, что взявши я жену,
Не взял бы с<атану>.

Два соседа. Впервые — изд. 1779 г., стр. 12. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 22. *Пока все животы судьям перетаскали* — т. е. все свое состояние, имущество.

Тень мужня и Харон. Впервые — изд. 1779 г., стр. 15. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 25. Начиная с 1811 г. во всех изданиях, включая изд. Грота, печаталось под заглавием «Тень мужа и Харон». В изд. 1779 г. после ст. 18 был еще стих: «И жить на свет другой вступают». *То к той реке приходит он* и т. д. По греческой мифологии, перевозчик *Харон* переправляет души умерших через реку Ахерон, протекающую в подземном царстве.

Мужик и корова. Впервые — изд. 1779 г., стр. 17. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 27, где исключены следующие заключительные стихи первопечатного текста:

Корова наконец под седоком свалилась.
Не мудрено: скакать корова не училась.
А потому и должно знать:
Кто ползать родился, тому уж не летать.

В изд. 1799 г. восстановлены первые два стиха этой концовки с заменой слова «училась» словом «родилась».

Кащей. Перевод басни Геллерта «Der Wucherer» («Ростовщик»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 19. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 29. В изд. 1799 г. концовка басни читается:

Как некто мимо проходил,
У незнакомого с восторгом он спросил:
«Довольно, кажется, тут бедных поместится?»
— «Довольно здесь их может жить;
Но всех хозяину сюда не поместить,
Которых по миру заставил он ходить».

Крестьянин с ношею. Впервые — изд. 1779 г., стр. 21. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 31. *Скучаем* — здесь в значении: надоедаем.

Два семейства. Впервые — изд. 1779 г., стр. 23. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 33. Ст. 31—32 выправлены Львовым в экз. изд. 1779 г., где они читались:

Любовь их труд не облегчает,
Летит и вздорных оставляет.

В изд. 1799 г. ст. 1—3 читаются:

Уже из давних лет замечено у всех:
Где лад, там и успех;
А от раздора всё на свете погибает.

Вместо ст. 30:

Сидит, не хочет помогать
От камней лодку удалять.

Ст. 35—36:

Не знают дети их покою,
И друг у друга всяк кусок последний рвет.

Вместо ст. 38:

В пучину быстриною
Уж лодку их несет.

В изд. Грота текст опубликован с некоторыми неточностями: пропущен ст. 15, ст. 30—31 даны в редакции изд. 1799 г. По указанию Грота, основная мысль басни взята из книги французского баснописца аббата Жана-Луи Обера (1731—1814) «Contes moraux sur les tableaux de Greuze, par Aubert». Paris, 1761—1763. Однако весьма вероятно, как отмечает Грот, что непосредственным источником при написании басни послужили для Хемницера его личные впечатления от картин французского живописца Жана-Батиста Греза (1725—1805). В несохранившейся записной книжке Хемницера имелась дневниковая запись о посещении им 2 апреля 1777 г. мастерской живописца в Париже, содержащая описание нескольких картин Греза, в том числе и тех двух, о которых идет речь в басне «Два семейства». Пересказ сюжетов этих двух картин представляет собой как бы прозаический план басни (см.: Из записной книжки Хемницера. Дневник путешествия по Западной Европе. — Изд. Грота, стр. 177).

Земля хромоногих и картавых. Переработка басни Геллерта «Das Land der Hinkenden» («Страна хромых»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 25. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 35. Редакция последних двух стихов (с незначительными изменениями) предложена Львовым в экз. изд. 1779 г., где конец басни читался: «У нас же исстари поверье уж такое».

Строитель. Впервые — изд. 1779 г., стр. 27. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 37. Редакция изд. 1779 г. значительно отличается от окончательной:

СТРОИТЕЛЬ

Намерен некто был строение начать
И стал припасы собирать,
И собирает их по всякий день премного,
Однако не видать строенья никакого.
Проходит день за днем, за годом год течет,
А всё строенья нет,
И всё до завтрева строитель отлагает.
Вдруг наступила смерть, строитель умирает,
Припасы лишь одни, не зданье оставляет.

Сему строителю себя уподобляет
Тот, кто дела свои вперед всё отлагает.

При переработке басни Хемницер учел многие поправки, сделанные Львовым в экземпляре первого издания. В изд. 1799 г. басня вновь была переделана и печаталась в следующем виде:

СТРОИТЕЛЬ

Что можешь начинать теперь,
Теперь и начинать старайся.
Лишь настоящему ты верь,
На завтрее не полагайся.

Построить некто дом желал
И нужные к тому сбирать припасы стал;
И собрал уж немало.
Построить долго ли? лиха беда начало.
Проходит день за днем, за годом год идет,
А всё строенья нет:
Всё наш строитель отлагает
Строенье до другого дни.
Внезапно смерть пришла: строитель оставляет
Припасы лишь одни.

Совет стариков. Вольный перевод басни Геллерта «Der Jüngling und der Greis» («Юноша и старик»). Впервые — изд. 1799 г., стр. 28. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 38. Варианты изд. 1779 г.:

Вместо ст. 1—2:

«Чтоб честь и славу заслужить
И знатности дожить,
За что присудишь мне приняться?» —
Детина старика какого-то спросил.

Ст. 9—10:

И средства только с два могу тебе назвать,
Чем можно счастие сыскать

В изд. 1799 г. ст. 7—10 читаются:

И сколько головы на этом ни ломаю,
Я только два пути могу тебе открыть,
Как до чинов дойтить

Этот же сюжет разработан впоследствии И. И. Дмитриевым в басне «Отец с сыном», источником для которой послужила басня Флориана «Le jeune homme et le vieillard», восходящая, по-видимому, также к басне Геллерта. *Совет стариков* — совет старика («стариков» — прилагательное от слова «старик»).

Хозяин и мыши. Впервые — изд. 1779 г., стр. 30. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 40. Вместо ст. 14—15 в первом издании было:

И в горе сем живот клянет свой и бранит.
К хозяину двора мышь бедна приступила
И горькую свою судьбину изъяснила

Лжец. Впервые — изд. 1779 г., стр. 32. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 42. *В то время самое, как опыты те были* и т. д. В 1778 г. опыты с алмазами проводил сослуживец Хемницера по Горному училищу Александр Матвеевич Карамышев (ум. 1791), преподававший в 1773—1779 гг. химию и металлургию. Хемницер, по всей вероятности, присутствовал на этих опытах. В это же время Хемницер вместе с Карамышевым редактировал книгу Брикмана «О драгоценных камнях» (в переводе Беспалова), где также говорилось о действии огня на алмазы (см. изд. Грота, примеч. на стр. 139—140).

Боярин афинский. Перевод басни Геллерта «Elpin». Впервые — изд. 1779 г., стр. 35. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 45. В изд. 1799 г. не вошло. В первом изд. между ст. 6 и 7 был еще стих: «И перед прочими гордился».

Барон. Перевод басни Геллерта «Der baronisierte Bürger» («Пожалованный в бароны мещанин»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 37. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 47. Редакция ст. 49—50 предложена Львовым в экз. изд. 1779 г., где вместо них было: «Пока весь миллион баронов истощился». В изд. 1799 г. исключен ст. 11 и между ст. 44 и 45 вставлен стих: «Своим богатством величаться». По сюжету к этой басне близка басня И. А. Крылова «Мешок». *Гайдуки* — здесь: слуги. *Щечить* — таскать украдкой, воровать. *Аргус* (греч. миф.) — многоглазый великан, часть глаз которого бодрствовала и во время сна.

Медведь-плясун. Вольный перевод басни Геллерта «Der Tanzbär». Впервые — изд. 1779 г., стр. 40. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 50. В первом издании три первые стиха читались:

Медведь плясать какой-то научился
И долго пляскою кормился,
Однако наконец ушел

Новый вариант начала басни, напечатанный в изд. 1782 г., был предложен Львовым. На этот же сюжет написана басня А. П. Сумарокова «Медведь-танцовщик».

Орлы. Впервые — изд. 1779 г., стр. 43, без ст. 50. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 53. По указанию Грота, басня является подражанием аллегории Дора «Le sénat des aigles» («Орлиный сенат»).

Усмирительный способ. Перевод басни Геллерта «Der ungeratene Sohn» («Непутевый сын»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 46. В изд. 1799 г. изменена концовка: вместо стиха «На злой жене

женил», соответствующего заключению басни Геллерта, здесь стих: «Женил».

Робята своевольные. Впервые — изд. 1779 г., стр. 48. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 58. Варианты изд. 1799 г.:

Ст. 1—3:

Кто пожилых людей совет пренебрежет
И пылкой юности стремленью покорится,
Тот часто со вредом и поздно вразумится

Вместо ст. 10—11:

Но старику ли согласиться
С ребятами шалить?
Старик и их увещевает

Вместо ст. 13—15:

Ребятам живо представляет,
Что кончится игра бедой

Вместо ст. 26—29:

Тиха была вода, когда они пустились;
Но вдруг поднялся вихрь; затмила туча свет.
Челнок то вверх, то вниз бросает.

Ст. 31:

Ребята чтоб спастись, но уж спасенья нет

В некоторых изданиях, начиная с 1811 г., басня печаталась под заглавием «Старик и ребята своевольные».

Лев, учредивший совет. Впервые — изд. 1779 г., стр. 50. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 60. В изд. 1799 г. ст. 12 читается: «Хоть будь ослы судьи, лишь счетом бы их стало». Басня была исключена по цензурным соображениям из изд. 1852 г. (см.: А. П. Могилянский. Материалы и разыскания по русской литературе XVIII века. — «XVIII век». Сб. 5. М.—Л., 1962, стр. 442—444).

Пустомеля. Вольный перевод басни Геллерта «Der gütige Besuch» («Любезный посетитель»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 52. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 62. В изд. 1799 г. не вошло. В первом издании три заключительных стиха читались:

Писателев ему на это был ответ:
«Я этого никак не примечаю,
Один ли я, иль нет».

Сюжет басни Геллерта заимствован из басни итальянского баснописца XV — начала XVI в. Абстемия (Лоренцо Бевилаги) «De agricola et poëta» («Землепашец и поэт»).

Конь верховый. Вольный перевод басни Геллерта «Das Kutschpferd» («Карстная лошадь»). Впервые — изд. 1779 г., стр. 54. При переработке басни Хемницер опустил длинное нравоучение, которым она заканчивается у Геллерта. По предположению Грота, Хемницер не решился воспроизвести это нравоучение ввиду резкости выраженных в нем мыслей. Однако следует отметить, что основной смысл нравоучения не только полностью сохранен в басне Хемницера, но и выражен острее именно благодаря лаконизму и афористичности концовки. Приводим для сравнения перевод концовки басни Геллерта: «Вы, презирающие низших, знатные тунеядцы, знайте, что самая гордость, с какою вы на них смотрите, самое преимущество ваше основаны на их трудолюбии. Ужели тот, кто и себя и вас питает своими руками, не заслуживает ничего иного, кроме презрения? Положим, что твои нравы лучше, но этим преимуществом ты не себе обязан. Ибо если б ты произошел из их хижин, то жил бы так же, как они. А они были бы подобны тебе или, может быть, и лучше тебя, если б были воспитаны, как ты. Без тебя свет легко обойдется, а без них существовать не может» (изд. Грота, стр. 156—157).

Осел-невежа. Впервые — изд. 1779 г., стр. 56. В изд. 1799 г. два заключительных стиха читаются:

Я не намерен прав твоих уничижить
И первенства тебя ослиного лишить.

Счастливый муж. Вольный перевод басни Геллерта «Der glücklich gewordene Ehemann». Впервые — изд. 1779 г., стр. 57. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 67. В первом издании между ст. 19 и 20 был еще стих: «И кто бы мог вообразить?» Варианты изд. 1799 г.:

Вместо ст. 6—10:

Да та беда, в чем всяк, я чаю, искусился,
Что у красавиц всех обычай есть дурной:
Чем более по них вздыхают

Ст. 21—23:

И на два года согласился
Себя ему закабалить,
С тем чтоб его на ней женить.

Богач и бедняк. Впервые — изд. 1779 г., стр. 60. Печ. по изд. 1782 г., ч. 1, стр. 70. В изд. 1799 г. ст. 4 и 5 исключены, вместо ст. 27—29 напечатано:

Хотя заслугой, ни умом,
Ни чином он не отличался,

Но только в двери показался —
Сказать нельзя какой прием!

Вместо ст. 41—49:

«Зачем, — он говорит ему, —
Достоинствам, уму
Богатство свет предпочитает?»
— «Легко, мой друг! понять:
Достоинства нельзя занять,
А деньги всякий занимает».

Хоть родом будь из конюхов. По мнению Грота, в этой фразе содержится «явный намек на Бирона» (см. изд. Грота, стр. 161), фаворита императрицы Анны Иоанновны; дед его был, по преданию, конюхом. Но вероятнее предположить, что Хемницер метил в людей более близких ему по времени и имел в виду графов Сиверсов — дворянский род, игравший видную роль при дворе Елизаветы и Екатерины II. Как указывает П. Н. Берков, о Сиверсах, утверждавших, что их предки были выходцами из Швеции, по всему Петербургу ходила молва, что они ведут свой род от конюха-немца (см.: А. П. Сумароков. Избранные произведения. «Библиотека поэта», Большая серия. Л., 1957, стр. 541).

Дворная собака. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 3. В изд. 1799 г. под заглавием «Дворовая собака».

Великан и карлики. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 6.

Волчье рассужденье. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 7.

Желание кащея. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 8.

Паук и мухи. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 9. Грот указал на близость к этой басне басни Крылова «Вороненок», где та же мысль выражена в заключении.

Черви. Впервые — «Санктпетербургский вестник», 1780, сентябрь, стр. 202. Печ. по изд. 1782 г., ч. 2, стр. 10. В журнальной публикации в конце басни имеются еще два стиха:

Да полно, пусть они бранятся,
Сатира может им тем более смеяться.

Басня написана в защиту В. В. Капниста после опубликования его «Сатиры I». Под червями подразумеваются писатели, затронутые в сатире Капниста (см. примеч. к стих. «Письмо к г. К., сочинителю Сатиры I», стр. 335).

Привязанная собака. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 11.

Хитрец. Вольный перевод басни Геллерта «Hans Nord». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 12. В басне Геллерта рассказывается о действительном случае, происшедшем в Лондоне с каким-то мошенником, о чем писали английские и немецкие газеты. По указанию Грота, в оригинальной концовке басни Хемницера речь идет, вероятно, о проделках международного авантюриста Калиостро, приезжавшего в Петербург в 1779 г.

Соловей и вороны. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 15. Варианты изд. 1799 г.:

Ст. 5—9:

Как свищет соловей, известно в свете всем;
Что много говорить об нем!
Но вздумай на него воронья чернь озлиться,
Из зависти, что он, когда ни запоет,
Приятным пением людей к себе влечет.

Вместо ст. 27—31:

Мое простое мненье:
К ним сочинителей иных бы применить.

Басня отражает литературную борьбу 1770—1780-х годов (см. «Письмо к г. К. . . .», ст. 40—45, и примеч., стр. 335).

Оплошалая лисица. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 17.

Птичник и птичка. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 19. В посмертных изданиях печаталось под заглавием «Мальчик и птичка», с заменой в тексте слова «птичник» словом «мальчик».

Домовой. Вольный перевод басни Геллерта «Das Gespenst» («Привидение»). Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 21. В басне Геллерта стихотворец читает трагедию. Хемницер заменяет ее слезной драмой, жанром, который получал все большее распространение в русской литературе. Хемницер отрицательно относился к этому жанру, что ясно видно из следующей его заметки: «Рассуждение о порядочном выдерживании какого-нибудь представления в одинаковом положении... Уподобление 2. Что почувствует призванный к похоронному обряду, <когда> увидит между печальных лиц и облеченных печальным одеянием кучу скачущих, коверкающихся, смеющихся и бешеных, одетых в шутовском наряде. Какая странная пестрота зрелищ и чудесная смесь должны будут поражать чувства зрителя и, так сказать, терзать оные чувства впечатлением подобной странности? Вот образ слезных комедий или комических трагедий, какого рода суть многие из немецких нынешних и прежних французских. Боже оборони и российский театр от подобных морских чуд: это будут кентавры, то есть ни лошади, ни люди; а таким уродам, думаю, человеческое сердце ни сорадоваться, ни сострадать не может» (архив Грота).

Слепцы. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 24. В сохранившемся отрывке черновой редакции ст. 13—14 соответствует:

И между тем как спор об этом продолжают,
Другой им вздумайся завесть:
Не знают,
Какого дерева ту палку им почесть.

Законы — здесь: религия.

Друзья: Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 26. См. примеч. к басне «Чужая беда», стр. 323. По идее к этой басне близка басня И. А. Крылова «Крестьянин в беде».

Западня и птичка. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 27. По своей идее эта басня перекликается с другой басней Хемницера — «Воля и неволя». Мысль о неволе как результате обмана развивается в незаконченной сатире «На суету мира» (см. стр. 274).

Заслуженный конь. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 29. *Беспрокий* — бесполезный.

Зеленый осел. Вольный перевод басни Геллерта «Der grüne Esel». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 31. Вариант начала басни, записанный в «памятной книжке» Хемницера (изд. Грота, стр. 418): «В басню Зеленого осла начало:

Иной шутя дурачество заводит
И дураков прямых наружу тем выводит.

Или:

Иной дурачество из шутки затевает
И множество глупцов прямых тем обличает».

Сюжет басни Геллерта восходит к басне Абстемия «De vidua et asino viridi» («О вдове и зеленом осле»). *Кота уж полно припевать* — т. е. петь колыбельную песню про кота.

Соловей и чиж. Вольный перевод басни Геллерта «Der Zeisig» («Чиж»). Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 33. На аналогичный сюжет написана басня Крылова «Павлин и соловей».

Лошадь с возом. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 34.

Попугай. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 35. Басня была послана 5 марта 1781 г. из имения В. В. Капниста Обуховка в письме Хемницера и Капниста к Державину (см.: Отчет императорской публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895).

Лошадь и осел. Вольный перевод басни Лафонтена «Le cheval et l'âne». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 37. Эта басня была также переведена А. П. Сумароковым.

Два купца. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 39. В изд. 1799 г. не вошло.

Счастливое супружество. Вольный перевод иронической элегии Геллерта «Die glückliche Ehe». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 41. Сохранился черновой набросок начала басни (архив Грота):

В БАСНЬ ПРО ЛАД У МУЖА С ЖЕНОЮ

Поверь, изволь, чужим словам —
Чего-то, право, не наскажут! <...>
Помилуй бог, как ладно жили
И друг друга любили.
Чтобы друг с другою когда они бранились —
Избави бог! ниже когда и покосились,
Не только чтобы побранились.

Стряпчий и воры. Перевод басни Геллерта «Cleant». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 43. В архиве Грота сохранилась черновая редакция басни с множеством вариантов и исправлений. Приводим первоначальный вариант ст. 32—38:

Как стряпчий от воров подарки принимал,
День на исходе был и вечер наставал.
И говорят они друг другу:
«Ну, как-то, брат, теперь домой мы попадем?
Ведь на дворе уж ночь, мы, право, не дойдем».
Услышав стряпчий то, их тотчас унимает
И прочь не отпускает.
Они было туда,
Сюда,
Под видом, чтоб отговориться.
А на уме у них не то:
Умели притвориться.
«Нам стыдно, сударь, против вас,
Что столько жалуете нас».
И воры ночевать у стряпчего остались.

Стряпчий — судейский чиновник. *Оправить* — оправдать. *Расщечить* — растаскать, разворовать.

Два богача. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 46. В изд. 1799 г. ст. 13 исключен; ст. 36—37 читаются:

И видят: дело так. Досадно это им.
Взбесились богачи: готовы уж прошенье

Ласкать — подавать надежду, обещать. *Тронуло* — здесь: задело, обидело.

Стрекоза. Вольный перевод басни Лафонтена «La cigale et la fourmi» («Кузнечик и муравей»). Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 49. Последние четыре стиха, добавленные Хемницером в отступление от подлинника, были исключены из изд. 1799 г. и не печатались до изд. Грота. Эту басню переводили также А. П. Сумароков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий и И. А. Крылов.

Дионисий и министр его. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 51. *Дионисий* (Дионисий I Старший, 432—367 до н. э.) — сиракузский тиран, отличавшийся крайней подозрительностью и жестокостью. По преданию, Дионисий сочинял стихи и однажды послал их на Олимпийские игры, где они были осмеяны.

Лестница. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 53.

Благодеяние. Вольный перевод басни Геллерта «Die Guttat». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 54. Тот же сюжет использован в басне Гольберга «Милосердая Лукреция», переведенной Фонвизиным. *Смирена* — условное женское имя, распространенное в литературе XVIII в.

Дележ львиный. Переработка басни Лафонтена «La génisse, la chevre et la brebis en societé avec le lion» («Телка, коза и овца в компании со львом»). Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 55. Сюжет этой басни, восходящий к Эзопу и Федру, разрабатывался в разных вариантах многими русскими баснописцами: В. К. Тредиаковским, В. И. Майковым, А. П. Сумароковым, Г. Р. Державиным и И. А. Крыловым.

Воля и неволя. Переработка басни Лафонтена «Le loup et la chien» («Волк и собака»). Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 57. Басня переведена также В. К. Тредиаковским и А. П. Сумароковым.

Осел, приглашенный на охоту. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 61. В рукописях Хемницера сохранился фрагмент черновой редакции басни (изд. Грота, стр. 207):

Так точно и в осле, когда ему сказали,
Чтоб на охоту шел, все кости заплясали;
Надулся хвост его и холка напряглась,
И шерсть шерохая вверх дыбом поднялась;
Приободрилася походка вялой туши,
Болтающиеся предлинной меры уши,
Впервые отроду его приободрясь,

Ко удивленью всех скотов приподнялися.
Кому бы только с ним ни удалось сойтися,
Хрипучим голосом своим трубит о том,
Что на охоту он сбирается со львом.
Все, кто ни встретится, должны посторониться,
И словом, мой осел не знает, как ступить

Как член суда иной и т. д. По предположению А. Д. Галахова, в этих стихах содержится намек на одного из членов Ученого собрания при Горном училище, в состав которого входил и Хемницер (см.: А. Д. Галахов. История русской словесности, т. 1. СПб., 1863, стр. 497).

Праздник деревенский. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 64.

Стадник. Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 66. *Пристановил* — утомил, измучил.

Воин. Переработка басни Геллерта «Emil». Впервые — изд. 1782 г., ч. 2, стр. 67. В изд. 1799 г. в ст. 1 «Франция» заменена «Испанией», т. к. в момент выхода книги Павел I вел войну с Францией; ст. 9—10 исключены.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Муравей и зерно. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 3. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 587.

Ленивые и ретивые кони. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 5. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 587. Сохранились два черновых автографа с незначительными разночтениями. В изд. 1799 г. ст. 5—11 читаются:

Ну! Ну! и погонять;
Ни с места. — Способу другого не сыскали,
Как из возов коней ленивых выпрягать,
А неленивых впрячь. Впрягли коней ретивых,
Чтоб вывезть на гору повозки за ленивых.
Лишь только что одну взвезут,
В другую их перепрягут.

В изд. Грота (стр. 219) опубликован прозаический план басни с концовкой:

Ретивому коню всегда работы вдвое,
А конь ленивый всё в покое.

Куры и галка. Впервые — PC, 1872, апрель, стр. 588; в редакции Капниста — изд. 1799, ч. 3, стр. 6. В черновом автографе рукой Львова вписан вариант концовки:

Учися, галка, жить;
Чужим добром нажиться —
Бесстыдным надобно родиться
И наглым, а не скромным быть.

Прозаический план басни — в изд. Грота, стр. 221.

Невежество и скупость. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 7. Печ. по PC, 1872, апрель, стр. 589. В изд. 1799 г. ст. 9—13 читаются:

Тотчас невежа мой
Скупой,
Вообразя, что в ней сокрыты деньги были,
Обух схватил
И статую разбил,
Которой знатоки цены не находили.

По сюжету и основной идее к этой басне близка басня Крылова «Скупой и курица».

Имение и ссора. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 33. Печ. по PC, 1872, апрель, стр. 590. Имеются черновые автографы басни с заглавиями: «Вечная война» и «Нападение двух на третьего». В одном из них после ст. 8 следовало:

Другой же никакой причины не имели,
Окроме той, что так хотели.

После стиха «Пошла война; людей без счету побивали» было: «Так что лишь малым чем и нашим уступали». Ст. 30—31 читались:

Не будет третьего, так двое подерутся,
А из имения в ладу не уживутся.

А должно знать, что тут и т. д. — намек на поэму М. М. Хераскова «Россиада». В XII песни поэмы Иоанн обращается за помощью к богу, который разрушает стены Казани. В черновой рукописи ст. 21—23 читались:

А тут совсем не так, как в «Россиаде» было,
Что войско за себя зиму пустило в бой,
Когда с осадою к Казани приступило.

(Здесь Хемницер допустил неточность: в начале XII песни аллегорическая фигура Зимы действует против российских войск, побуждаемая чародеем Нигрином; колдовство исчезает в результате

божественного вмешательства). Критическое отношение к поэме Хераскова Хемницер выразил в наброске «Зачем глупец скоряй до счастья доступает?..» (см. стр. 274) и в неоконченной «Сатире к себе самому» (стр. 273).

Добрый царь. Впервые (в редакции Капниста) — РС, 1872, февраль, стр. 229. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 591.

Дом. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 20. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 592. В изд. 1799 г. ст. 3—11 читаются:

Что выгод хоть кому б достало.
Но как любимое людское слово: «мало»
(То есть когда берут,
А не дают),
То мал и этот дом хозяину казался,
И всё он в нем не помещался,
Как вдоль, и вширь, и вверх его ни прибавлял.

Ст. 26—32:

Но что! не только этот дом,
И царство Римлян пало,
Когда полсветом завладало.
И для того, когда б пошло на выбор мой,
То б я охотней согласился
Иметь исправный дом, хотя и небольшой,
Чем замок иль дворец, который бы валился.

Лисица и сорока. Перевод басни Геллерта «Der Fuchs und die Elster». Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 10. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 593. Ст. 14. в подлиннике зачеркнут. В изд. 1799 г. заключение басни читается:

Не образумившись от мудрых толь речей,
Лисица, пятую поджав смиренно ногу,
Пошла, и всю дорогу
Твердила: стало быть, не меж одних людей
Чем кто глупяе,
Тем в доказательствах сильняе.

Услуга. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 17. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 595. Среди бумаг Хемницера сохранились два черновых автографа басни (первоначальное название: «Зашедший в сад невежда») и прозаический план. Кроме того, в РС, 1872, апрель, стр. 610, и (с некоторыми отличиями) в изд. Грота, стр. 233, приведен план, предназначавшийся, по-видимому, для другого варианта: «Человек желал богатства. Судьба ему дать его хотела. Наехал он на гору золотой руды; но, будучи невежда, счел ее за простой камень и проехал мимо и ропот на судьбу все продолжает.

Ему сказали: «Будь тем доволен, что имеешь; ты быть счастливым не умеешь». Эту басню отнести к той, что невежда в саду от невежества вырвал вместо дурной травы хорошую».

Перепелка с детьми и крестьянин. Переработка басни Лафонтена «L'alouette et ses petits, avec le maître d'un champ» («Жаворонок с детьми и хозяин поля»). Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 26, под заглавием «Перепелка и крестьянин». Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 596. В изд. 1799 г. ст. 7—12 исключены. Эта же басня переведена И. И. Дмитриевым («Жаворонок с детьми и земледелец»). Сюжет басни, восходящий к Эзопу, использован также в басне Гольберга «Нравоучение жаворонка», переведенной Фонвизиным.

Привилегия. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 36. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 598. В черновой рукописи зачеркнуты иные варианты начала. Приводим один из них:

Был лев и жил на стать как львы и все живут,
Что кожи со зверей, с кого бы ни случилось,
Так драл, как их и все другие львы дерут.
    Льву этому когда-то рассудилось
        Указом позволенье дать

Ст. 43—46 читались:

Хотела было тут лисица в возраженье
О следствии худом свое представить мненье —
«Да мне так хочется», — ей лев на то в ответ,
А против львиных слов подобных слова нет.

Последний стих: «Да баснь не проповедь, чтоб всё истолковать». Один из набросков прозаического плана оканчивается: «Что ж? Наконец ни жирных не осталось, ни тех, от которых первые разжирели». Центр тяжести перенесен здесь на пагубные для государства последствия «привилегии». В изд. 1799 г. исключены ст. 39—42 и изменено заключение:

И я бы за пашей отнюдь не заступился;
        Зажал бы, как лисица, рот,
        Когда б в Турецин родился,
Где иногда султан со льва пример берет.

Султан ведь также позволяет Пашам с народа частно драть. В прозаическом плане: «Оттоманские властелины дают своим чиновникам жиреть, как каплунам, и потом, обдирая их, наслаждаются их жиром. Пользуются их алчностью и скупостью, чтобы, ободрав их, присвоить себе без труда их деньги» (изд. Грота, стр. 295, подлинник по-итальянски). *Здесь об откупщиках словцо одно сказать.* Вероятно, имеется в виду указ о винных откупах, изданный Екатериной II в 1767 г. и предоставлявший право откупщикам в не-

сколько раз увеличивать цены на вино и водку. Этот намек, исключенный Капнистом из изд. 1799 г., присутствовал в первоначальных вариантах его правки. В списке басни, сделанном рукой Капниста, ст. 47—50 читались:

А я хоть слово б покусился
Здесь об откупщиках сказать:
Что жир уже скопился...
Да лучше промолчать.

Басня не вошла в изд. 1852 г., встретив цензурные препятствия (см.: А. П. Могилянский. Материалы и разыскания по русской литературе XVIII века. — «XVIII век». Сб. 5. М.—Л., 1962, стр. 442—444).

Побор львиный. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 29. Печ. по РС, 1872, апрель, стр. 600. В черновой рукописи после ст. 14 записаны еще три стиха, быть может, ошибочно пропущенные при переписке басни в чистовую тетрадь:

Как масло, чтоб до льва дошло,
Обряду в том людскому подражая,
По старшинству зверей с рук на руки пошло.

В той же рукописи Хемницером вычеркнуто заключительное нравоучение:

Воров казнят, воров шельмуют,
Однако воры всё воруют.

В прозаическом плане басни стихотворная концовка заканчивается:

И лев, пожав плечами,
«Как быть, — сказал, — но что ты сделаешь с ворами?
По счастью, что не все такие меж зверями».

В изд. 1799 г. вместо ст. 22—33 напечатано:

Лев в этом своего не находил расчета;
А слон, которого призвал
Он для совета,
Напрямики его величеству сказал

Слепой лев. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 8. Печ. по изд. Грота, стр. 242, с восстановлением последнего стиха по автографу (вариант стиха в автографе: «Так, как иных господ слугам»). В изд. 1799 г. ст. 13—14 читаются:

Да и другим дает щечить,
Чтоб не мешали ей тащить.

Стрелка часовая. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 13, где исключен ст. 10, а последние 4 стиха читаются:

Важна ты нами, не собой.
И я скажу, но будь то сказано меж нами,
Что эдак и делец иной
Чужими чванится делами.

Печ. по изд. Грота, стр. 244. Перерабатывая концовку басни, Капнист первоначально предполагал дать другой вариант:

Что эдак и министр иной
Чужими чванится трудами.

Сюжет заимствован из басни третьестепенного французского баснописца Ножана («L'aiguille de montre»). Тот же источник использован И. И. Дмитриевым («Часовая стрелка»).

Осел в уборе. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 15. Печ. по автографу. Варианты автографа:

Ст. 3—4:

Не сладишь: и ослы тогда
Считают, что они большие господа.

Ст. 7—8:

Отправил лев осла
Ко льву другому,
Но разумеется, что не в лице посла

Ст. 14:

И на войну его или на мир склонить

На полях рукописи записаны варианты ст. 18:

Став барином, мужик иной так не гордился

И откупщик иной, когда обогатился,
Став барином потом, так много не гордился

В изд. 1799 г. концовка басни:

Убор с осла он снять велел.
Осел достоинства другого не имел,
И без убора стал как прежде был ... осел.

Лев-сват. Впервые — изд. Грота, стр. 248. В распоряжении Грота были черновые автографы двух редакций басни, из которых в настоящее время сохранился один, более ранний, с иным назва-

нием («Лев, высватывающий свою любовницу») и некоторыми разночтениями. Вариант ст. 8—13:

Хотел с ней так же поступить,
Да только не хотел ее бесчестно сжить:
Хотел было на ней придворного женить,
К тому же из вельмож. Но как он ни старался,
Жених помеченный никак не подавался,
Которого ей лев желал.

Пчела и курица. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 22. Печ. по изд. Грота, стр. 250, с исправлением некоторых неточностей по рукописи. В изд. 1799 г. вместо ст. 14—16:

Так ты и заключала,
Что праздно я живу. Нет, нет

Вторая половина басни (после ст. «Узнаешь, кто из нас поболее трудится») напечатана в другой редакции:

Мы, нашей матери наставленны умом,
Прилежностью, трудом
Себе уютный строим дом
И пищу со цветов сбираем;
Избыток наш с людьми делим,
Их яствы услаждаем,
Во тьме их освещаем,
А жало для врагов и трутней лишь храним.

Кого же мы с пчелой и с курицей сравним? —
Невежа и хвастун озлится,
Когда с наседкою сравнится,
Так только ко пчеле науку применим.

Вдова («Нет, полно больше согрешать...»). Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 24. Печ. по автографу. В одном из черновиков записан следующий вариант окончания басни:

Я знаю наперед,
Что скажет шпынь иной: «Вот выдумка какая,
Где сыщется жена такая?
Сомнительно, чтобы нашлась хотя одна».
Да у индейцев что ж? Муж умер, а жена
В огонь ведь может же бросаться,
Чтоб из любви к нему сгореть,
Так для чего ж у нас в могилу не метаться,
Чтоб вместе с мужем умереть
И пó муже в земле зарыть себя хотеть?
Обидно нам в женáх своих так сомневаться
И недоверчивость такую к ним иметь.

К стр. 135

Да у индейцев ведь зато мужья и сами
Живут не как у нас с женáми,
И вот зачем их жен к ним чувство таково.
А в наших мудрено ль, что жару нет того,
Чтоб умереть хотеть по мужа своего?
Ну, да добро, кто прав, кто виноват — оставим,
А эту мы жену, пример женáм, прославим.
Ужли и впрям зарыть себя она дала?
Нет, так бы замужем чрез месяц не была.

В изд. 1799 г. ст. 12—15 читаются:

Жена терзаться,
Ни спать, ни есть, ни пить,
Морить себя и рваться.
Что ей ни станут говорить
И как ни унимают

Вместо ст. 20—25:

Отчаянным словам
Я был свидетель сам.
Вот мужа как жена любила!
Нельзя, казалося, так мертвого любить.

Первоначальный прозаический план басни см. в изд. Грота, стр. 254. Источник басни впервые указан Н. С. Тихонравовым в письме Я. К. Гроту. Благодаря Грота за подаренный ему том «Сочинений и писем Хемницера», Тихонравов писал: «Я прочел этот том с живейшим интересом и позволяю себе обратить Ваше внимание на вновь изданную басню «Вдова». Меня она крайне заинтересовала, потому что сюжет ее имел множество обработок в средневековой литературе, обработок, из которых одна (в знаменитом романе «Семь мудрецов») ходила в русском переводе в XVIII в. Но Хемницер в своей басне пользовался не этим романом и даже не Петронием, а Лафонтеновой «La matrone d'Ephese» («Contes et nouvelles», книга 5). Вот пока единственная заметка, которую могу сообщить Вам по поводу Вашего прекрасного издания» (архив Грота). В другом, более распространенном варианте тот же сюжет разрабатывается Хемницером в оставшемся незаконченным стихотворном рассказе, также озаглавленном «Вдова» (см. Приложения, стр. 265). В рукописи басни сохранился набросок начала:

Опять-таки на жен! — Да как об них молчать,
Когда случаи сами будут подавать...

Очевидно, Хемницер думал в начале басни реализовать следующий прозаический план: «В басню на женщин. «Опять про нас! Да, кажется, уж довольно об нас говорено». — Опять про вас. Да как про вас не говорить? Кого любишь, о том и говоришь. Или, кто славен, как о том не станешь говорить? Да вы же каждый раз но-

вые подаете причины. Когда бы вас не почитали, ни слова б не сказали. Кого чем больше почитаешь, того тем больше вспоминаешь. Кто больше на уме, о том и говоришь. Как отважиться жениться? Ну, ежели случится жена хороша, так ведь беды. Мы в таком веке живем, что от больших бояр свое не зови своим, когда большому боярину что понравилось» (изд. Грота, стр. 290).

Чужая беда. Впервые — изд. Грота, стр. 255; редакция Капниста — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 31. Басни «Чужая беда» и «Друзья» (см. стр. 95) составляют две разработки единого первоначального замысла. Сохранился черновой набросок, без заглавия, с началом:

Воображал ли кто когда,
Что будто бы беда чужая — не беда.
И мало ли чего не воображают,
И сумневаются, а там и верить начинают.
А точно так. Я сам недавно научился
Об этом знать.
Случилось мужику чрез лед переезжать,
И воз его сквозь лед, к несчастью, провалился.
Мужик метаться и кричать:
«Ой, батюшки! тону! тону, ой, помогите!»
— «Робята, что ж, пойдем, пособим мы ему!»
— «Что ж, разве тонуть туда ж хотите? —
Другой на то в ответ из них одному. —
Тони, кто хочет, а не я!»
Вот в нужде каковы друзья.

Ниже записан черновой набросок басни «Чужая беда» с моралью:

Как на словах, так всяк услуги предлагает,
А как на деле

Резчик и статуя. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 32, под заглавием «Статуя». Печ. по изд. Грота, стр. 256, с восстановлением заглавия по рукописи. Первоначальный вариант последнего стиха: «Которой часто в людях нет». Приводим прозаический набросок концовки (изд. Грота, стр. 256—257): «или: Статуя эта много походит на людей, у которых своего ума нет, а живут чужим: что заучили, то и знают, а сами мыслить не могут.

Искусством не возьмешь,
Когда чего природа не дала».

В изд. 1799 г. начало басни читается:

Искусный некакий резчик,
Как труд казался ни велик,

Затеял вырезать статую,
Такую,
Которая б могла ходить, лежать, сидеть,
И слушать, и глядеть,
И, словом, чувства все, как человек, иметь.

После заключительного стиха добавлено:

Со всем тем к ней народ толпами собирался,
Статуе каждый удивлялся;
Всяк от статуи без ума.

Но с тех пор, знать, весьма
Искусство это расплодилось:
Статуй сих множество меж нами появилось.

Буквы. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 34. Печ. по изд. Грота, стр. 257, с исправлением по рукописи. Вариант ст. 4: «И, сумасбродствуя, других в безумство вводят». В изд. 1799 г. вместо ст. 23—26:

И толков тысяча идет:
Иной египетских сокрытых таинств свет
Тут выискал; иного мненье —
Что тут предсказан день всемирного рушенья.
Иной в значеньи их нашел сокрытый клад;
И вкось и вкриво все о буквах сих твердят,
Но мрака древности никто не проницает.

Метафизический ученик. Впервые — изд. Грота, стр. 259, под заглавием «Метафизик»; в ред. Капниста — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 38. Печ. по автографу. Сохранился первоначальный план концовки басни: «Не знаю, вовсе ли его он там оставил; да думаю, что нет, отец то есть. А только если бы таких вралей всех засадить в ямы, то много бы ям надобно было» (изд. Грота, стр. 261). Варианты автографа:

Ст. 11—13:

Попался на руки он к школьным тем вралям,
Которые с ума не раз людей сводили,
Неистолкуемым давая толк вещам;
И малого не научили,
А навек дураком пустили.

Ст. 32—33:

А в яму скорое стремленье
Произвело на мне воздушное давленье.

Ст. 40:

Отец, хоть был и не учен,
Да от природы был умен.
Вопрос дурацкий оставляя...

Собака и мухи. Впервые — изд. 1799, ч. 3, стр. 41, без ст. 4. Печ. по изд. Грота, стр. 262, с исправлением ст. 5 по рукописи.

Дурак и тень. Впервые — изд. 1799 г., ч. 3, стр. 41. Печ. по автографу. В первоначальной редакции ст. 1—9 читаются:

Один из дураков всё тень свою ловил
(Ведь только дуракам за тенью и гоняться).
Да как? бегом за нею; он стараться
Поймать ее, она вперед всё удаляться.
Какой-то умный проходил
И, видя дурака, что столько он трудится,
Велел ему остановиться.
«Ты хочешь, — говорит ему он, — тень поймать?
Да под тобой она, и, чтоб ее достать,
Лишь только стоит наклониться».

Ст. 14—17:

А способ к счастью тот один, — он продолжал, —
Остановись своим желаньем
В исканьи счастия, тогда его найдешь,
И будь доволен состояньем,
В котором ты живешь.

В изд. 1799 г. начало басни читается:

Я видел одного такого дурака,
Который за своей всегда гонялся тенью;
Хотел ее поймать; казалась и близка;
Но беганью его, круженью
Конца нет, а поймать не может ничего.

По идее к этой басне близка басня Крылова «Тень и человек».

Хулитель стихотворства. Впервые — изд. Грота, стр. 263. Ср. «Erzählung», стр. 239.

<Остяк> и проезжий. Впервые — изд. Грота, стр. 265, с некоторыми неточностями, исправляемыми по автографу. В автографе заглавие «Войтяк и проезжий», хотя слово «войтяк» в тексте басни не упоминается. *Остяки*, или отяки — обозначение коренных обитателей Сибири, употребительное в конце XVIII — начале XIX в. *Наслежник* — здесь: человек, оставшийся на ночлег,

Кошка. Впервые — изд. Грота, стр. 267. Печ. по автографу. Первоначальная редакция ст. 2—6:

Без кошек мыши одолеют,
А кошки их унять умеют.
И взяли кошку в дом, чтобы мышей ловить,
Которая их и ловила.

Ст. 10—15:

Что ж? Кошка, будучи блудлива тварь, с мышей
На ловлю птичек напустила
И вместе наряду с мышами их душила.
За это ремесло свернули шею ей,
В дом будучи взята не птиц ловить, мышей.

Зайцы и еж. Впервые — изд. Грота, стр. 268. Печ. по автографу (правка ст. 2 Хемницером не завершена). Грот рассматривает эту басню как первоначальный набросок, т. к. в рукописи рассказу предшествовало следующее зачеркнутое нравоучение:

Не думай, кто силен, бессильных обижать
И наказание за это избежать.
Хоть злобу иногда судьба и попускает
И сносит злодеянья злых,
Но с ужасом потом наказывает их
И мздой обиженных бывает.

Однако замысел баснописца можно считать вполне реализованным. Как и в некоторых других баснях Хемницера, оканчивающихся без специального нравоучения, «мораль» здесь настолько ясна из самого рассказа, что нравоучение могло быть вычеркнуто как излишнее.

Благой совет. Впервые — изд. Грота, стр. 269. Вариант последнего стиха в автографе: «Без этого не проживешь».

Львово путешествие. Впервые — изд. Грота, стр. 274, под заглавием «Путешествие льва». Печ. по автографу. После ст. 53 зачеркнуто:

Лев этот, должно знать, отца еще имел,
Который на веку довольно искусился.

В черновиках Хемницера сохранился прозаический набросок: «В басню «Путешествие львово»: и звери тут друг другу приставлять кому ногу, кому ухо, <кому> хвост, кому шерсти вырванный клочок, так точно как в людском быту бывает — когда жалобы боятся, то стараются обиженных то тем, то другим удобрить: долги возвращать, подарками прежнюю обиду загладить и тому подобное». Другой прозаический набросок аналогичного содержания опубликован Гротом (стр. 276).

Два волка. Впервые — изд. Грота, стр. 276. Печ. по автографу. Варианты ст. 3—4:

Так что завидовать друг другу тут, казалось,
Причины им не оставалось.

Ст. 35—36:

Другому ж сверх своей другого должность дал,
Прочь от двора сослав как бы на поселенье.

В прозаическом плане басни имеется вариант концовки:

Служащие двору, и вы в быту домашнем
Вы меж собой почти в раздоре завсегдашнем
И всякий думает подбиться клеветой.
Друг на́ друга не клевещите,
Когда того же не хотите,
Чтоб с волком не иметь вам участи одной.

Пес и львы. Впервые — изд. Грота, стр. 278, без ст. 5—9, восстановленных в настоящем издании по рукописи.

Два льва соседи. Впервые — изд. Грота, стр. 279. Печ. по автографу. Варианты:

Ст. 3—8:

А за причиною не стало,
Что воевать их заставляло.
Кто хочет завести войну,
Найдет причину не одну.

Ст. 10—16:

Что мира вечного трактат,
Когда войну они друг другу объявили
(Как у людских царей бывает, говорят),
При объявлении войны не нарушали,
Затем что никогда трактатов не писали.

Ст. 27—28:

Как это сделать и начать,
Чтоб к старому опять от нового попали,
Как скоро лишь война начнется.

Ст. 34 в рукописи отчеркнут и сбоку приписано: «Конец». После заключительного стиха следует запись (изд. Грота, стр. 280): «Земли и жители, будучи завоеванные, первые изменники бывают тому, которому войной достались. А из-за этого тот, кто войну заводит, чтоб распространить свою землю, теряет войною своих природных, а завоеванные народы все непрочны, ненадежны.

Что дурно, без меня уж это всякий знает,
Да полно, что хоть сколько кто ни говори. . .

Когда славолюбие заговорит в каком государе, оно красноречивее; голос его убедительнее. Да полно что! чего из славы не бывает!

Voilà les deux vérités que je tire de cette fable <Вот две истины, которые я извлекаю из этой басни>:

С соседом брань всегда готова,
А от войны всегда жди следствия худого,
И проку нет в войне большого».

Имеются, кроме того, два прозаических плана басни, опубликованные в изд. Грота (стр. 288—289). Приводим один из них: «Лев, с своим народом живучи, видит, что околоток его безлюден в сравнении с его соседами. Вознамерился вызвать из соседних мест скотов в свой околоток, чтобы заселить пустые места; для этого обнародовал он разные выгодные обещания тем, которые к нему перейдут, что и сдержал он царским своим словом:

Львы, говорят, уж не солгут,
Когда их слово в чем дадут.

Впрочем, лучше ли у него было жить новым выходцам, или там, где прежде жили, того не знаю. Довольно, народ к нему перешел. Может быть, ему, по новости, и лучше прежнего показалось: народ непостоянен и перемену любит: хоть хуже, лучше ли, была бы перемена, хоть старым господам измена. Лев теперь богатее стал животным народом. Что ж? Рассудись ему войну начать. Сраженье за другим через короткое время опустошило всю его область, и стала безлюднее прежнего. Что с одной стороны населил, то с другой погубил». Можно думать, что в этом плане содержится намек на внешнюю и внутреннюю политику Екатерины II (опустошительные войны и одновременно меры по привлечению в Россию колонистов; в начале царствования Екатерины II был издан ряд указов, предоставлявших им экономические льготы).

Народ и идолы. Впервые — изд. Грота, стр. 281. Печ. по автографу. Варианты автографа басни:

Ст. 7—8:

В обманах нынешних попов
Уж больше хитрости: умняе люди стали.

Ст. 34:

В делах святых отцов не должно сомневаться.

Изменения в ст. 7, 34 сделаны Гротом по цензурным соображениям (см. переписку Грота с К. С. Веселовским. — ПД, архив Грота).

Отвести столкновения с цензурой отчасти помог Гроту сам Хемницер; в рукописях его осталась заметка, написанная позже и переводящая весь смысл басни в моральный план: «В басню об идолах. Предметы, страстям нашим льстящие, суть идолы, а страсти сами попы (о коих я говорю), которые всегда с предметами согласны, и если им последуем и внимать станем, то с нашим сердцем и душевным состоянием последует то же, что с народом этим было» (см. изд. Грота, стр. 283; вместо «попы» у Грота «жрецы»). Сохранившиеся наброски первоначального варианта (отдельные стихи и прозаический план под названием «Кумир или идол и народ» показывают, что басня была задумана как антиклерикальная. В экспозиции Хемницер предполагал дать характеристику «народа»:

«Народ искони таков уж был,
Что всё на чем-нибудь с ума сходил.
Дурачество всё есть, да вид переменяет.

...Должно представить, что это был народ, который не закоснел в предрассуждении и жил по понятию простой природы. Из них же один выискался похитряе, который хотел простотою этого народа пользоваться; начал всякие выдумывать способы к обману их и завел между прочим идола, коему он молился; народ спросил его, для чего он это делает. Он говорил, что для того, что у него всего будет довольнее, нежели есть. И таким образом народ уловил, и народ сей идолу стал молиться. Плут этот был такой, как сказывают, жрец». Наброски содержат также описание положения обманутого жрецами народа и заключительные сцены — ответ соседей и последующее изгнание жрецов (эта последняя сцена не вошла в текст басни): «Такие груды натасканы разного хлеба, что страх. Народ от голода умирает

Тут хлеб гниет и пропадает,
Народ же с голоду почти что помирает».

«А если идолы покажутся у вас,
Так вы тогда уж не пеняйте,
Что поедают ваш запас,
А знайте,
Что наконец съедят еще самих и вас».

«Что ж? ведомости сей глупцы поиспужались.
Куды все идолы, куды жрецы девались».

Жрецы на жерновах водою разъезжали. По-видимому, имеется в виду легенда об Антонии Римлянине, новгородском «чудотворце», переплывшем на камне море.

Муха и паук. Впервые — изд. Грота, стр. 284, с неточностями. Печ. по автографу. В сохранившейся редакции басня не

получила окончательной отделки. Ст. 3—4 записаны еще в двух вариантах:

В котором всё своим искусством удивляло
И столько ж ужасом священным наполняло.

И если вид его искусством поражал,
То столько ж простотой своей равно прельщал.

По-видимому, последний вариант Хемницер хотел положить в основу дальнейшей переработки басни (ср. рифмующуюся строку «Так, как бы, например, ученый размышлял»). Вариант заключительного стиха: «Как только тем одним, что разума лишились». В басне нашел отражение философский спор между деистами, утверждавшими, что целесообразность и гармоничность в природе доказывает существование разумного творца (т. н. телеологический аргумент), и атеистами, считавшими, что вселенная возникла в результате самодвижения материи. Деисты неоднократно обвиняли атеистов в том, что возникновение вселенной они объясняют случайностью или слепыми законами природы (судьбой). Спор особенно обострился в связи с выходом «Системы природы» Гольбаха (1770), где материалистический взгляд получил наиболее полное обоснование. Хемницер, знакомый с книгой Гольбаха, развивает точку зрения ее противников — деистов.

САТИРЫ. САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Сатира I. На худых судей. Впервые — изд. Грота, стр. 335. Печ. по автографу. В первоначальном варианте между ст. 6 и 7 следуют еще 4 стиха:

Не удивляйтеся: я всё вам расскажу
И неустройства всю причину покажу,
И сами вы тогда со мною в том согласно
Тож скажете, что я вам доказал всё ясно.

Ст. 192—196 в публикации Грота исключены. В черновиках Хемницера сохранилось несколько набросков, по-видимому связанных с замыслом Сатиры I:

<1>. «В сат<иру> о судьях. Как ты советуешь мне в судьи идти? Кстати ли? Ну что, куды я гожусь? Я сам ничего не разумею, а если достанется с невежами сидеть, которые станут утверждать своею простотой...» (Далее, вероятно, должен был следовать фрагмент о невежественном судье — см. ст. 20 и след.)

<2>. «На судей:

Еще когда судьей он мелким посажен,
А если он большим судьей определен?

Так вместо города всё государство стонет
И во слезах людей обиженных им тонет».

<3>. «В сатиру на худых судей:

Смотрите ж, чур меня за правду не бранить,
Чтобы меня на вас тем пуще не досадить;
А если это чуть примечу я за вами —
Так прямо назову я всех вас именами
И стану́ пальцами указывать на вас,
Не скроя ни одну из ваших всех проказ».

Единорог — старинное артиллерийское орудие типа гаубицы. *Метляк* — мотылек. *Анзац* — настройка голоса или инструментов перед исполнением музыкального произведения в соответствии с резонансом помещения. *А сверх того уже указам нет числа* и т. д. Екатерина II неоднократно издавала указы о запрещении взяток. *И многи у столба и так уже стояли* — т. е. были выставлены к позорному столбу (мера наказания). *Рекамбии* — пеня с условными процентами за неуплату протестованного векселя. *Не ассигнациев — червонцев всё ходячих.* Ассигнации — бумажные денежные знаки, введенные в обращение в 1769 г. и вначале равнявшиеся по стоимости звонкой монете; вскоре, в связи с увеличенным выпуском ассигнаций, курс их упал: один рубль серебром стал равен $3^1/_2$ руб. ассигнациями. *С репетицией часы* — часы с боем, который вызывается нажатием пружины. *Счастлив тот будет иск, коль истец в час чихнет* — т. е. чихнет вовремя, кстати.

Сатира II. На худое состояние службы и что даже места раздаваемы бывают во удовольствие лихоимства. Впервые — изд. Грота, стр. 343. Печ. по автографу. Варианты:

Ст. 69:

К превосходительной приедешь ты скотине

Ст. 222:

Свидетелей здесь нет: и ты не бойся казни.

По предположению Грота, написано между 1774 и 1779 г., однако автобиографические элементы, содержащиеся в сатире, позволяют с бо́льшим вероятием отнести время ее написания к 1781 или 1782 г., когда Хемницер, оказавшись без места, хлопотал о службе перед влиятельными лицами Петербурга. Сатира обращена, по-видимому, к Н. А. Львову (см. о нем во вступит. статье), который особенно настаивал на необходимости для Хемницера позаботиться о своей карьере, найти выгодное место. Можно думать, что начало сатиры: «Нет, друг мой, мочи нет, я город оставляю. . .» является

не только традиционным литературным и философским мотивом, но и отражает реальный факт биографии Хемницера: его поездку в Обуховку, имение В. В. Капниста на Украине, где он жил зимой 1780 — весной 1781 г. *Что ж значит «посмотрю»-то по его словам* и т. д. В таком же смысле слово «посмотрю» впоследствии обыграно В. В. Капнистом в комедии «Ябеда» (действие I, явление 8). *И в ленность тем себя судейскую продать* — т. е. сделаться постоянным источником доходов для судьи (лен — подать, собиравшаяся вассалом со своего поместья).

Сатира на прибыткожаждущих стихотворцев. Печ. впервые по автографу, где обозначена как «Сатира II». По-видимому, эта сатира была начата раньше, чем «Сатира II. На худое состояние службы...», но осталась не вполне завершенной и отделанной. Поэтому написанное позже более завершенное произведение Хемницер вновь назвал «Сатирой II». Среди черновиков Хемницера имеется план «Каким образом сделать начало на худых писателей»: «Ба! ты сатиру вздумал писать? Хорош ты будешь. Не думаешь ли и ты славу себе сатирическим пером сыскать? Ошибаешься! Этому не бывать! Сатира говорит правду, а правдою любим еще никто не был. Хоть как бы ты хорошо ни писал, но кой час не хвала, а сатира, то все напрасно. Хоть как бы гнусно ты ни хвалил, так все будет ладно, как ни нескладно, хотя бы ты, сложа похвальное сочинение, стал, например, вот так хвалить: и следует сатира II...

А как же Боало — ведь писал же сатиры, однако прославился. Да, прославился тем, что имел защитником государя своего, которого он выиграл похвалою, хотя достойною.

Начало:

Нет, не за дело ты, мой разум, принялся.

А сверх того, я ведь не за уплату мне за стихи пишу и не хочу, чтоб на меня указывали пальцами и говорили, когда на мне кафтан хорош, что я его сделал на подарочные деньги за похвальные стихи.

Чтоб нападать, например, на людей именитых в науках и сочинениях, заслуживших себе уже славу основательную, чтоб себя чрез упадок их возвысить хотеть, того нет хуже; но чтобы молчать тогда, когда невежи со всех сторон толпами станут писать стихи и осквернять все искусство почтительное, о том надобно для спасения чести сего небесного дарования всем истовым любимцам муз согласиться на истребление их; вот где потребно единодушие, ученым всем надлежало бы быть по-настоящему единодушными, чтобы нападать на невежд, на порочных людей, в каком бы звании и чине они ни находились, чтобы исправлять и наказывать их остротою нравоученья, а не себя между собою терзать». В рукописях Хемницера рассеяны и прозаические наброски и отдельные фрагменты стихотворного текста, с разных сторон разрабатывающие тему «о дурных писателях». Некоторые из них, возможно, пред-

назначались для данной сатиры («И пишучи стихи, печется лишь о том...», «И только временщик лишь новый появится...», стр. 276—277). Темы «о худых писателях» Хемницер касается в ряде произведений (например, в «Письме к г. К., сочинителю сатиры I», см. стр. 177 и примеч., стр. 335). Упоминание в плане Буало, прославившегося «тем, что имел защитником государя своего», имеет в виду стихотворную «Речь к королю» (1665), где Буало заявлял, что лишь искреннее восхищение побуждает его хвалить Людовика XIV, в противном случае никакие доводы или надежда на награду «не могли бы исторгнуть из него ни одной рифмы» в честь короля. В начале 1670-х годов Буало был приближен ко двору, в 1677 г. назначен официальным историографом короля.

По всей вероятности, сатира была написана после окончания русско-турецкой войны, между 1774—1779 гг. *Вещать, как тот врагов был флота истребитель.* Имеется в виду Алексей Григорьевич Орлов (1737—1807), брат фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова, командовавший во время войны с Турцией русским флотом на Средиземном море. Хотя действительные заслуги Орлова были невелики, он прославлялся как герой; в 1770 г. получил почетное наименование «Чесменский» за победы русского флота над турецким в Чесменской гавани. *Панин* Петр Иванович, граф (1721—1789) — военный и государственный деятель, генерал; командовал русскими войсками, взявшими в 1770 г. турецкую крепость Бендеры. Под «примирителем», возможно, подразумевается брат П. И. Панина — Никита Иванович Панин (1718—1783), возглавлявший иностранную коллегию и во многом способствовавший заключению Кучук-Кайнарджийского мирного договора с Турцией (1774). *Румянцев* (Задунайский) Петр Александрович (1725—1796) — выдающийся русский полководец, генерал-фельдмаршал, отличившийся в Семилетней войне (1757—1763) и в русско-турецкой войне 1768—1774 гг.

Сатира на поклоны. Печ. впервые по автографу (ПД, архив В. В. Капниста). Тематически примыкает к «Сатире II. На худое состояние службы...» и написана, по-видимому, также в 1781 — начале 1782 г. (см. примеч., стр. 331). *При бережи* — оберегая. *Повелит* — повелевает. В изд. Грота опубликованы два прозаических плана сатиры (стр. 350—351):

<1>. «В сатиру на поклоны. Добро, другим еще таки простительно, что ездят на поклоны, чтобы добиться или какого-нибудь чина или места, где бы на счет казны себя обогатить было можно. Но ты, который уж имеешь миллионы, ты для чего туда ж несешься на поклоны, и уж чины за те ж миллионы сверх того получил? Скажи, дай в том отчет! Или разве для того ты разъезжаешь, чтобы еще число миллионов своих умножить, или для того, что ты боишься, чтобы опять какими-нибудь коварными прицепками их не потерять? Когда для того, так я тебе <укажу> другой способ, из жалости к тебе, чтобы тебе с толстым своим брюхом, крехтя и проливая ручьи потовые, лазя по лестницам и выходя и садясь по сту раз в карету в один выезд, не надсадить себя. Какой ты дуралей! Разве ты, вместо того чтоб самому на поклоны разъезжать, сам

не умеешь гостей назвать и сделать обед и жирный и вкусный, такой, чтоб ты на целый год прав был и, не боясь подводов никаких, год целый в покое жил; а гостям твоим став памятен обед твой на весь год, ты прожил бы тогда год целый без хлопот? Простак, вот как учися жить. Не правда ли моя? Конечно, скажешь: так. Да только, чур, смотри, чтоб у тебя на столе куски были бы все жирные, всё новая новинка, устерсы первого привозу, вина столько, чтобы и лакеям твоих гостей девать было некуда. Ведь если и они довольны будут, так ведь это подчас поможет не мало: тогда от них за докладом, конечно, не станет, если от тебя приказчик, не только сам ты приедешь. И не только ту пользу увидишь, что скоры будут на доклад, но он и в том тебе угодит, что скажет, что барин его про тебя говорит, и как дело твое, когда какое случится, в каком оно положеньи и как оно идет. Вот как учися жить. А полно с толстым брюхом тебе на поклоны ходить».

<2>. «Вот каково служить: я, например, расположен писать что-нибудь, а вдруг встревоженный мой дух как будто на ухо мне скажет: «Нет, не до письма теперь: ты вот там-то и там давно на поклоне не был; ступай со двора туда, чтоб на тебя за то не осердились. . .»

В архиве Грота имеется также стихотворный набросок:

В САТИРУ НА ПОКЛОНЫ

Но кто тебе велит? не хочешь, так не езди.
Смешон ты! Служба так велит.
Ведь не поедешь, так и место потеряешь.
И нечем будет жить.

Сатира на честных и ученых людей, что они к местам государственным не способны, или Сатира на изречение нек<оего>..., что лучше к местам определять людей не знающих, а смирных. Печ. впервые по автографу. Основная мысль этой сатиры развивается также в прозаическом плане басни «Был меж зверей выбор. . .» (см. стр. 290). *Клит* — условное литературное имя.

На корыстолюбие. Печ. впервые по автографу. Ст. 27 остался неотделанным. Тематически к сатире непосредственно примыкает прозаическая аллегория «Изображение корыстолюбия»: «Сие чудовище ходит и летает повсюду, не зная никогда покоя. Глава его состоит из одних только пастей, и сколько пастей, столько и глаз, кои беспрерывно озираются о получении добычи. А руки, противу длины всего тела от самых плеч даже по конец оных, сплошь из острых когтей, коими сие чудовище все видимое заграбить старается. Утроба оного подобна престрашной горе, но завсегда зрится пустою, и оно беспрестанным своим хождением и проложенными следами истоптало всю вселенную» (архив Грота).

Письмо к г. К., сочинителю Сатиры I. Впервые (ст. 1—22) — в примечаниях к изд.: В. В. Капнист. Собрание сочи-

нений в двух томах. Т. 1. М.—Л., 1960, стр. 707 (по первоначальному варианту автографа). Печ. по автографу, с учетом правки. «Письмо к г. К.» (Капнисту), как и басня «Черви» (см. стр. 88), — непосредственный отклик на полемику, вызванную появлением «Сатиры I» Капниста («Санктпетербургский вестник», 1780, июнь). Литературный скандал, возникший вокруг сатиры, где Капнист задел многих известных литераторов (имена их, прозрачно зашифрованные, приведены в «Письме...» Хемницера), получил отражение и в печати. В «Санктпетербургском вестнике» (1780, сентябрь) появилось «Письмо к г. К., сочинителю сатиры первой», автор которого (скрывшийся за инициалом Д.) обвинял Капниста в оскорблении «людей, отменившихся как достоинствами, знаниями, так и заслугами своими», в том числе «Весевкина, Никошева и прочих», «сочинениями своими прославившихся в публике». Что касается «слога» сатиры, то анонимный критик упрекал Капниста в заимствованиях из других писателей, в первую очередь из Буало. Послание Хемницера в значительной части представляет собою ответ критику «Санктпетербургского вестника», что явствует уже из совпадения заглавий. Тем самым «Письмо к г. К. ...» можно датировать осенью 1780 г. В бумагах Хемницера сохранился «Ответ по литературным неприятелям» с возражениями на обвинения Капниста в плагиате: «Те, которые, вступясь за сочинителей дурных сочинений, против меня вооружатся и взнесут, будто бы я обокрал Боало, так как и про Боало сказали, что он обокрал Горация, тем отвечаю я точно тем же, чем отвечал защитникам Шапеленовым, Моисея, Ионы и пр. их сатирик. Перевод из Боало: mes ennemis ne peuvent pas faire un plus bel éloge qu'en supposant mes satires traduites de ce grand Poète et je m'étonne aprés cela qu'ils osent parler contre moi et pour les mauvaises ouvrages que j'attaque.[1] (Что я лучшей славы моим сочинениям не желаю как той, чтоб их называли неприят<ели> мои переводом Боало. Перевод ли он или нет — прочим судить оставляю. Пусть будут они перевод; я и на то согласен; но пусть лучше их читают как перевод, нежели как бы, называя их подлинником, об них не знали)». Требование Хемницера исключать из сатир прямые указания на конкретные лица сформулировано и в целом ряде его черновых заметок: «Хоть вместо одного сердиться многие будут, когда ты прямо не назовешь, да тем более число своих глупцов узнаешь; потому что как скоро кто на тебя покосится, считай, что, верно, и он себя в картинах твоих находит, хотя ты про кого и не думал; и имея в уме, пишучи картины, 10, узнаешь через то еще о 20...» Во второй редакции сатиры (1783) Капнист снял прямые намеки на писателей и снабдил ее примечанием, где писал: «...Как сочинитель приметил, что злословие относило к лицам изображаемые в ней (сатире. — *Ред.*) пороки вообще, то перестал писать сатиры...» *Рубов* — Рубан Ва-

[1] Мои враги не могут лучше похвалить мои сатиры, как предполагая, что они переведены из этого великого поэта, и я удивляюсь после этого, как они смеют возражать мне и вступаться за скверные сочинения, на которые я нападаю (франц.). — *Ред.*

силий Григорьевич (см. примеч. к эпиграммам на Рубана, стр. 343). *Косницкий* — Козицкий Григорий Васильевич (1724—1775), литератор, служил в канцелярии фаворита Екатерины II Г. Г. Орлова, затем был статс-секретарем императрицы. В сатире Капниста называется не он, а другой литератор — Федор Яковлевич Козельский (в сатире — Котельский), автор многих од в честь императрицы, Румянцева, Панина и др. *Канпаровский* — Яков Кантаровский, автор хвалебных од и поздравительных стихов. *Весевкин* — Веревкин Михаил Иванович (1732—1795), драматург, автор комедий «Так и должно» и «Точь-в-точь». *Ликошев* — Николев Николай Петрович (1758—1815), драматург и поэт. *Храстов* — Хвостов Александр Семенович (см. примеч. на стр. 342). *Флезиновский* — Александр Фрязиновский, автор ряда переводов и од, в частности оды, посвященной С. Г. Зоричу, фавориту Екатерины II.

Письмо. Впервые — изд. Грота, стр. 352, под заглавием «Послание». Печ. по автографу. Написано в середине 1782 г., накануне отъезда Хемницера в Смирну, что ясно видно из прозаического плана «Письма». Отрывок, начинающийся со стиха «Вы, кои Талию сбираетесь смотреть» и кончающийся стихом «Смотреть на игрища в опальный карусель», был написан раньше как отдельная эпиграмма. Возможно, что «Письмо» предназначалось В. В. Капнисту, которого в это время не было в Петербурге. Приводим отрывок из прозаического плана: «Я уезжаю, любезный друг, для занятия поста, который, говорят, даст мне возможность составить себе значительное состояние, впрочем совершенно честным и позволительным образом. Не имея состояния, я должен позаботиться, чем жить впоследствии. Не то чтобы я хотел употребить свои средства на дела непозволительные; нет, боже упаси меня от этого. Ибо чего нельзя сделать с деньгами? Они заставляют умных молчать, а глупцов научают говорить. Но что до меня, вот на что я буду употреблять свои деньги: в числе других добрых дел, которые я буду стараться исполнить, — если найдется довольно низкий и злой человек, который захочет подрядить, например, Хвостова за высокую плату писать пасквили на хорошего писателя, положим на Фонвизина или на кого-нибудь другого, то я ему дам вдвое, чтоб он этого не делал. И я буду иметь удовольствие обезоружить деньгами как того, кто подстрекнул автора пасквиля, так и самого пасквилянта» (изд. Грота, стр. 352—354; подлинник по-французски). *Хвостов подкуплен быв Фонвизина ругать.* См. примеч. к эпиграммам на Хвостова, стр. 342. *Вы, кои Талию сбираетесь смотреть* и т. д. Хемницер говорит об обычном для его времени бесцеремонном поведении театральной публики. Существовал особый тип театралов, пользовавшихся свободой театральных нравов, чтобы срывать неугодные спектакли. Одного из них вывел В. И. Лукин в комедии «Награжденное постоянство»: «Мы становимся к оркестру в разных кучках, человек по пяти. Кричим громко, нюхаем табак и очень часто харкаем и сморкаем, переходим с места на место и через людей перекликаемся. В самых важных и лучших явлениях делаем или говорим какие-нибудь шутки... а если и это не поможет, смеемся во все

горло» (см.: Л. Н. Майков. Литературные мелочи екатерининского времени. — Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII веков. СПб., 1889, стр. 319). *Смотреть на игрища в опальный карусель.* Имеется в виду амфитеатр, построенный в 1766 г. перед Зимним дворцом в Петербурге для так называемого «каруселя» — костюмированного праздника, состоявшего из конных состязаний. Впоследствии это здание в течение некоторого времени использовалось для представлений народного театра, а затем было снесено.

Ода на подьячих. Впервые — изд. Грота, стр. 355, где первые три строфы даны в другой редакции, а строфы 6 и 8 исключены. Печ. по автографу. Публикуемая редакция начальных строф является более поздней по сравнению с напечатанной в изд. Грота. Хемницер записал оду в редакции, опубликованной Гротом; затем, не удовлетворенный второй строфой, поместил ее новую редакцию на свободном листе слева, отметив значком связи. После этого, на том же листе, он приписал новые редакции строф 1 и 3 (последовательность устанавливается из характера расположения строф на листе). Приводим первоначальную редакцию строф 1—3:

Подьячих всяк бранит, поносит
И род ехидным их зовет,
А в нýжде всякий их же просит
И помощи от них же ждет,
Коль превратить закон и правы
И перетолковать уставы
Иль обмануть в суде судей
Для пользы собственной своей.

Когда подряды заключают,
То из казны чтоб ущечить,
К подьячим первым забегают,
Чтоб плутни в этом деле скрыть:
Казна ведь тем не расточится,
Что несколько поущечится;
Подрядчиков карман набит,
И тот, кто подряжает, сыт.

Когда деревни покупают,
То пошлины в казну берут,
И тут к подьячим прибегают
И им на калачи дают,
Чтоб всей цены не показати,
А только полцены сказати;
Подьячий рад и в том служить,
Изволь его лишь попросить.

Ода на неистовства людские. Впервые — изд. Грота, стр. 363, с пропуском ст. 6 первой строфы. Печ. по автографу. В автографе перед первой строфой зачеркнуто:

Вам я хочу теперь вещать,
Во зле утопши человеки.
Коликие еще вам веки
Во злобе вашей пребывать!
К блаженству вам не возвратиться.
Престаньте злу рабами быть.
Пора его вам позабыть
И к добродетели стремиться.

К этому же замыслу, по-видимому, относится следующий зачеркнутый в рукописи отрывок под названием «Ода»:

Скажите, долго ль, человеки,
Вам в злобе вашей пребывать
И целые текущи веки
Неистовствами наполнять?
Ужель вы им не насыщенны,
И всё ль еще вы устремленны
Тьму оного вновь умножать?

На то ль творец всея вселенны
Тогда, когда вас сотворил,
Вложил в вас ум, сей дар священный,
И тем пред тварью отличил,
Чтоб в зло вы дар сей обращали
И самым тем бы оскорбляли
Того, кто дар сей вам вложил?

Добро творить вы сотворенны
И вот на что вам разум дан.
А вы ко злу лишь прилепленны,
Всяк человечеству тиран.
Уж время злобу вам оставить
И человечество восставить
И восприять сей светлый сан.

Описание частной скупости. Впервые — изд. Грота, стр. 364.

Переложение псалма Ломоносова. Печ. впервые по автографу. Переделка «Преложения псалма 14» Ломоносова («Оды духовные. Ода 2»). Стихотворение Ломоносова, положенное на музыку, было популярно в XVIII в. Хемницер близко следует за своим оригиналом, придавая каждому стиху противоположный смысл. Вариант ст. 1: «Господи, кто обитает» соответствует начальному стиху «Преложения псалма 14». *Злачные места* — здесь: богатые дома, дворцы.

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Ода на славную победу, одержанную победоносною армиею ее императорского величества над неприятелем при городе Журже, и на завладение оного города февраля 4-го дня 1770 года. Впервые — отдельное издание, СПб., б. г. Первое из известных печатных произведений Хемницера. (Ода 1769 г., указанная Н. И. Новиковым в «Опыте исторического словаря...», не разыскана.) *Журжа* — город Джурджу на левом берегу Дуная (в настоящее время принадлежит Румынии); во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. был сильно укреплен и неоднократно переходил из рук в руки. *Монархиня* — Екатерина II. *Днесь* — ныне, теперь. *Оркан* — название тропических циклонов; здесь: ураган. *Мустафа* — султан Турции Мустафа III (1717—1774); правил страной с 1757 по 1774 г. *Агаряне* — здесь: турки (по библейскому преданию, произошли от Исмаила, потомка рабыни Агари). *Марсовые дети* — воины; Марс (римск. миф.) — бог войны. *В Нептунов край* — на дно моря; Нептун (римск. миф.) — бог моря. *Минерва* (римск. миф.) — богиня мудрости; имеется в виду Екатерина II. *Стадо срацин* — толпа турок. Сарацины — общее наименование мусульман в средние века. *Десница* — правая рука. *Чтоб Мустафе покорну быть* — т. е. чтобы Мустафа был покорен. *И от врагов же поощренны.* Имеется в виду Франция, которая в этой войне поддерживала Турцию. *Валлохия, Молдавия* — в XVIII в. придунайские княжества, находившиеся под властью Турции; по Кучук-Кайнарджийскому мирному договору (1774) перешли под протекторат России. *Хотин* — город в Молдавии, важный стратегический пункт, взятый русской армией в 1769 г. *Стамвуль* — Стамбул.

Ода на славную победу... над турками и татарами при устье реки Кагулы... июля 21, 1770 года. Впервые — отд. издание, СПб., 1770 (отпечатано в августе 1770 г., на счет автора, в количестве 100 экз.). Печатные экземпляры оды издателям Хемницера известны не были (см.: В. П. Семенников. Материалы по истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. СПб., 1914, стр. 131—132); один из них ныне хранится в Библиотеке Академии наук СССР (Ленинград). *Кагула* (Кагул) — река в Бессарабии, приток Дуная, где русские войска под командованием Румянцева одержали победу над вдесятеро сильнейшей турецкой армией, остатки которой ушли за Дунай. *Агаряне, Мустафа* — см. выше.

Сиятельнейшему графу Алексею Григорьевичу Орлову... на вторичное из Архипелага в Санкт-Петербург прибытие. Впервые — отд. изд., СПб., 1773. В библиографии сочинений Хемницера не учтено. *А. Г. Орлов* (см. примеч. к «Сатире на прибыткожаждущих стихотворцев», стр. 333) приезжал в Петербург после Чесменской битвы, 4 марта 1771 г., а

28 июня вновь отбыл с несколькими кораблями к островам Архипелага. Вторичный его приезд в Петербург состоялся в конце 1773 г. *Марс* (римск. миф.) — бог войны. *Герой! остави мысль, чтоб с нами вновь расстаться.* Орлов был недоволен планом мирного договора с Турцией и стремился активизировать военные действия, чтобы добиться более выгодных условий мира.

Письмо к другу моему Якову Даниловичу г<осподину> Мерлину на день рождения его октября 1 1772 года. Печ. впервые по автографу. Стихотворение, по-видимому, осталось незаконченным; сохранились черновые наброски продолжения, не составляющие связного текста. *Мерлин* Яков Данилович (1753—1819) — сын екатерининского генерала, сделал впоследствии блестящую военную карьеру; в конце 1790-х годов был генерал-майором в Гродно.

Стихи на именины Мих<аила> Феод<оровича> Сойм<онова>. Печ. впервые по автографу. В рукописи приписка: «Соч<инено> 1773 года майя 23 дня. (Апреля 13 рождение батюшки его, а в праздник святой недели именины его бат<юшки>)». *Соймонов* Михаил Федорович (1730—1804) — сенатор; возглавлял берг-коллегию; с 1773 по 1781 г. и с 1794 г. по 1800 г. был директором Горного училища; начальник Хемницера.

Стихи, писанные в письме к Ник<олаю> Алек<сандровичу> Львову в Москву <17>75 года апреля 3. Впервые — изд. Грота, стр. 359. *Феб,* или Аполлон (греч. миф.) — бог поэзии и солнечного света. *Олимп* — гора в Греции, считавшаяся местопребыванием богов. *Борей* (греч. миф.) — бог северного ветра.

Песнь походная Преображенского полку. Впервые — изд. Грота, стр. 357. Печ. по автографу, где датировано: «1778 года, в июне». Произведение создавалось на какую-то известную мелодию, т. к. после названия песни в рукописи зачеркнуто: «На музык<у>...» Вариант ст. 3—4:

Хоть по воле иль неволе,
А уж, знать, в поход сходить.

О перемене. Впервые — изд. Грота, стр. 363.

Стансы на суету. Печ. впервые по автографу.

К любовникам. Печ. впервые по автографу. После заключительного стиха записано:

Любовь, наукам ты тиранка
И разума узда.

Песнь («Какою ту назвать минуту...»). Печ. впервые по автографу.

Часть картины садящегося солнца. Печ. впервые по автографу.

Сон. Печ. впервые по автографу. Имеются еще два черновых варианта этого стихотворения, мало отличающиеся от публикуемого. Стихотворение Хемницера близко по теме к одноименному стихотворению Н. А. Львова, датированному в рукописи 20 сентября 1773 г. (ПД, архив А. Н. Майкова). Приводим окончание этого стихотворения:

Но я тебя люблю! И, став тебе подвластен,
Сколь счастлив был во сне, столь наяви несчастен.
Почто не наяви дражайший зрак мечтался,
Или чтоб должен я вовек не просыпаться.

Эрот (греч. миф.) — бог любви.

«Владыки и цари всего земного мира...». Печ. впервые по автографу. *Премудростью своей России дав закон.* Речь идет, вероятно, о судебной реформе 1775 г.

Письмо Барнвеля к Труману из темницы. Перевод героиды французского поэта Клода-Жозефа Дора (1734—1780). Впервые — отдельное издание, СПб., 1774 (в изд. Грота, стр. 304, ошибочно указан год издания 1777). *Героида* — стихотворное послание какого-либо мифологического или литературного героя, рассказывающее о его душевных переживаниях. В основу героиды Дора положен сюжет драмы английского драматурга Джорджа Лилло «Лондонский купец, или История Джорджа Барнвеля» (1731). В России этот сюжет был известен как по переводу пьесы Лилло, так и по другим переводам «Письма Барнвеля» Дора (см.: В. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1816, ч. 4, стр. 131, № 8199). *Н. А. Львов* — см. о нем во вступит. статье. Посвящение, которое предпосылает Хемницер своему переводу, представляет собой акростих — начальные буквы стихов составляют слова: «Николай Л<ь>вов». *Часть* — участь. *Вин повестью мрачить* — омрачать повествованием о преступлениях. *Волхвица* — волшебница. *Престол* — здесь: победа. *Напасть ее прервать хоть всё творил* — стремился освободить ее от напасти. *Зрак* — вид, взгляд. *Брат мудрый Сорогон родителя любезный* — любезный Сорогон, мудрый брат родителя. *И меч, что Фаннией двойной устроен был* — т. е. Фаннией были приготовлены два меча: для Сорогона и для себя. *Нуждает* — заставляет, принуждает. *Железо* — кинжал. *Буй* — здесь: насильник, убийца.

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ и др.

«Напрасно ты встревожен, Львов...». Впервые — изд. Грота, стр. 360, где соединено с двумя другими эпиграммами в единое стихотворение под заглавием «На Хвостова». Печ. по автографу. *Хвостов* Александр Семенович (1753—1820) — поэт и переводчик, стяжавший широкую известность своим острословием и эпиграммами, распространявшимися в рукописи. Сослуживец Державина по Сенату, Хвостов одно время принимал близкое участие в литературных занятиях львовско-державинского кружка. Эпиграммы Хемницера свидетельствуют как о начавшемся личном конфликте между Львовым и Хемницером с одной стороны и Хвостовым — с другой, так и о литературных разногласиях (см. примеч. к эпиграмме «Узнавши, что Хвостов к Шумилову посланье...»).

На Хвостова («Ну как на похвалу людскую положиться?..»). Впервые — изд. Грота, стр. 360 (см. предыдущее примеч.). Печ. по автографу.

На Хвостова («Узнавши, что Хвостов к Шумилову посланье...»). Впервые — изд. Грота, стр. 360 (см. примеч. к эпиграмме «Напрасно ты встревожен, Львов...»). Печ. по автографу. *К Шумилову посланье* — «Послание к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Д. И. Фонвизина. Хвостов был известен как постоянный и непримиримый противник Фонвизина; ему принадлежит памфлет «Послание к творцу посланья или копия к оригиналу» (написано, судя по державинскому списку, не позже 4 июня 1781 г. — См. Архив Державина, т. 39. Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина), содержащий, в частности, ироническую характеристику «Послания к слугам моим...»:

Российский Пиндар[1] сей на небеса взвивался;
Ты с челядью своей в системе упражнялся,
Что тряско рассуждать о свете — утвердил
И чрез Шумилова то миру объявил.

Хемницер высоко ценил «Послание к слугам моим...». В бумагах баснописца сохранился сделанный его рукою список этого произведения, с заметками на полях, в которых Хемницер называет его «прекрасным сочинением» (см.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 295—296). В защиту Фонвизина Хемницер выступил и в стихотворении «Письмо» (см. стр. 179). *Что глупость эту он в каникулах сказал.* В XVIII — начале XIX в. слово «каникулы» употреблялось для обозначения наиболее жаркого времени года (в июле — августе). Строка может значить: Хвостов от жары лишился здравого рассудка.

---

[1] Ломоносов. — *Ред.*

«Ты говоришь, что я задумчивым бываю...». Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 28.

На Рубановы стихи на большой камень под конное изображение Петра I. Впервые — изд. Грота, стр. 362, вместе с двумя другими эпиграммами, под общим заглавием «На Рубана». Печ. по автографу. *Рубан* Василий Григорьевич (1742—1795) — журналист, поэт и переводчик; его поэтическая продукция — официальные риторические оды, надписи и стихотворения на случай — неоднократно вызывала насмешки современников. Хемницер имеет в виду надпись «Колосс Родосский, свой смири кичливый вид...» (1770) — единственное произведение Рубана, получившее широкое признание и популярность.

На Рубана («К чему вас так стихи на камень удивляют...»). Печ. впервые по автографу.

На него же («Стихи на камень всех прельщают...»). Впервые — изд. Грота, стр. 362, где объединено с эпиграммой «Что Рубан за стихи подарки получает...»). Печ. по автографу.

«Что Рубан за стихи подарки получает...». Впервые — изд. Грота, стр. 362. См. предыдущее примеч. Печ. по автографу. О сервилизме и корыстолюбии Рубана писал и Капнист в «Сатире I» (см. примеч. к «Письму к г. К. ...», стр. 335). Аналогичный отзыв о Рубане имеется у гр. Д. И. Хвостова: «Хотя вообще замечают, что состояние стихотворца богатств с собою не приносит, г. Рубан имел искусство преображать Ипокрену в струи Пактоловы. Он не иначе всходил на Парнас, как для прославления богатых и знаменитых особ; более же всего обогатился надгробиями...» (см.: Л. Н. Майков. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 266). Ипокрена (греч. миф.) — источник поэзии. Пактол — золотоносная река в Малой Азии.

На трагедию «Венецианская монахиня». Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 28. В рукописях Хемницера сохранилось еще два варианта эпиграммы:

О ТОМ ЖЕ

Лишь только было появилась
Венецианская монахиня на свет,
Как в тот же час опять и скрылась.
Да где ж она? Опять в монастыре живет,
Затем что никому она не полюбилась.

К стр. 219

О ТОМ ЖЕ

Лишь только было появилась
Венецианская монахиня на свет,
Пропала, и ее нигде уж больше нет.
Она ведь автором на сцене глаз лишилась.
Она и скрылась.

В последних стихах речь идет о том, что героиня трагедии, монахиня Занета, ослепляет себя в наказание за преступную любовь к Корансу. Об этом рассказывает вестник (Жеронт) в 6-м явл. действия III; в 7-м явл. Занета появляется «покровенна и провождаема двумя воинами». Трагедия Хераскова «Венецианская монахиня» в 1758 г. была издана, но не увидела сцены. По воспоминаниям Макарова (часто недостоверным), трагедия была поставлена лишь в 1780-е годы в Москве, с М. С. Синявской (Сахаровой) в роли Занеты, и пользовалась большим успехом (см.: М. Макаров. Воспоминания о Хераскове как о драматическом писателе. — «Пантеон», 1845, т. 9, кн. 2, стр. 446). Трудно сказать, что́ Хемницер имеет в виду: неудачную постановку, сведения о которой до нас не дошли, или издание трагедии, не имевшей сценической жизни. В последней строке вместо слова «освистана» ранее было «осуждена» и «осмеяна». Резко отрицательное отношение Хемницера к трагедии Хераскова объясняется ее близостью к жанру слезной драмы (см. примеч. к басне «Домовой», стр. 311).

На Сум<арокова> «Семиру». Впервые — изд. Грота, стр. 361. *«Семира»* — трагедия А. П. Сумарокова, написанная и поставленная на сцене впервые в 1751 г. *«Синав»* — трагедия Сумарокова «Синав и Трувор» (1750). *«Меропа»* — трагедия Вольтера (1736).

На дурного переводчика. Печ. впервые по автографу. Вероятно, эпиграмма направлена против Василия Петровича Петрова (1736—1799), поэта и переводчика, автора многочисленных торжественных од, претендовавшего на лавры «второго Ломоносова». Поэтическая деятельность Петрова носила официальный характер и пользовалась поддержкой двора. Это обстоятельство, а также особенности стилистической манеры Петрова (изысканность образов, тяготение к гиперболе, затрудненный синтаксис, неологизмы) были предметом насмешек и пародий (ср. пародии и эпиграммы Сумарокова, В Майкова, статью о Петрове в «Опыте исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и др.). В 1770 г. вышла 1-я песнь «Энеиды» Вергилия в переводе Петрова (полностью перевод поэмы был издан в течение 1781—1786 гг.). Об «Энеиде» Петрова Хемницер писал: «Перевод стихов в стихи есть то же самое, как бы подлинник совершенной уже картины возвратить в брульйон (черновой набросок. — *Ред.*), да и то не в точный. См<отри> «Энеиду» несносного педанта Петрова» (изд. Грота, стр. 367). Упрек в педантизме относится, по-видимому,

к историческим и филологическим примечаниям, которыми в изобилии был снабжен перевод 1770 г. Хемницер предполагал написать эпиграмму на Петрова, план которой он записал так: «Как можно ему ладить с Петровым! Он старается как можно вразумительно для каждого писать, а Петров старается как можно больше, чтоб его никто не разумел» (РС, 1872, апрель, стр. 610).

Эпиграмма («Что М<айков?> никогда, писав, не упадал...»). Впервые — РС, 1872, апрель, стр. 622. Автограф не сохранился. По-видимому, относится к поэту и драматургу Василию Ивановичу Майкову (1728—1778), автору известной ирои-комической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх», экземпляр которой был в библиотеке Хемницера. К концу века за Майковым устанавливается репутация «низкого» поэта; по воспоминаниям М. А. Дмитриева, сочинения его мало-помалу стали достоянием «особого, не высшего круга читателей» (см.: М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти. СПб., 1869, стр. 28).

На Волтера («Волтера все бранят, поносят...»). Впервые — изд. Грота, стр. 365, под названием «Эпиграмма на Вольтера». Печ. по автографу. *«История»* — «История государства Российского в царствование Петра Великого» Вольтера. *Его дарили и просили.* В XVIII—XIX вв. была распространена версия об официальном характере исторических трудов Вольтера (в частности о том, что «История государства Российского...» писалась по прямому заказу императриц Елизаветы и Екатерины II). Критику этой легенды см.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. — Сб. «Вольтер. Статьи и материалы». Изд. ЛГУ, 1947, стр. 20—25.

На него ж («О вы, любители словесных всех наук...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 28. См. предыдущее примечание.

На Волтера («Все говорят: „Волтер божественно писал“...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 28. Эпиграмма написана, вероятно, после смерти Вольтера, т. е. не ранее 1778 г. Ср. эпиграмму Хемницера «Mich reizt ein dichterischer Trieb...» (стр. 240).

Эпиграмма («На всех не угодить, кому что повкусняе...»). Впервые — изд. Грота, стр. 365. Печ. по автографу. Адресат не установлен.

Перевод французской подписи Паллисотовой комедии «Философы». Впервые — изд. Грота, стр. 365, под заглавием «Надпись к комедии Палиссо „Философы“». Печ. по автографу. Перевод заключительной фразы монолога Криспена в 9-й сцене III акта комедии. В изданиях сочинений Палиссо она служила подписью к фронтиспису с изображением сцены. *Палиссо* де Монтенуа Шарль (1730—1814) — французский комедиограф, ярый

враг энциклопедистов; комедия «Философы» (1756) — один из наиболее откровенных его памфлетов против Дидро и группировавшихся около него философов. Фигура Криспена, входящего на сцену на четвереньках, — пародийный намек на Руссо с его «Рассуждением о происхождении неравенства» и отклик на известное письмо Вольтера к Руссо, где сказано: «Никто еще не тратил столько остроумия, чтобы превратить нас в животных. Когда читаешь вашу книгу, испытываешь острое желание ходить на четвереньках...» Хемницер интересовался философскими трудами Руссо и высоко его ценил (см. вступ. статью, стр. 8). Двустишие Палиссо звучит у него парадоксальным оправданием «хождения на четвереньках» как способа устраниться от общества «глупцов».

На некоторого писателя, который людей почтил именем скотов. Печ. впервые по автографу. Адресат не установлен.

О пользе словесных наук. К химику, который имел спор, что и без учения словесных наук другие изучены быть могут. Ответ. Печ. впервые по автографу. По-видимому, эпиграмма направлена против одного из коллег Хемницера по Горному училищу.

На к<нязя> В. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27. В другой записи эпиграмма озаглавлена «На к—зя В.». Адресат не установлен.

На провиантского. Впервые — изд. Грота, стр. 361. *Провиантский* — чиновник, ведавший заготовкой и хранением продуктов в войсках. *Картуш* (1693—1721) — французский разбойник, известный своими дерзкими грабежами в Париже и его окрестностях.

«Глупцы на всё, что ни спроси у них...». Печ. впервые по автографу.

«Внемлите, род мужской, и женский род, внемли...». Печ. впервые по автографу.

На некоторую вдову. Печ. впервые по автографу.

Эпиграмма («Не правда ли, что человек...»). Печ. впервые по автографу. Вариант начала:

Каким недугам человек
В свой век
Подвержен не бывает?

Ст. 8:

И блохи в ночь, а днем С...<?> кусают.

На худых рифмачей. Печ. впервые по автографу.

Молитва всемирная. Впервые — изд. Грота, стр. 359.

На скупого. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27.

На дурную женщину, которая хотела, чтоб ее списали. Печ. впервые по автографу. Ср. аналогичные эпиграммы Хемницера «Madame! Wie fangs ich an...» и «Du willst das Bildnis gern von Mad. N. bekommen...» (стр. 255).

«Муж сердится, что я к жене его хожу...». Печ. впервые по автографу. Ср. аналогичную эпиграмму Хемницера «Jüngst traf mich jener gute Mann...» (стр. 254).

На Дмитревского. Впервые — изд. Грота, стр. 361. Приводим одну из более ранних редакций эпиграммы:

Вы, кои хочете Дмитревского хвалить,
Коль на явленьи он бывает
И то смеяться вас, то плакать заставляет,
И ум ваш с чувствами, и мысль в восторг влечет —
Оставьте рвенье то, коль слов недостает.
Сказать, что он велик, сей похвалы всё мало,
Хотя бы самое то божество сказало,
И что б могло еще сего сильняе быть?
Но нет; престаньте вы Дмитревского хвалить
И, что велик он, говорить:
Его достойно похвалить
Не можно никому иному,
Как не Дмитревскому другому,
Когда б на свете мог другой Дмитревский быть.

В другой редакции вместо ст. 1—2 было:

Дмитревский, как тебя достойно похвалить,
Нельзя ль хоть одному из смертных то внушить?
Коль на явленьи ты всегда, когда играешь,
То чувствовать себя все чувства занимаешь.

Дмитревский Иван Афанасьевич (1734—1821) — актер, педагог, литератор, сподвижник основателя русского театра Ф. Г. Волкова.

«О ты, который в честь театра россиян...». Печ. впервые по автографу. *Талия* (греч. миф.) — муза комедии. *Мельпомена* (греч. миф.) — муза трагедии. *Дмитревский* — см. предыдущее примеч.

На смерть Троепольской. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 29. *Троепольская* Татьяна Михайловна (1737—1774) —

трагическая актриса. Неожиданная болезнь и смерть Троепольской была воспринята современниками как тяжелая потеря для русского театра (ср. стих. Сумарокова «Г. Дмитревскому», 1774).

На нее же («Так, Мельпомена век российская скончала...»). Печ. впервые по автографу. См. предыдущее примеч.

От имени италиянца, приехавшего в Россию из Италии, где Березовский учился, и увидев его. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 29. *Березовский* Максим Созонтович (1745—1777) — композитор; учился в Италии в 1764—1774 гг. *Евтерпа* (греч. миф.) — муза лирической поэзии и музыки.

На Бортнянского. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 29. *Бортнянский* Дмитрий Степанович (1751—1825) — композитор; учился в Италии в 1769—1779 гг.

На г. Бубликова, на придворном российском театре танцовщика по малочисленному в рассуждении его искусства и противу прочих иностранных танцовщиков ему производимого жалованья. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 29. *Бубликов* Тимофей Степанович (ок. 1748 — ок. 1815) — балетный актер, балетмейстер и педагог; в 1760—1770-е годы был самым выдающимся танцовщиком на русской сцене.

К другу. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 30. Обращено к Н. А. Львову и написано, по-видимому, около 1773 г., в начале знакомства с ним Хемницера.

«Так! Это Львов! Он сам! Его, его сей вид!..». Печ. впервые по автографу. Вероятно, Хемницер имеет в виду портрет Львова, написанный в 1777 г. художником Дмитрием Григорьевичем Левицким (1735—1822). (Ныне находится в Третьяковской галерее.) По поводу этого портрета сам Львов писал (ПД, архив А. Н. Майкова):

Скажите, что умен так Л<ьвов> изображен?
В него с искусством ум Левицкого вложен.

(1777, июль 18)

«Хотел бы я, чтоб ты мне образ свой оставил...». Впервые — изд. Грота, стр. 360, под заглавием «На портрет Львова». Печ. по автографу. См. предыдущее примеч.

«Чувствительно вы похвалили...». Впервые — изд. Грота, стр. 366, под заглавием «М. А. Львовой». Печ. по автографу. Ответ на анонимные хвалебные стихи, напечатанные в «Санкт-

петербургском вестнике» (1779, ноябрь, стр. 360) в связи с выходом в свет первого издания «Басен и сказок» Хемницера (см. вступит. статью, стр. 13). Б. И. Коплан считает автором этих стихов не М. А. Дьякову, а Н. А. Львова, в архиве которого обнаружен автограф стихотворения, датированный 26 ноября 1779 г. (см.: Б. И. Коплан. К истории жизни и творчества Н. А. Львова. — «Известия АН СССР», 1927, № 7—8, стр. 722). В том же «Санктпетербургском вестнике» (1780, сентябрь) появился одобрительный отзыв о сборнике 1779 г. Готовя новое издание «Басен и сказок», Хемницер собирался предпослать ему следующее предисловие (изд. Грота, стр. 297): «Preface pour mes fables. Avant que je commence à racconter mes nouvelles fables, il faut que je remercie le public de la bonté qu'il a eu d'accuellir gracieusement mes fables données 1779. Car je ne voudrais pas être accusé d'ingratitude» <Предисловие к моим басням. Прежде чем начать рассказывать мои новые басни, мне следует поблагодарить публику за благосклонность, с которой она приняла мои басни, выпущенные в 1779 г. Ибо мне не хотелось бы быть обвиненным в неблагодарности>.

На некоторую девицу. Печ. впервые по автографу.

На красавицу. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 30.

На рисованную некоторою девицею розу. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 30.

На ту же («Престаньте, розы вы природные, гордиться...»). Печ. впервые по автографу.

«Ты розу мне в залог любви своей дала...». Впервые — РС, 1872, апрель, стр. 609. Автограф не сохранился.

«Кто пить желает воды...». Впервые — РС, 1872, апрель, стр. 614—615. Автограф не сохранился. Написано, по-видимому, во время пребывания на водах в Спа, летом 1777 г.

«Под камнем сим лежит...». Печ. впервые по автографу. Адресат эпитафии не установлен. Эпитафия в XVIII в. была распространенным литературным жанром, нередко писалась при жизни адресата и могла носить панегирический или эпиграмматический характер. Подобно эпиграмме, она не всегда адресовалась конкретному лицу, превращаясь в таких случаях в краткую афористическую характеристику того или иного социального или психологического типа.

«В сем месте прах того лежит...». Печ. впервые по автографу.

К стр. 229—231

«Здесь прах той положен, которая жила...». Печ. впервые по автографу.

«Сей камень прах того покрыл...». Печ. впервые по автографу.

«Здесь должен всяк сказать, почто не вечно жил...». Печ. впервые по автографу. Другая редакция:

Здесь должен всякий говорить:
Почто не можно вечно жить
Тому, кто по делам бессмертен должен быть!

«Чей прах сей камень покрывает...». Печ. впервые по автографу.

«Того здесь пепел погребен...». Печ. впервые по автографу.

Надпись («Здесь тот лежит...»). Впервые — изд. Грота, стр. 362. Печ. по автографу. По предположению Грота, надпись может относиться к Г. Р. Державину, чья ода «Бог» (1784) была начата еще в 1780 г.

Надгробная («Под камнем сим лежит не умный филосо́ф...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27. По-видимому, относится к Фридриху II (ср. немецкую эпиграмму «Auf den K<önig> v<on> P<reußen>», стр. 262).

Надгробная («Он был великий дух, огромных дел творитель...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27. См. предыдущее примеч.

Надгробная («Под камнем сим лежит...»). Печ. впервые по автографу.

Надгробная батюшки Николая Александровича Львова. Печ. впервые по автографу.

На него же («Прохожий, коему сей гроб напоминает...»). Печ. впервые по автографу.

Надгробная моя («Жив честным образом, он весь свой век трудился...»). Впервые — изд. 1799 г., стр. XV (подпись к виньетке, изображающей памятник Хемницеру), без заглавия и с изменениями:

Жил честно, целый век трудился
И умер гол, как гол родился.

Печ. по изд. Грота, стр. 366.

Надгробная на меня самого («Не мни, прохожий, ты читать: „Сей человек...“»). Впервые — изд. Грота, стр. 366.

На конное изображение Петра Великого. Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27. *Конное изображение Петра Великого* — Медный всадник, который сооружался в течение 1770—1782 гг.

На него ж («Народа своего творец...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, стр. 27. См. предыдущее примеч.

ДВУСТИШИЯ И АФОРИЗМЫ

Двустишие «Кто тайны собственной своей не сохранил...» впервые — изд. Грота, стр. 292. Часть двустиший опубликована Л. Е. Бобровой в Ученых записках ЛГПИ, т. 164, ч. 2, 1957, стр. 67—68, и «Сборнике научных статей» (Барнаул. пед. ин-т), вып. 3, 1958, стр. 327, 329; остальные печатаются впервые по автографам. Двустишия в XVIII в. представляли собой самостоятельный жанр (иногда назывались билетом, т. к. писались на пригласительных билетах). Среди рукописей Державина сохранился такой «билет», написанный, по-видимому, на Хемницера, перед отъездом его в Смирну (ГПБ, архив Державина, т. 1):

БИЛЕТ

Иванушкой зовут, Иван его отец.
Торговый будет гость, изрядный молодец.

Часть двустиший Хемницера являются, несомненно, самостоятельными законченными произведениями. Однако возможно, что среди публикуемых двустиший и афоризмов есть и поэтические «заготовки», предназначенные для помещения в басню или сатиру (см., например, в Приложениях, стр. 271 один из таких афоризмов с надписью: «В басню»), которые трудно выделить ввиду чернового характера дошедших до нас рукописей.

Перевод из Боало. Вольный перевод ст. 163—164 и 171—174 из «Поэтического искусства» Буало (в свою очередь восходящих к «Науке поэзии» Горация): «Работайте не торопясь, как бы ни понуждали вас приказами, и не хвастайтесь неразумной быстротой... Спешите медленно и, не теряя мужества, двадцать раз перерабатывайте свое сочинение, без конца шлифуйте; иногда добавляйте и часто вычеркивайте».

«Я лучше соглашусь несчастливо прожить...». Вариант двустишия:

Я лучше соглашусь в несчастье умереть,
Как жизнь счастливую с бесчестием иметь.

К стр. 239—265

СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Печ. впервые по автографам, большая часть которых — в тетради, озаглавленной «Sammlung verschiedener Gedichte» («Собрание разных стихотворений»). Французская автоэпитафия «Mon épitaphe» опубликована впервые в изд. Грота, стр. 368. Большинство стихотворений представляют собой черновые редакции и носят следы значительной авторской правки. При наличии нескольких вариантов для публикации избирается наиболее законченный и отделанный (остальные варианты не приводятся).

Auf eine Wochenschrift «Mischmasch». An den Verfasser (На еженедельник «Смесь». Сочинителю). Адресат эпиграммы не поддается точному определению. Немецкое слово «Mischmasch» («всякая всячина», «смесь») может относиться равно к одному из трех сатирических еженедельников, выходивших в 1769 г. (некоторые из них позднее переиздавались): «Всякая всячина» (издавалась Екатериной II), «И то и сё» (издатель — М. Д. Чулков), «Смесь» (издатель — Ф. Эмин или Л. И. Сичкарев).

Sinngedicht auf Palschau (Эпиграмма на Пальшау). *Пальшау* Вильгельм Иоганн Готфрид (1741—1815) — клавесинист и композитор. Приехал в Петербург в 1770 г., но широкую известность стал приобретать в конце 1770-х — начале 1780-х годов.

«Wie, Haller hätte das Gedicht...» («Ужели Галлер сочинил...»). *Галлер* Альбрехт (1708—1777) — швейцарский естествоиспытатель и поэт, один из представителей раннего сентиментализма, автор поэмы «Альпы» и ряда философско-сентиментальных поэм (в частности, «Несовершенного стихотворения о вечности»).

Auf den K<önig> v<on> P<reußen> (На короля Пруссии). Направлено против Фридриха II (1712—1786), сочетавшего реформы в духе «просвещенного абсолютизма» с политикой захватнических войн. Существует расширенный вариант эпиграммы (архив Грота). См. также Надгробные («Под камнем сим лежит не умный филосо́ф...» и «Он был великий дух, огромных дел творитель...»), стр. 230.

Приложения

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И НАБРОСКИ

Вдова («Кто нежность жен к мужьям осмелится оспорить...»). Впервые — изд. Грота, стр. 270. Печ. по автографу. См. примеч. к басне «Вдова», стр. 321. *На глаголе оставляют* — на виселице (сооруженной в виде буквы «Г». «Глаголь» — старинное название буквы «Г»).

«Легко ли на людей, чтобы исправить их...»; «Испорчен, право, здешний свет...». Печ. впервые по автографу.

В басню («Признаться, так простой подьячий это был...»). Печ. впервые по автографу. Фрагмент представляет собой начальный этап формирования замысла, с характерным для Хемницера повторением и варьированием стихов.

«В умеренности всё блаженство состоит...». Впервые — изд. Грота, стр. 291.

В басню («Чужого не замай, а береги свое...»). Впервые — изд. Грота, стр. 291.

«Всю правду говоря доселе про зверей...». Впервые — Л. Е. Боброва. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке. — «Сборник научных статей» (Барнаул. пед. ин-т), вып. 3, 1958, стр. 327.

«Кто всё увертками и хитростью живет...». Впервые — изд. Грота, стр. 292.

В басню («По взгляду не суди...»). Печ. впервые по автографу.

«Кто знает...». Печ. впервые по автографу.

В басню («Не по уму чиновен...»). Печ. впервые по автографу.

Письмо к другу. Печ. впервые по автографу. Обращено, по-видимому, к Н. А. Львову или Г. Р. Державину. Написано зимой 1780 или весной 1781 г., когда Хемницер жил в имении Капниста Обуховке (вариант ст. 2: «А я в Обуховке живу, сует не знаю»). Намеченные в этом наброске темы получили развитие в «Сатире на худых судей», «На худое состояние службы...», «Сатире на поклоны» и др. (см. стр. 159, 165, 173).

Сатира к себе самому. Печ. впервые по автографу (ПД, архив В. В. Капниста). *Зачем хулить его утеху и отраду, Им сочиненную поэму «Россиаду».* См. примеч. к басне «Имение и ссора», стр. 316. *Акафисты* — молитвенные хвалебные песнопения; в переносном смысле — преувеличенные похвалы. *Хвостов* — см. примеч. к эпиграмме на Хвостова, стр. 342. *Когда б Петрова ты осмеял язык и «Энеиду».* См. примеч. к эпиграмме «На дурного переводчика», стр. 344.

«Зачем глупец скоряй до счастья доступает?..» Печ. впервые по автографу. Набросок тематически связан с замыслом «Сатиры к себе самому» (см. предыдущее примеч.).

На суету мира. Печ. впервые по автографу.

В сатиру («И только временщик лишь новый появится...»); «И, пишучи стихи, печется лишь о том...»; «Ты говоришь: «Да кто велит ему писать?..»; «Не мог бы сытость ты со гладом различити...». Печ. впервые по автографам. Фрагменты относятся к сатирическому замыслу «О худых писателях» и развивают или варьируют мысли, нашедшие выражение в «Сатире на прибыткожаждущих стихотворцев» (см. стр. 171 и примеч., стр. 332). Возможно, что отрывок «И пишучи стихи, печется лишь о том» предназначался для этой сатиры (оба автографа находятся в одной тетради). Сохранился прозаический набросок, объединяющий два сатирических замысла: о бездарных стихотворцах и о роли и судьбе сатирика в обществе (см. «Сатира к себе самому», стр. 273); по-видимому, Хемницер предполагал реализовать их в пределах одного произведения: «Подумайте только с довольным размышлением, худые писатели: каков для вас быть должен тот страшный час, когда сочиненная на худые ваши творения хула, отданная к напечатанию и готовая уже, покажется в свет, пойдет по рукам; все ее читают; весь город об ней говорит; куда ни приедешь, только и речей; и всяк узнать охужденного сочинителя желает; друг другу говорят: укажи мне его, укажи; и когда случай доимет, пальцами из-под тиха на вас указывают; но не для того, чтобы вам удивляться, видя вас во славе, как то бывает с хорошими сочинителями, но видеть вас обруганных и посрамленных. Что до меня, я чувствую, как бы наступает час приговора к казни.
<...>Нет, не хочу стихов я более писать... Car s'est un métier qui ne fais que d'ennemis. Il faut de l'ésprit pour écrire et voilà d'abord l'occasion pour se faire des ennemis parce qu'on a de l'ésprit; ou bien on peut faire de vers sots et alors on en aura moins d'ennemis. D'ailleurs en écrivant il n'y a que deux extremités à choisir: ou la vérité ou de mensonges... *et alors il faut ironiquement parler en citant les personnes de bien et les malhonnête gens;* par exemple: parlerai-je d'un tel qu'il a fait de cette vertu ou de cette autre-là tandis qu'il a commit tel ou tel crime; et faire de noms supposé de mes personnages; pour la fin de la piéce repeter encore la resolution — о нет, не хочу стихов я более писать...»
<Перевод: Ибо это дело, в котором только врагов наживаешь. Чтобы писать, нужен ум, и вот сразу случай нажить врагов потому, что обладаешь умом; или можно писать дурные стихи и оттого иметь меньше врагов. Впрочем, когда пишешь, приходится выбирать только между двумя крайностями: правдой или ложью... *и тогда должно говорить с иронией, приводя слова достойных людей и бесчестных,* например: стану ли я говорить о таком-то, что он совершил тот или другой добродетельный поступок, в то время как он повинен в таком-то и таком преступлении; и придумать имена моих

действующих лиц; в конце же пьесы повторить опять заключение...>

В сатиру куда кстати («Сие было и я старался испытать...»). Печ. впервые по автографу.

Перевод сатиры Боало к уму. Перевод начала Сатиры IX Н. Буало-Депрео (1636—1711) («C'est à vous, mon Esprit, à qui je veux parler....», 1668). Печ. впервые по автографу. Обращение к «своему уму», в «безумной дерзости» судящему современных поэтов, было для Буало средством обосновать свою литературную позицию и дать резкие характеристики литературным противникам, назвав их поименно. В своих выступлениях против «худых писателей» Хемницер в известной мере отправляется от Буало, и прежде всего Сатиры IX (см. примеч. к «Письму к г. К. ...», стр. 335). Отзвуки этой сатиры Буало есть и в наброске сатиры о разуме, «Письме к другу», «Сатире на идущих противу ученых людей, или на себя самого».

В сатиру о разуме («Кто умным быть себя не воображает?..»). Печ. впервые по автографу.

Сатира на идущих противу ученых людей, или на себя самого. Печ. впервые по автографу.

«Хотя и говорят, что свет умняе стал...». Печ. впервые по автографу.

«Мы из дурачества в другое переходим...». Печ. впервые по автографу.

В городе обращение людей. Печ. впервые по автографу. По-видимому, с этим фрагментом связаны записи (архив Грота):

Словами счастия когда тебе желает,
А делом так твою погибель устрояет

В глаза глядит — лицо, отвернется — другое.

В сатиру на злоупотребленье («У нас хотя чины и въявь не продают...»). Печ. впервые по автографу. То же двустишие (с незначительными отличиями) записано Хемницером под названием «На обряды».

В сатиру о честности («О чести всяк твердит, всяк имя чести знает...»). Впервые — Ученые записки ЛГПИ, т. 164, ч. 2, 1957, стр. 67. Ср. двустишие «Божится честью он, а честь его такая...», стр. 235.

«Зимою стужу мы несносной называем...». Печ. впервые по автографу.

В сатиру («Иной кудрям своим вид пол-луны дает...»). Впервые — изд. Грота, стр. 365. В рукописи второй стих не отделан.

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

К басням моим приношение кому-нибудь впредь. Отрывок «Ведь без покровительства...» печ. впервые по автографу; «Давно мне хочется вам угодить...» впервые — изд. Грота, стр. 112, под заглавием «К басням моим приношение впредь». По мнению Грота, издавая сборник 1779 г., Хемницер колебался, кому его посвятить, и предполагал вначале адресовать его начальнику и другу Львова П. В. Бакунину. Однако, как явствует из заглавия набросков, Хемницер не имеет в виду определенное лицо. Кроме того, нет основания утверждать, что наброски были сделаны до выхода в свет сборника 1779 г. За единичными исключениями басни, автографы которых сохранились в архиве Грота, не вошли в издания 1779 и 1782 гг. (Хемницер предполагал выпустить их как третью часть «Басен и сказок»). Можно думать, что «приношение кому-нибудь впредь» Хемницер также имел в виду предпослать новому сборнику басен (что отчасти подтверждается и названием набросков).

Басня. «Одно животное желало дойти до счастия...». Печ. впервые по автографу.

Басня. «Льву хотелось завесть войну с своим соседом...». Печ. впервые по автографу.

«У льва был зверинец...». Впервые — изд. Грота, стр. 290. Сохранился черновик, где сделана первая попытка реализации этого плана:

Лисице не в терпенье.
— Тьфу, пропасть! надобно взбеситься:
Никак не можно поживиться!
И думает: чем взять?
И на собак льву клеветать.
Бездельников первейшее дело!

Басня. «Собака нашла кость...». Впервые — изд. Грота, стр. 291.

Баснь. «Рыбу и раков ловят с огнем...». Впервые — изд. Грота, стр. 292.

Баснь на пословицу: «Святое место пусто не будет». Впервые — изд. Грота, стр. 292.

Басня. «Хозяин некий, имея зверя дикого на цепи в доме...». Впервые — изд. Грота, стр. 293. *Обрусел* — сделался домашним, ручным.

Басня. «Дорожный денег нес мешок...». Впервые — изд. Грота, стр. 293. Печ. по автографу.

Басня. «Сельди, будучи преследуемы китами...». Впервые — изд. Грота, стр. 295. Печ. по автографу.

Басня. «Один бедняжка искал счастия своего...». Впервые — изд. Грота, стр. 294. Печ. по автографу. На том же листе Хемницер начал набрасывать вариант стихотворного текста и дополнения к прозаическому плану:

«О вы, которые хотите,
Чтоб в милость при царе войти,
Старайтесь наперед в придворных ее найти.
<. . . . .>
Чего, бывало, ни начнет —
Всё счастье не везет.
Уж он и то, другое —

чего, бывало, бедняжка этот не делал? Все, что только придумать можно; но, разумеется, не бесчестными и не подлыми путями, какими многие до счастия доступить желают. Нет, он все прямой и честной дорогой шел».

Басня. «Одна травка стояла на открытом поле...». Впервые — изд. Грота, стр. 295. Печ. по автографу.

«Один человек, завидуя счастию больших бояр...». Печ. впервые по автографу.

Баснь. «Дерево представить с плодами...». Впервые — изд. Грота, стр. 286.

Баснь. «Дурака заставь богу молиться, он и лоб разобьет...». Впервые — изд. Грота, стр. 287.

Баснь. «Солнце осердилось на океан...». Впервые — изд. Грота, стр. 288. Печ. по автографу.

Баснь. «Был меж зверей выбор...». Впервые — изд. Грота, стр. 289. Ср. «Сатиру на честных и ученых людей...», стр. 175.

В басню: «Звери такие-то убегали такого-то зверя...». Печ. впервые по автографу.

«Басню написать на сод<ержание>...». Печ. впервые по автографу.

«Когда мухи досаждают...». Впервые — РС, 1872, апрель, стр. 610. Автограф не сохранился.

Сатира к другу. Печ. впервые по автографу.

«Сатиру какую-нибудь начать вот так...». Впервые — Ученые записки ЛГПИ, т. 164, ч. 2, 1957, стр. 88.

Ода. Путь, через который в случаи входить стараться должно и места получить. Печ. впервые по автографу. С этим планом непосредственно связан набросок, озаглавленный «Стихи на непостоянство или ненадежность случая»:

При перемене командира
Стараться должно вновь о том,
Уклонки новые готовить
И в милость нову приходить,
Чтоб новой милостью прожить.

Сатирическое изображение («Иной счастие свое...»). Печ. впервые по автографу.

К элегии. Печ. впервые по автографу.

Предисловие к трагедии; В трагедию. Впервые — Л. Е. Боброва. К вопросу о месте И. И. Хемницера в львовско-державинском литературном кружке. — Сборник научных статей (Барнаул. пед. ин-т), вып. 3, 1958, стр. 323, 322.

«В комедию ввести черту подобострастия каких-нибудь подлецов подчиненных...». Печ. впервые по автографу. Этот и два предыдущих отрывка — единственное, что сохранилось из драматических замыслов Хемницера. Его ранний драматический опыт — трагедия «Бланка» в трех действиях — не был издан и известен лишь по указанию Н. И. Новикова в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (СПб., 1772).

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* И. И. Хемницер. Литографированный портрет, воспроизведенный в издании «Сочинения и письма Хемницера», под ред. Я. Грота. СПб., 1873.

2. *Стр. 118.* Автограф басни «Куры и галка» с правкой Н. А. Львова (ПД, архив Я. К. Грота).

3. *Стр. 127.* Автограф басни «Привилегия» (ПД, архив Я. К. Грота).

4. *Стр. 139.* Автограф басни «Метафизический ученик» (ПД, архив Я. К. Грота).

5. *Стр. 153.* Автограф басни «Народ и идолы» (ПД, архив Я. К. Грота).

6. *Стр. 285.* Лист из черновой тетради Хемницера с набросками и планами басен (ПД, архив Я. К. Грота).

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ[1]

[1] В Указатель включены произведения, вошедшие в основной корпус издания.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

БАСНИ И СКАЗКИ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

---

[1] Первая цифра указывает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САТИРЫ. САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

РАЗНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ЭПИГРАММЫ, ЭПИТАФИИ, НАДПИСИ и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ НА НЕМЕЦКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Приложения

НЕОКОНЧЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И НАБРОСКИ

ПРОЗАИЧЕСКИЕ ПЛАНЫ

Хемницер Иван Иванович

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Редактор *И. В. Исакович*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *З. Н. Петрова*

Сдано в набор 14/VIII 1963 г. Подписано в печать 2/XII 1963 г. Бумага $84 \times 108^1/_{32}$
Печ. л. 12 + 1 вкл. (19,89) Уч.-изд. л. 19,01
Тираж 13 000 Заказ № 1178. Цена 73 к.

Издательство «Советский писатель»
Ленинградское отделение
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УЦБиПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3